

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ТАТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.А. КАМАЛОВА

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК
В КОНТЕКСТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР»
В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

КАЗАНЬ 2006

УДК 398.21 (470.71)

ББК 82.3 (2 Рос)

К 18

Печатается по рекомендации редакционно-издательского совета Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

Научный редактор:

доктор педагогических наук, профессор М.Г.Ахметзянов
(ТГГПУ)

Рецензенты:

Кандидат педагогических наук, доцент М.В.Ведишенкова
(ТГГПУ);

Кандидат педагогических наук, методист О.В.Мартьянова (ИРО РТ).

Камалова Л.А.

К 18 Изучение русских народных сказок в контексте «диалога культур» в школах Республики Татарстан. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 153 с.

ISBN-87720-131-7

Данное исследование посвящено изучению русских и татарских народных сказок в контексте диалога культур. Изучение русской народной сказки в контексте диалога культур отвечает положениям новой концепции литературного образования, требующей от учащихся глубоких знаний, широты использования ассоциативных связей, умения сравнивать и сопоставлять. Являясь одной из форм фольклора, русская народная сказка несет в себе высокие моральные принципы, нравственные ценности, эстетические идеалы. Изучение русской народной сказки в школе решает одну из важнейших проблем гуманизации и гуманитаризации образования – приобщение подрастающего поколения к истокам национальной культуры и искусства. Автором разработана система изучения русских и татарских народных сказок на уроках литературы в пятом классе. Адресована учителям общеобразовательных школ, студентам и аспирантам гуманитарных вузов.

ISBN-87720-131-7

Камалова Л.А., 2006

Оформление РИЦ «Школа», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. Научно-теоретические предпосылки изучения русских народных сказок в контексте «диалога культур».....	11
1.1. Проблема определения термина «сказка» в отечественной фольклористике.....	11
1.2. Вопрос о генезисе народной сказки в отечественной и зарубежной фольклористике.....	16
1.3. Классификация русских и татарских народных сказок.....	30
1.4. Типологическое сходство и различие русских и татарских народных сказок (Поэтика сказок).....	40
1.5. «Диалог культур» как взаимопроникновение общенационального в русских и татарских народных сказках.....	61
ГЛАВА 2. Методические основы изучения русской народной сказки в контексте «диалога культур».....	67
2.1. Русские народные сказки в современной школе.....	67
2.2. Психолого-педагогические основы восприятия сказок детьми младшего и среднего школьного возраста.....	80
2.3. Изучение русских и татарских народных сказок в контексте «диалога культур» как фактор литературного развития учащихся.....	87
2.4. Изучение русской народной волшебной сказки «Царевна-лягушка» на уроках литературы в пятом классе.....	96
2.5. Изучение татарской народной волшебной сказки «Тан-батыр» на уроках русской литературы в пятом классе.....	104
2.6. Изучение русской и татарской народных сказок о животных «Кот и Лиса» и «Лиса и Волк».....	111
2.7. Изучение русской и татарской народных бытовых сказок «Как	

старик домовничал» и «Портной, бесёнок и медведь»	116
2.8. Закрепление у пятиклассников понятия о русской народной сказке в контексте «диалога культур». Урок-турнир знатоков народной сказки.....	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	132
ЛИТЕРАТУРА.....	137

ВВЕДЕНИЕ

Проблема гуманизации и гуманитаризации ставит перед учеными и учителями задачу интенсификации учебного процесса, максимального насыщения его фактами и реалиями отечественной и мировой культуры, широкого использования ассоциаций, возникающих при восприятии художественных произведений.

Ученые отводят литературе в этом процессе одно из ведущих мест потому, что «любая национальная литература вбирает в себя факты отечественной и мировой материальной и духовной культуры, культурные реалии современности и прошлого, специфические национальные обряды и обычаи, религиозные представления народа»(113, с.23).

Русская литература в школе с родным (нерусским) языком обучения изучается в нерусской языковой и культурно-исторической среде, что оказывает большое влияние на определение содержания и структуры предмета «русская литература» в татарской школе. Специфика преподавания литературы в такой школе предполагает широкое использование методических возможностей, заложенных во взаимосвязях двух близких друг другу культур – русской и татарской литератур, т.е. в контексте «диалога культур».

Проблеме «диалога культур» посвящены работы по философии (В.С.Библер, Г.Д.Гачев, М.М.Бахтин и др.) и по методике преподавания литературы (М.В.Черкезова, Г.М.Гогиберидзе, М.Г.Ахметзянов и др.). «Диалог культур» рассматривается ими как процесс «творческого понимания» разных культур во времени и в пространстве, как столкновение и соотнесение различных творческих индивидуальностей, художественных точек зрения.

Изучение русской народной сказки в контексте «диалога культур» отвечает положениям новой концепции литературного образования, требующей от учащихся глубоких знаний, широты использования ассоциативных связей, умения сравнивать и сопоставлять.

Являясь одной из форм фольклора, русская народная сказка несет в себе высокие моральные принципы, нравственные

ценности, эстетические идеалы народа. Изучение русской народной сказки в школе решает одну из важнейших проблем гуманизации и гуманитаризации образования – приобщение подрастающего поколения к истокам национальной культуры и искусства.

Те или иные аспекты изучения литературы в школе рассмотрены в трудах ученых-методистов В.В.Голубкова, М.А.Рыбниковой, Г.А.Гуковского, Г.И.Беленького, О.Ю.Богдановой, В.В.Горбунова, И.С.Збарского, Г.И.Ионина, М.Г.Качурина, В.В.Квятковского, Н.И.Кудряшева, Н.В.Колокольцева, Т.Ф.Курдюмовой, А.А.Липаева, М.В.Черкезовой, С.К.Бирюковой, В.Я.Коровиной, Н.Н.Светловской, С.А.Леонова, В.Г.Маранцмана, М.А.Снежневской, Н.А.Сосниной, Л.В.Тодорова, Н.Д.Молдавской, Н.А.Бодровой, И.А.Подругиной, М.Г.Ахметзянова, С.А.Зинина и др. Между тем на общетеоретическом, классификационном и программно-методическом уровнях проблема изучения русской народной сказки в контексте «диалога культур» в школьном литературном образовании не была предметом специального исследования. Этим обстоятельством объясняется наше обращение к названной проблеме исследования.

Сказка – один из основных видов устной народной прозы. Сказка как вид фольклора передает древний тип (архетип) человеческого сознания, является начальной формой мышления всего человечества. Сказка отражает мировоззрение народа, эстетические, религиозные представления, социальные и культурные ценности.

В трудах известных ученых Ф.И.Буслаева, А.Н.Веселовского, А.И.Никифорова, Ю.М.Соколова, Б.М.Соколова, М.К.Азадовского, В.Я.Проппа, Е.М.Мелетинского, Э.В.Померанцевой, В.П.Аникина, Д.С.Лихачева, И.П.Лупановой, Д.Н.Медриша, С.Г.Лазутина, Н.И.Кравцова, В.А.Бахтиной, Ю.И.Юдина, Т.Г.Леоновой, Н.М.Липовецкого, В.Е.Добровольской и др. рассматриваются вопросы поэтики народной сказки. В их работах исследуется своеобразие жанровой модели мира, которую создает сказка, роль волшебного и реального, особая организация времени и

пространства, сюжетные компоненты сказки, структура сказочного образа.

Сказка как особая, образная модель мира близка и понятна детям младшего и среднего школьного возраста. Она помогает ребенку справиться с избытком информации при недостатке знаний, по-своему понять окружающий мир. Благоприятно влияя на интеллектуальное, эмоционально-психологическое развитие детей, сказки способствуют воспитанию патриота своей страны, помогают формированию таких качеств, как стойкость, правдивость, оптимизм, доброта, человечность, трудолюбие.

В исследованиях психологов и дидактов Б.Г.Ананьева, В.Н.Мясищева, А.И.Леонтьева, Л.С.Выготского, Л.И.Божович, В.А.Моляхо, Р.С.Немова, Д.Б.Эльконина, В.В.Давыдова, Е.В.Субботского и др., а также в трудах зарубежных ученых Ж.Пиаже, К.Юнга, В.Вундта исследуется психология восприятия и оценка литературного произведения детьми младшего и среднего школьного возраста.

Важную роль в формировании концепции исследования сыграли труды философов А.И.Бурова, Е.В.Волкова, А.Ф.Еремеева, М.С.Кагана, Б.Г.Лукьянова, В.П.Тугаринова, А.Ф.Косарева, М.С.Колесова, А.Д.Синявского и др., а также труды ученых республики А.К. Насырова, П.А.Полякова, Ф.И.Урманчиева, Л.Ш. Замалетдинова, Ю.Г. Нигматуллиной, М.Г.Ахметзянова и др., писавших о проблеме изучения родной литературы в контексте «диалога культур».

Многолетние наблюдения над процессом преподавания в школе показывают, что нередко в пятом классе учителя только повторяют сведения о русской сказке, хорошо известные ученикам из начальной школы: её содержание (победа добра над злом, прославление доброты, трудолюбия, верности), роль волшебного начала, специфические сказочные приемы повествования (наличие зачина, концовки, устойчивых оборотов). Но между тем изучение русской народной сказки может быть более глубоким, продуманным и целенаправленным. С одной стороны, необходимо помочь детям постичь специфику содержания и формы русской народной сказки, выстроив

материал в систему, а с другой стороны – необходимо в ходе этой работы сопоставить русскую и татарские народные сказки, выявив общенациональные и типологические черты в их содержании и форме.

Практическое решение данной проблемы связано с трудами литературоведов, философов, психологов, эстетиков, дидактов, учёных-методистов, которые научно обосновывают и разрабатывают проблему изучения фольклорных произведений в аспекте постижения национальной культуры. Изучение работ названных учёных, а также наблюдения над практикой современного школьного литературного образования позволили выдвинуть идею необходимости теоретического обоснования и методического осмысления проблемы изучения русских народных сказок в школах с родным (нерусским) языком обучения в контексте «диалога культур».

При этом «диалог культур» понимается нами как переключение в другую культуру без отчуждения от родной. «Диалог культур» рассматривается нами как процесс «творческого понимания» культуры, когда чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. По утверждению М.М. Бахтина, происходит «переключение в другую культуру без отчуждения от родной» (16, с. 355). При такой диалектической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и открытую целостность, взаимно обогащая друг друга. Такое осмысление взаимодействия разных культур и их изучение на уроках литературы позволяет расширить социальный, нравственный, эстетический, интеллектуальный кругозор учащихся и воспитать подлинно культурного читателя, способного к синтезу духовного опыта предшествующих поколений.

При изучении русской народной сказки в контексте «диалога культур» в школе с родным (нерусским) языком обучения следует учитывать особенности восприятия художественного произведения нерусскими учащимися, своеобразие их эстетических вкусов, национальных традиций, черт национального характера.

Преодолеть трудности, осложняющие изучение русской народной сказки учащимися нерусской национальности,

помогает использование факторов, свидетельствующих о сходных явлениях в русской и родной литературах, их взаимосвязях, сравнительный анализ произведений русского и татарского устного народного творчества.

Целостность и «объёмность», глубина постижения этого сложного материала в школе с родным (нерусским) языком обучения во многом зависит от способности школьников сравнивать и сопоставлять произведения русской и родной литератур, воспринимать русскую народную сказку как явление отечественной и мировой культуры, вобравшей в себя «национальные картины мира»(17, с.376).

Методологическую основу исследования составили труды философов Л.И.Булова, Е.В.Волкова, А.Ф.Еремеева, М.С.Кагана, Б.Г.Лукьянова, В.П.Тугаринова, А.Ф.Косарева, М.С.Колесова, А.Д.Синявского и др., литературоведов Ф.И.Буслаева, А.Н.Веселовского, А.И.Никифорова, Ю.М.Соколова, Б.М.Соколова, М.К.Азадовского, В.Я.Проппа, Е.М.Мелетинского, Э.В.Померанцевой, В.П.Аникина, Д.С.Лихачева, И.П.Лупановой, Д.Н.Медриша, С.Г.Лазутина, Н.И.Кравцова, В.А.Бахтиной, Ю.И.Юдина, Т.Г.Леоновой, Н.М.Липовецкого, Н.Е.Добровольской и др., психологов и дидактов Б.Г.Ананьева, В.Н.Мясищева, А.И.Леонтьева, Л.С.Выготского, Л.И.Божович, В.А.Моляхо, Р.С.Немова, Д.Б.Эльконина, В.В.Давыдова, Е.В.Субботского и др., а также труды зарубежных ученых Ж.Пиаже, К.Юнга, В.Вундта и др.

Принципиально важное значение в контексте настоящего исследования имели педагогические концепции, связанные с содержанием образования, формами и способами учебной работы (Л.В.Занков, О.Н.Зайцева, Ш.И.Ганелин, М.А.Данилов, М.Н.Скаткин, С.Т.Шацкий, И.Ф.Герbart, Ф.А.Дистервег и др.), исследования по методике (В.В.Голубков, М.А.Рыбникова, Г.А.Гуковский, Г.И.Беленький, О.Ю.Богданова, В.В.Горбунов, И.С.Збарский, Г.И.Ионин, М.Г.Качурин, В.В.Квятковский, Н.И.Кудряшев, Н.В.Колокольцев, Т.Ф.Курдюмова, А.А.Липаев, М.В.Черкезова, С.К.Бирюкова, В.Я.Коровина, Н.Н.Светловская, С.А.Леонов, В.Г.Маранцман, М.А.Снежневская, Н.А.Соснина, Л.В.Тодоров, Н.Д.Молдавская, Н.А.Бодрова, И.А.Подругина,

М.Г.Ахметзянов, С.А.Зинин, и др.), которые рассматривают проблемы изучения русской литературы в школе.

Изучение работ названных учёных, а также наблюдения над практикой современного школьного литературного образования позволили выдвинуть идею необходимости теоретического обоснования и методического осмысления проблемы изучения русских народных сказок в школах с родным (нерусским) языком обучения в контексте «диалога культур», понимаемого как определение типологических и общенациональных черт в русской и татарской народных сказках путём их сопоставления.

Литературный курс V – IX классов не может быть усвоен без освоения понятия о русской народной сказке. Основным теоретико-литературным понятием, формируемым в 5 классе, является понятие о жанре и, в частности, понятие о сказке. Именно в 5 классе закладываются основы литературной грамотности, и от прочности знаний, умений, полученных в среднем звене, зависят успехи учащихся при изучении историко-литературного курса в старших классах.

Курс литературы в школе с родным (нерусским) языком обучения основывается прежде всего на принципах и требованиях, общих для русской и национальной школы. В исследовании намечается ряд специфических **принципов**, свойственных преподаванию литературы в школе с родным (нерусским) языком обучения, к которым относятся:

- необходимость учёта неодинакового уровня лингвистической подготовки учащихся разных национальных регионов;
- своеобразие социальных, этнографических и других особенностей окружения нерусских учащихся, влияющих на восприятие художественного текста;
- национально-художественная специфика родной литературы, устного народного творчества, формирующая определённое национально-художественное мышление учащихся, индивидуально-психологические особенности восприятия действительности людьми разных национальностей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В КОНТЕКСТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР»

1.1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «СКАЗКА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Сказка - один из основных видов устной народной прозы. От других устных повествований (преданий, быличек, легенд, сказа), сообщаемых с информативными целями, сказку отличает установка на вымысел, занимательность сюжета, цель повествования, предназначенная для развлечения и поучения слушателей.

История изучения русской народной сказки является составной частью историографии русского фольклора, которая включает в себя два этапа: преднаучный (XVII-XVIII вв.), период собирания и литературной обработки, и научный (XIX-XX вв.).

Впервые историография сказки (с обширными экскурсами в область сказковедения в западноевропейские науки) представлена в работе С.В. Савченко «Русская народная сказка. История собирания и изучения» (92). Позднее, в XX в. данное исследование использовалось в работах ведущих фольклористов: М.К. Азадовского, Ю.М. Соколова, В.П. Аникина, Э.В. Померанцевой и др. С.В. Савченко обобщил достижения отечественной фольклористики XIX века и наметил пути дальнейшего изучения сказки.

Для исследования этого жанра имеется большая источниковедческая база: сборники сказок XVII-XVIII вв. (М.Д. Чулков, С.Е. Друкотцев, П.А. Тимофеев, В.Л. Левшин), XIX в. (И.П. Сахаров, Н.Е. Ончуков, Н.А. Иваницкий, А.Н. Афанасьев, И.А. Худяков, Д.Н. Садовников), а также труды и критические статьи историков русской словесности В.Г. Белинского, И.Н. Пыпина, О.Ф. Миллера, Н.А. Добролюбова, П.В. Владимирова и др.

В изучении русской народной сказки намечается несколько направлений, по которым шло исследование ее как жанра:

- 1) проблема определения термина «сказка»;
- 2) генезис сказочного жанра;
- 3) классификация сказок;
- 4) поэтика сказки.

Изучение проблемы определения термина «сказка» в науке начинается с 40-50-х гг. XIX в. и исследуется в работах В.Г.Белинского, К.С.Аксакова, А.Н.Афанасьева, Б.М.Соколова и Ю.М.Соколова, А.И.Никифорова и др. Учеными ставится вопрос о том, что считать сказкой, любой фантастический рассказ или выделять, кроме того, несказочную прозу. Мнения исследователей расходятся в аспекте отбора существенного признака в определении сказки. Ряд фольклористов сказкой называют все, что «сказывалось», «всякий устный рассказ» (7, с.34). Ю.М.Соколов писал: «Под народной сказкой в широком смысле этого слова мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера» (98,с.190). В соответствии с этим исследователь выделяет следующие разновидности сказок: фантастические, авантюрно-новеллистические и бытовые. Б.М.Соколов указал на главный признак сказок - занимательность: «сказки - это рассказы, сообщаемые в целях занимательности» (100,с.60-61).

Попытку отличить сказку от других жанров фольклора делает К.С.Аксаков: «Между сказками и песнями, по нашему мнению, лежит резкая черта... Сказка-складка (вымысел), а песня-быль...» (3,с.27) Таким образом, ученый считает ведущим признаком в определении сказки наличие «склада», то есть вымысла.

Признак, принятый Аксаковым в качестве приоритетного, был положен с некоторыми уточнениями в основу термина, данного А.И. Никифоровым: «Сказки - это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно- стилистическим построением» (79,с.173). А.И.Никифоров не соглашается с мыслью, что «пустая сказка» могла сохраняться у народа в продолжение целого ряда веков. А.И.Никифоров указывает на «три существенных» признака сказки: «первый признак-целестановка на развлечение

слушателей», «второй признак современной сказки - необычное в бытовом плане содержание»; «наконец, третий важный признак сказки - особая форма ее построения...» (79, с. 171).

Н.В.Новиков полагал, что признак, «верят или не верят рассказчик и его слушатели в реальную возможность сказочных чудес, не может быть сочтен определяющим для сказки». Сказка, по мнению ученого, независимо от этого обстоятельства, «остаётся сказкой» (78, с. 112).

В действительность излагаемых сказкой событий изначально не верят, и этот признак, по определению В.Г.Белинского, является решающим в определении термина сказки. Сравнивая былинку и сказку, он утверждает, что в сказке всегда «заметна задняя мысль, заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом» (19, с. 312).

Основоположники отечественного сказковедения XX в. продолжают изучение сказки и ее особенностей: М.К.Азадовский, В.Я.Пропп, В.М.Жирмунский, Э.В.Померанцева, В.П.Аникин, И.П.Лупанова. В современной фольклористике существует немало фундаментальных работ по сюжетопостроению сказки (С.Г.Лазутин, В.Я.Пропп, Е.М. Мелетинский, В.Б. Шкловский), по законам времени и пространства (Д.С. Лихачев, В.А. Бахтина, Н.М. Герасимова, С.Ю. Неклюдов), о природе сказочной фантастики (Д.Н. Медриш, Е.М. Неелов, В.С. Непомнящий), о своеобразии сказочного жанра (Н.И. Кравцов, Н.М. Ведерникова, Э.В.Померанцева, В.П. Аникин), об исторических и мифологических корнях (Э.В. Померанцева, В.Я. Пропп, Е.А. Тудоровская, Е.М. Мелетинский, А.Ф. Анисимов).

В трудах фольклористов XX в. существует несколько определений народной сказки.

Э.В.Померанцева, давая определение сказки, подчеркивает такой ее существенный признак, как вымысел: «Народная сказка - эпическое художественное произведение преимущественно прозаического, волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел». (80, с.45). С такой точкой зрения соглашаются не все исследователи. Например, В.П.Аникин, К.В.Чистов, Л.Г.Бараг, С.И.Азбелев отвергают это мнение. В.П.Аникин утверждает: «Не установка на вымысел

является главной чертой сказки, а установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла, формы которого складывались в тесной связи с обширным кругом мировоззренческих и бытовых понятий и представлений народа, как в древнее, так и в позднее историческое время» (5, с. 114).

В.А.Бахтина дает определение сказки через основные ее компоненты - фантастическое и чудесное. По ее мнению, «сказочная фантастика - это фантастика чудесного, необыкновенного, возвышающегося над реальным и в некотором смысле игнорирующая реальность» (18, с. 55).

В.Я.Пропп также указывает в определении сказки на ведущий ее принцип - выдумку: «Сказка есть нарочитая поэтическая функция, она никогда не выдается за действительность» (83, с. 34).

Из далекого прошлого дошли до нас сведения об интересе и потребности в сказке в Древней Руси. Памятники письменности свидетельствуют о том, что в Древней Руси для обозначения сказок существовало слово «баснь», «байка от глагола баять», а сказочников называли «бахарями». Проповедник XII в. писатель Кирилл Туровский называл в числе грешников тех, кто «басни бает», то есть сказки сказывает. В известной «Грамматике» Лаврентия Зизания слова «баснь» и «байка» определяют равнозначные понятия (83, с. 20). Слово «байка» в значении «сказка» употребляется также в украинском и польском языках. Итак, Древняя Русь не знала слова «сказка», соответствующим словом служила «баснь».

В русском языке слово «сказка» появилось позднее. Впервые упоминание этого термина исследователи относят к XVII в. Первоначальный его смысл совершенно далек от современного. Оно означало сказанное или писаное слово, имеющее силу документа. В записях А.Болотова записано: «Они (крестьяне), будучи довольны, подали тогда же обще со мною полюбовную сказку» (83, с. 19). В устном обиходе «отобрать сказку» некогда соответствовало нашему выражению «снять показание».

Существовало и словосочетание «ревизские сказки» -

именные списки всего наличного населения. По-видимому, в ответах подсудимых, речах свидетелей, отчетах о случае, в « ревизских сказках» было много вымысла, вранья, что не могло не привлечь внимания остроловов. Поэтому слово «сказка» получило здесь свое второе осмысление.

В «Мертвых душах» Н.В.Гоголя «ревизскими сказками» называются установленные путем ревизии документированные списки крестьян, принадлежащих одному помещику. Корень этого термина, «каз», с разными приставками приобретает разное значение, но основной смысл основного корня - некоторая форма сообщения: сказать, указать, наказать и т.д.

Итак, до XVII в. в русском языке слово «сказка» означало нечто достоверное, письменное или устное показание, свидетельство, имеющее юридическую силу. Об этом же значении слова «сказка» пишет и В.Я.Пропп в исследовании «Русская сказка» (83, с.17-28).

С XVII в. прослеживается и другое, противоречащее приведенному выше, значение слова «сказка». В указе царя Алексея Михайловича 1649 г. говорится: «Многие челоуецы неразумьем веруют в сон, и во встречи, и в полаз, и в птичий грай, и загадки загадывают, и сказки сказывают небывалые» (83, с. 20). Можно проследить сходство значения слова «сказка» со словом «баснь» у Кириллы Туровского (птичий грай, полаз). Это явно доказывает, что слово «баснь» заменилось словом «сказка».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля слово сказка объясняется так: «Сказка - всякое деловое показанье, объясненье, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчет о случае, происшествии» (133, с. 533). Значение этого определения приближено к толкованию А.Болотова.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой слово «сказка» имеет несколько значений:

1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил.

2. Выдумка, ложь.

3. То же, что чудо (136, с. 720).

Подобные определения вобрали в себя и народные

представления о понятии «сказка» (то же, что чудо), и научные поиски исследователей, пытавшихся синтезировать основные компоненты сказочного жанра.

Итак, исследователи фольклора XIX-XX вв. оставили в области определения термина «сказка» несколько плодотворных идей, на которых основывается современное сказковедение. Многие из них столь важны и основополагающи, что до сих пор являются предметом разработки и исследования современных ученых-литературоведов.

1. В Древней Руси для обозначения сказки использовали слова «байка», «баснь»; тех, кто исполнял сказки, называли «бахарями».

2. В русском языке слово «сказка» появилось в XVII в., тогда оно имело два различных значения: 1) сказанное или писаное слово, имеющее силу документа; 2) близкое к значению слов «полаз», «птичий грай», «сны небывалые», «загадки загадывать».

3. К концу XVII в. слово «баснь» заменилось определением «сказка» с явным значением исходного слова.

3. В определении понятия «сказка» в современной фольклористике не существует единого мнения. Однако большинство исследователей подчеркивает главные ее свойства: наличие вымысла, выдумки, фантазии и опору на необычный фантастический сюжет, волшебное действие, отдаленное от реальности.

1.2. ВОПРОС О ГЕНЕЗИСЕ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ XIX-XX ВВ.

С древних времен произведения фольклора были для человека важным средством выражения представлений об окружающем мире, о взаимоотношениях людей. Сказка как вид фольклора передает мировоззрение народа, его моральные принципы, эстетические, религиозные представления, социальные и культурные ценности.

Одним из наиболее сложных и спорных вопросов в изучении сказки является проблема генезиса жанра. В вопросе о происхождении народной сказки существует несколько

принципиально разных течений, или школ: мифологическая, историческая, школа заимствования (миграционная).

Мифологическая теория возникла в Западной Европе в начале XIX в.

Основоположниками ее являются немецкие ученые В. и Я.Гримм, которые в работе «Kinder und Hausmärchen» впервые поставили научную проблему происхождения и сходства сказок разных европейских народов. В своем труде В. и Я. Гримм утверждали, что в эпоху индоевропейского единства сказка была мифом. Наука тогда, по их мнению, не располагала достаточными средствами для того, чтобы установить, каков был характер этого мифа. Религия была религией божества, и утверждалось, что сказка восходит к *gotter mythen* - мифам о богах (124). Братья Гримм поставили целью воссоздать немецкую мифологию, для чего занялись изучением фольклора и языка древних германцев. Ученые впервые указали на то, что корни национальной культуры связаны с древними народными верованиями - язычеством. По главному труду Я.Гримма «Немецкая мифология» (*Deutsche Mythologie*, 1835) и стали называть первое теоретическое направление в фольклористике.

Последователем мифологической теории в России, оформившейся на рубеже 1840-1850-х гг., был Ф.И.Буслаев, первый русский ученый-фольклорист. Вслед за братьями Гримм Буслаев устанавливает связь фольклора, языка и мифологии, выделяет принцип коллективной природы художественного творчества народа. Буслаев обосновывает точку зрения индоевропеизма положением о мифологическом характере сказки, который в прошлом связан с вопросом о международном сходстве сказок: «Не остается ни малейшего сомнения, что ближайшее родство этих народностей по мифологии, языку, обычаям и поэзии определяется общим историческим происхождением индоевропейских народов от одного начала» (24, с. 208).

Сказка для него в прошлом - это миф, и этот миф должен и может быть восстановлен путем сравнительного изучения. Как обломок доисторической старины, сказка содержит в себе древнейшие мифы, общие всем индоевропейским языкам, но эти мифы уже потеряли смысл в позднейших поколениях,

обновленных различными историческими влияниями. Поэтому сказка, по мнению Буслаева, относительно позднейшего образа мыслей стала нелепостью, складкой, а не былью. В труде Буслаева «Славянские сказки» сказка была объявлена отражением первобытного мифа (24, с. 210).

В труде немецкого ученого Ф.Крейцера «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» утверждается идея, «что сказка была мифом» (125). По мнению Крейцера, мифы придуманы отдельными лицами, в частности, жрецами, которые заключили недоступное для толпы философское учение в высшие символы и предоставили их в пользование массам.

В середине 60-х гг. XIX в. в России возникает школа сравнительной мифологии «младших мифологов» (О.Ф.Миллер, А.Н.Афанасьев). Солярно-мифологическая концепция О.Ф.Миллера утверждает, что в основе мифов содержатся первобытные представления о небе, о солнце, о молнии, о грозе (73). Древней религией была религия природы, обожествления ее сил. Заслуга Миллера состоит в тщательном подборе огромного материала, в попытке выделить в русском эпосе разные по древности слои, в попытке отделить исторические бытовые элементы от мифологических.

Наиболее крупным представителем русской школы «младших мифологов» был А.Н.Афанасьев. В труде «Поэтические воззрения славян на природу» (8) на основе большого фактического материала объяснено происхождение мифов через историю языка. Ссылаясь на диалекты и язык фольклора, Афанасьев утверждает: «В древности значение корней было осязательно», «Большая часть названий основывалась на весьма светлых метафорах» (8, с.7). Автор уверен, что происходившее со временем затемнение метафор приводило к метафорическому уподоблению и воспринималось затем уже как действительный факт. Отсюда рождался и миф: «Стоило только забыть, затеряться первоначальной связи понятий, чтобы метафорическое уподобление получило для народа все значение действительного факта и послужило поводом к созданию целого ряда баснословных сказаний... Извилистая молния является огненным змеем, быстролетные ветры наделяются крыльями, владыка летних гроз - огненными

стрелами» (8, с. 8). Афанасьев без доказательств принимает утверждение: «основа» - это чудесные силы природы, к которым первобытный человек очень близок. Исследователь пишет: «Предметом ее (сказки) повествований был не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обоготворенной природы» (8,с.9). На протяжении истории мифы подвергались значительной переработке. Поэтому Афанасьев выделяет три принципиально важных момента.

Во-первых, он объясняет «раздробление мифических сказаний». По его представлению, «большая часть мифических представлений индоевропейских народов восходит к отдельному времени ариев; выделяясь из общей массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе с богато выработанным словом, уносили с собой и самые воззрения и верования» (8, с.10). Во-вторых, «низведение мифов на землю и прикрепление их к известной местности и историческим событиям» (8,с.10). В-третьих, «нравственное (этическое) мотивирование мифических сказаний». С возникновением государственных центров мифы канонизируются, приводятся в хронологическую последовательность: боги подразделяются на высших и низших. Общество богов «организуется по образцу человеческого, государственного союза, и во главе его становится верховный владыка с полной царственной властью» (8, с. 11).

Афанасьев поставил в фольклористике существенные теоретические проблемы: о сущности мифов, об их происхождении, историческом развитии. Несмотря на стройность и доказательность концепции Афанасьева, в ней отразились недостатки романтических теорий языковедов и фольклористов середины XIX в. В теории Афанасьева прослеживались субъективизм в конкретных истолкованиях и отсутствие четких критериев.

К 70-м гг. XIX в. наблюдается кризис мифологической школы. Выдвигается проблема сходства сказочных повествований, и сходство объясняется результатом не индоевропейского единства, а заимствования, культурного общения между народами.

Именно с этой точки зрения подошел к изучению

отдельных сюжетов русский исследователь А.Н.Пыпин. В книге «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» вводится понятие литературной истории сюжетов, совпадающее с понятием странствования сюжета (85, с.51). «Византия, с одной стороны, сообщала арабам произведения блестящего времени греческой литературы....С другой - сама знакомилась с поэтическими сказаниями Востока, даже с индийским эпосом, доходившим до нее путем сирийских, арабских и персидских переводов; по связи с народами германскими и романскими для нее доступны были и сказочные богатства западноевропейские» (85, с.52). Пыпин выясняет пути проникновения к нам произведений из Византии, от южных славян, из Польши, из романо-германского мира и считает такие странствования необходимым явлением: «Это странствование поэтических произведений было до того обыкновенным и почти необходимым явлением, что каждое замечательное сказание или повесть расходилась повсюду и у разных народов, видоизменяя свою физиономию, получая длинную литературную историю, не лишенную характеристических особенностей» (85, с.53). Таким образом, Пыпин отходит в работе от генезиса народной сказки, допуская мифологическое происхождение сказочных сюжетов, но центр внимания перемещает на странствования сюжетов. Особенно обстоятельно рассматривает вопрос о взаимоотношении устной и письменной традиций. По его мнению, они взаимодействуют и могут иметь общую судьбу, хотя автор не исключает возможности несоответствия устной передачи и письменной: «Большая часть наших сказок существует до сих пор только в устной передаче и поэтому очень трудно обозначить верно круг их содержания, и разветвление этих произведений народной фантазии» (85, с.56).

Теодор Бенфей систематизировал взгляды своих предшественников по проблеме генезиса народных сказок. Анализируя текст «Панчатантры» («Пятикнижия») и сопоставляя с позднейшими переводами на монгольский, древнеиранский, сирийский, арабский, древнееврейский, античный, византийский, романо-греческий языки, он приходит к выводу: «Рассказы и в особенности сказки оказываются первоначально индийскими...Мои исследования в области басен, сказок и

рассказов Востока и Запада привели меня к убеждению, что лишь немногие басни, но и большое число сказок и рассказов из Индии распространились почти по всему свету» (121). Бенфей подтверждает индийское происхождение всего сюжетного богатства прозаического фольклора, за исключением басен о животных, которые он на основе басен Эзопа возводит к античности. Ученый считает, что индийские произведения проникли в пределы Западной Азии, далее - в Африку, к обитателям Сенегала и на самый юг, к бечуанам и готтентотам. Передаточными пунктами при этом были Византия, Италия, через Африку - Испания. С буддийской литературой они с I в. н.э. беспрерывно проникали в Китай и Тибет. За пределами этих стран индийские сюжеты попадали к монголам. Монголы, в свою очередь, передавали сказочный материал русским, которые сообщали его литовцам, сербам и чехам.

Проблему международных соответствий исследовал в России А.Н.Веселовский. Впервые в фольклористике он ставит вопрос о причинах заимствования. В центре внимания исследователя - не только сюжетные схемы, их совпадения и отличия, не только географическая карта, а прежде всего живой народ как конкретная историческая реальность, как создатель и носитель традиции (28).

Полного развития взгляды Веселовского достигли в его докторской диссертации «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Из истории литературного общения Запада и Востока» (29). Он устанавливает факт заимствования сказок: из Индии - в Иран, с одной стороны - к евреям, с другой - в Византию. Веселовский указывает посредствующие звенья и сроки перехода. По названным путям данные сюжеты разошлись по всему Востоку и Западу.

Причины заимствования исследователь видит во внутренних факторах, лежащих в области идеологии народа в зависимости от его исторических судеб и явлений социального порядка. Веселовский отходит от мифологической школы как таковой: «Теория эта (теория заимствования) имеет многое за себя: дословное сходство в самых незначительных мелочах, представленное сказками разных народов, не может быть

объяснено иначе, как перенесением» (29, с.107). Одновременно с таким ясным и четким утверждением автор допускает и другую мысль, что «схема» сказок может создаваться в разных местах самостоятельно. «Усвоение пришлого сказочного материала немислимо без известного предрасположения к нему в воспринимающей среде. Сходное притягивается сходным, хотя бы сходство было и неабсолютное... С этой точки зрения, в каждой сказке должно быть и свое, и чужое, теория заимствования подает руку теории самозарождения» (29, с.110).

Большой вклад в изучение генезиса народной сказки внесла антропологическая школа. Сходство фольклорных явлений рассматривается представителями этого направления как частный случай сходства этнографического порядка. Сходство коренится, с точки зрения антропологов, в законах человеческой психики, которые едины для всех народов.

Основоположник антропологической теории Эдвард Тейлор в ряде научных исследований дает строго продуманную систему доказательств и рассуждений по вопросу происхождения сказочного вымысла (110). Тейлор впервые стал на путь изучения мышления первобытного человека.

Изучение психики первобытного человека приводит Тейлора к учению об анимизме (anima - душа, дух). Он приходит к выводу, что анимизм есть мировоззрение первобытного человека, которое приписывает всему окружающему миру душу или некоторое духовное начало. Камни могут говорить, деревья - кровоточить, когда их рубят, солнце может вступить в брак. Тейлор впервые определяет сущность религии уже не как веры только в одушевленность солнца, светил, туч, а как признание наличия в мире некоего духовного начала. Все народы проходят, по Тейлору, одинаковый путь развития. Народы современной Европы когда-то находились в том же состоянии первобытности, в каком находятся ныне «дикари». В круг сравнений он вводит и фольклор первобытных народов, представляющих наиболее раннюю ступень развития человечества. Современная культура, по его мнению, содержит неосознанные, переосмысленные остатки этой первобытной культуры. Таким образом, сказка - это остаток первобытного мифа, утверждает Тейлор (110, с. 54).

Последователи Тейлора Эндрью Лэнг и Джеймс Джордж

Фрезер значительно углубили его мысли о генезисе сказки и происхождении мифа. Лэнг впервые привлекает для изучения сказки явления социальной жизни. Сходство фольклорных явлений сводится им к сходству социальных институтов.

Мотив трех братьев, из которых младший наследует престол, сводится Лэнгом к понятию минората (права наследования младшим). Сюжет Амура и Психеи объясняется им некогда имевшимися брачными запретами. Сходство сказочных явлений ученый объясняет единством человеческой психики (128).

В главном труде Фрезера «Золотая ветвь» изучается форма наследования власти, ее связь с фольклором и религиозными представлениями (112). Магия рассматривается им как дорелигиозная ступень развития человеческого сознания. Магия, религия и наука, по Фрезеру, представляют собой три ступени развития человеческой культуры. На огромном материале Фрезер показал мифологическую общность примитивных культур и попытался доказать, что в основе образного мышления современного цивилизованного человека лежат те же мифы.

В исследованиях В.Я.Проппа «Русская сказка» (83) и «Исторические корни волшебной сказки» (82) ставится и решается вопрос о древнейшей основе народной сказки вообще и волшебной сказки в частности. Подробно рассмотрев позиции существовавших в России и на Западе мифологической, антропологической школ и школы заимствований, В.Я.Пропп приходит к выводу, что наиболее объективной является материалистическая точка зрения. Явления первобытной и позднейших культур он рассматривает как явления исторического процесса, определяемого не психологическим единством, а законами развития способов производства и социальных отношений». Впервые в фольклористике Пропп выдвигает идею «стадиального изучения сказки». Под принципом стадиального изучения он понимает «изучение развития общества по стадиям, определяемым совокупностью материальной, социальной и духовной культур, где явления духовной культуры оказываются производными, надстройкой над

социально-экономическим базисом» (83, с.180). В.Я.Пропп дает материалистическое обоснование происхождению сказки, основываясь на социально-исторических законах развития общества. «Однако один и тот же общественный закон у разных народов проявляется по-разному, и развитие происходит не с одинаковой быстротой. Развитие мы определяем не с точки зрения хронологии, а с точки зрения его уровня и форм на каждой стадии» (83, с. 181).

По мнению Проппа, первобытные люди не имели сказок. У них были только мифы. Существовали мотивы, эпизоды, фабула которых могла отражать древние представления первобытных людей, но они были раньше, чем сказка. «Сказки еще нет, но те представления, те образы, те фантастические или реальные события, о которых она повествует, могли иметь место в досказочных образованиях или даже в действительности» (140, с. 24).

По Проппу, первоначально возник обряд, фактически производившийся древними людьми, затем на второй стадии развития общества возник миф, а впоследствии - сказка. На стадии возникновения мифа обряд уходит в прошлое и «воспринимается как нечто отвратительное и нечестивое» (82, с. 25). Народ верит мифу, так как содержание его имеет сакральный характер, это - священное предание народа. На стадии возникновения сказки из мифа некоторые черты сюжета меняются, «рассказ воспринимается как вымысел» (83, с. 310).

В.Я.Пропп доказывал, что «многие из сказочных мотивов восходят к различным социальным институтам, и среди них особое место занимает обряд посвящения, который определил следующие мотивы: увод или изгнание детей в лес или похищение их лесным духом, избушка, запродажа, избиение героев Ягой, отрубание пальца, показывание оставшимся мнимых знаков смерти, печь Яги, разрубание и оживление, проглатывание и извержение, получение волшебного средства или волшебного помощника, травестиизм, лесной учитель и хитрая наука...» (83, с.311). В.Я.Пропп установил, что большую роль в создании фантастического мира волшебных сказок «играют представления о загробном мире, о путешествиях в иной мир» (83, с.312).

Таким образом, языческие верования, отражая

мифологические представления людей о природе и обществе, выражались в многочисленных рассказах, создававшихся с разнообразными целями. Эти рассказы могли объяснить человеку происхождение рода, племени, его самого, животного и растительного мира, космоса. Следы этих мифологических рассказов особенно ярко видны в сказках, записанных в XIX-XX вв.

Следующим важным этапом в развитии фольклористики XX в. явилась работа Е.М.Мелетинского «Поэтика мифа» (71), в которой автор обосновывает появление мифа, сказки, эпоса. Во многом соглашаясь с В.Я.Проппом, Мелетинский развивает и углубляет мысли предшественника о соотношении мифа и сказки. Как и Пропп, он рассматривает возникновение сказки с точки зрения мифологических истоков: «Собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических истоков» (71, с.156). В работе Мелетинского убедительно звучит вывод: «происхождение сказки из мифа не вызывает сомнения» (71, с.158).

При раннеродовом строе почти повсеместно была распространена своеобразная вера в родственные связи между группой людей и каким-нибудь видом животных. Животное считалось своеобразным родоначальником- тотемом (в переводе означает «род», «его род» - из языка североамериканских индейцев племени оджибве). Так возникает **тотемизм** - поклонение каким-либо животным или растениям, которые считались покровителями рода, его родоначальниками. Тотемизм явился своеобразной формой религиозного осознания связи человека с природой и зависимости от нее.

Представления древних людей о тотеме отразились в мифах, а затем и в сказках о животных. Е. Мелетинский проводит связь между мифом и сказкой с точки зрения влияния на них тотемизма. «Многочисленные тотемические мифы и особенно мифологические анекдоты о трикстерах широко отразились в сказках о животных. Мифологический генезис бросается в глаза в универсально распространенных сюжетах волшебной сказки о браке с чудесным «тотемным существом, временно сбросившим звериную оболочку...» (71, с.112). Е.М.Мелетинский продолжает исследования В.Я.Проппа в

вопросе о своеобразной связи сказки с ритуалами, обрядами посвящения: «...сказка с ее интересом к судьбе личности широко использует мифологические мотивы, сопряженные с ритуалами посвячительного типа» (71, с.114). Поэтому «...волшебная сказка обязана посвячительным ритуалам рядом важнейших символов, мотивов, сюжетов, отчасти своей общей структурой...» (71, с.115).

Принципиально новым положением в работе Мелетинского является мысль о постепенной трансформации мифа в сказку через следующие основные ступени: деритуализация и десаκραлизация мифа, ослабление строгой веры в истинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, а мифического времени - сказочно-неопределенным, ослабление или потеря этиологизма. Перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные и с космических на социальные...(71, с.149)

Рассматривая австралийские мифы, ученый приходит к выводу о том, что важнейшим стимулом для превращения мифа в сказку была десаκραлизация. «Из тотемических мифов изымается священная информация о мифических маршрутах тотемических предков, их ссорах и драках, ко всякого рода авантюрным моментам, по отношению к которым допускается большая свобода варьирования и тем самым выдумки» (70, с.151). Постепенно создается достаточно условная поэтическая «мифология» сказки. Исчезает строгая локализация в рамках космической модели времени и возникает неопределенное «сказочное» время и место действия. Происходит отказ от этиологизации. Создается определенная мифическая концовка, которая с течением времени теряет роль орнаментального привеска и «постепенно вытесняется в сказках о животных «моралью», а в волшебных сказках - стилистическими формулами» (71, с.153). Самое главное изменение, отличающее миф от сказки,- «сужение» масштаба повествования и перенесение интереса на личную судьбу героя.

В ряде работ В.П.Аникина также исследуется вопрос о генезисе русской народной сказки. Ученый отмечает, что «мир волшебных сказок в генетическом отношении более древний, чем

развитое антропологическое мышление, создавшее лешего, кикимор, русалок, трясух С демонологией мир волшебных русских сказок не связан», - делает он вывод (7, с.23). Не указывая на прямые источники происхождения сказки, автор косвенно останавливается на возникновении сказочного вымысла. Обрядовая магия, магические действия древних людей положили начало рождению образов волшебной сказки. По мнению В.П.Аникина, «остатки обрядовой магии точно воспроизводятся в содержании многих волшебных сказок» (7, с.93). На прямую связь русской волшебной сказки с обрядовой магией указывают такие факты, как существование у восточных славян особых предметов, выполнявших функцию чудесного оберега. Кольцо, топор, платок, зеркало, пояс, веник, уголь, воск, хлеб, вода, земля, огонь, яблоко, трава, ветка, палка помогали человеку преодолеть силы природы, стихию неведомых человеку действий окружающей природы, мира. Этим и другим предметам человек приписывал при известных обстоятельствах чудодейственную силу. (5, с.101).

В.П.Аникин указывает на огромную роль слов, выполнявших у восточных славян функцию заклинания, священнодействия: «Связь сказочного вымысла с магическим действием обнаруживается в сказке, когда речь идет о волшебном слове, после произнесения которого мир должен подчиниться воле человека, знающего толк в словесной магии... По единому слову возводятся золотые дворцы и строятся хрустальные мосты, мостятся дороги, воздвигаются города, ткуются огромные ковры» (5, с.102). Таким образом, характер волшебных действий в сказке совпадает с видами и типами народной магии. С помощью магических обрядов и словесных формул пытались лечить людей. В волшебных сказках существуют и различные виды любовной магии. Например, в сказке о Василисе Премудрой героиня возвращает себе любовь суженого, прибегая к любовной магии.

По мнению Аникина, «волшебная сказка как явление искусства возникла в результате переосмысления древнейших рассказов, преследовавших утилитарно-бытовые цели» (5, с.105). Считая труд основой переосмысления действительности, ученый делает вывод о том, что «мифологическое мышление,

отличающееся идеологическим синкретизмом,- спаянностью начал религии, науки и искусства, имело своим источником ту действительность, которую человек преобразил своим трудом» (5, с.106).

По нашему мнению, особое значение представляют идеи Леви-Стросса, где в работах «Структура мифов» и «Структура и форма» (66,67) он рассматривает мифологическое мышление как коллективное бессознательное, относительно независимое от других аспектов жизни племен, признавая его наиболее удобным объектом для выявления «анатомии» человеческого ума и его структуры. К.Леви-Стросс поставил и разрешил вопрос о соотношении мифа и сказки. Мнение его сводится к тому, что «... в современности мифы и сказки существуют бок о бок, один жанр не может, таким образом, считаться пережитком другого, если только не предполагается, что сказки хранят память о древних мифах, которые сами по себе вышли из употребления» (66, с.18). И хотя подобные предположения являются недоказуемыми, повседневные этнографические наблюдения подталкивают к мысли, что, напротив, миф и сказка эксплуатируют общую субстанцию, но делают это по-разному. Миф не относится к сказке как предок к потомку или как исходная форма к форме производной. Их связывают отношения дополнительности. Сказка - это самость, имеющая собственные корни. В этой же работе Леви-Стросс отмечает характерные черты мифа и сказки: «... хотя мифы и сказки суть модусы языка, - пишет он,- для них, тем не менее, характерно его «гиперструктурное» использование: можно сказать, что они образуют такой «метаязык», где

структурной организацией обладают все уровни» (66, с.18). Эта особенность и позволяет немедленно отличить миф от сказки, также от исторических романских повествований.

Леви-Стросс указывает на общие и различные характеристики мифа и сказки, причем, среди общих характеристик он указывает на такую черту, как «метаструктурность», то есть первобытную символику.

Следует отметить, что идеи Леви-Стросса отличны от идей В.Я.Проппа. Он указывает на особенность мифологического восприятия мира, для которого не существует деления на

идеальное и материальное, естественное и сверхъестественное, ибо для него существует одна абсолютная реальность. Колдун, появившийся в маске, не подражает ни богу, не демону, а воспринимает их природу, превращается в них, сливается с ними. Здесь нет изображения, нет и представления, ничто не «подразумевается...» (67).

В ходе работы мы пришли к убеждению, что наиболее эффективным способом доказательств происхождения сказки является исторический метод: во-первых, в связи с определенным периодом - зарождением земледелия; во-вторых, именно исторический подход позволяет в целях выявления народной сказки обратиться к внешнему объекту ее происхождения. В вопросе о происхождении народной сказки мы исходим, прежде всего, из того факта, что сказка зарождается и развивается в контексте фольклорного наследия народов мира.

Таким образом, в науке сложилось три теории происхождения сказки: мифологическая, литературного заимствования, антропологическая. Основоположники мифологической школы утверждали, что в эпоху индоевропейского единства сказка была мифом, в основе которого содержались первобытные представления о небе, о солнце, о молнии, о грозе, о богах. Сказка объявлялась отражением первобытного мифа.

Антропологическая школа рассматривала сходство фольклорных явлений как частный случай этнографического порядка. Основные принципы сторонников этой теории заключаются в следующем: 1) сходство сказочного материала коренится в общих законах человеческой психики всех народов; 2) на ранней ступени развития человечества существовал анимизм - мировоззрение, приписывающее всему окружающему миру душу или духовное начало; 3) тотемизм стал своеобразной формой религиозного осознания связи человека с природой и зависимости от нее.

Школа литературного заимствования выдвигала проблему сходства сказочных повествований и объясняла его результатом заимствования, культурного общения между народами. Принципиально важной в теории литературного заимствования является мысль о странствовании сюжетов и

образов, которые разошлись по Востоку и Западу с некоторыми изменениями этнографического и социального характера.

Существенным вкладом в фольклористику по вопросу генезиса сказочного жанра стали труды ученого В.Я. Проппа «Морфология сказки» и «Исторические корни волшебной сказки», где выдвигается идея стадийного изучения сказки. Пропп дает материалистическое обоснование происхождению сказки, основываясь на социально- исторических законах общества.

В ходе исследования мы пришли к убеждению, что накопленный сказочный материал требует сравнительно-исторического метода изучения. Сказка зарождается и развивается в контексте фольклорного наследия народов мира. Носителем и непосредственным создателем духовных ценностей культуры является коллектив, народ. Изначально духовное содержание первобытного фольклора, идеология доисторического общества существовали и проявлялись в форме коллективного сознания, когда процессу осознания человеком самого себя как разумной личности предшествовал процесс формирования идей рода как единого целого. Сказка выражала мировоззрение и психологию коллектива, объединенного на основе кровной общности, системы табу и первобытных религиозных представлений. Сказка зарождается, живет в исторически развивающихся формах культуры. Она является своего рода совокупностью материальной, социальной и духовной культур, где явления духовной культуры оказываются производными. Следовательно, сказка является объективной формой общественного сознания и социокультурным явлением всех времен и народов.

1.3 КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Русский сказочный репертуар богат. На это указывают все исследователи, занимавшиеся проблемой сказочного эпоса и его состава. Каждый из исследователей предлагает свои критерии классификации русской народной сказки.

Одним из первых сделал попытку установить состав

сказочного эпоса и классифицировать его В.Г.Белинский, который разделял русские сказки на два вида - богатырские и сатирические: «Первые часто так и бросаются в глаза своим иностранным происхождением; они налетели к нам и с Востока, и с Запада... В сказках западного происхождения заметен характер рыцарский, в сказках восточного происхождения - фантастический» (19, с. 312).

Классификация А.Н.Афанасьева признана фольклористами самой лучшей (8). Ученый предложил следующую систему:

- 1) сказки о животных, (к которым примыкают некоторые сказки о предметах, растениях, стихиях);
- 2) волшебные, мифологические, фантастические;
- 3) былинные;
- 4) исторические сказания;
- 5) новеллистические или бытовые;
- 6) былички;
- 7) народные анекдоты;
- 8) докучные;
- 9) прибаутки.

Таким образом, Афанасьев признал наличие трех больших групп сказок:

- 1) сказки о животных;
- 2) фантастические (мифологические), или волшебные сказки;
- 3) новеллистические сказки.

А.Н.Афанасьев нигде не оговаривает своей классификации. Огромный материал сам естественным образом распадается на эти группы.

Исследователи мифологической школы выделяют так называемые «мифические» сказки, бытовые, животные, сатирические. Главное значение в своих изысканиях мифологи отводят «мифическим» (волшебным) сказкам, к которым они относят все сказки, где речь идет о явлениях и силах природы, где встречаются волшебные предметы, богатырские подвиги, чудесные превращения и т.п. От сказок мифических они отличают группу бытовых сказок, где более ясно определяется бытовая основа. Ф.И. Буслаев считает, что сказка «из

мифического эпизода переходит в новеллу» и здесь «соприкасается уже с повестью и нравоучительною баснею» (24, С.204). О.Миллер отличает сказки мифические, нравственно-мифические, животные, сказки, действительно образовавшиеся из былин, сказки, сложившиеся под книжным влиянием. И более поздние сказки - сатирические (73).

В 60-е гг. XX в. изучение состава сказочного эпоса продолжалось. Попытку дать полную, научно обоснованную классификацию сказок предпринимает И.И. Срезневский. В своей книге «Взгляд на памятники украинской народной словесности» (102) он различает сказки по степени распространенности и устойчивости. Срезневский делит сказочный репертуар на сказки с международными сюжетами и исторические предания или сказания, имеющие обычно лишь ограниченное хождение. Также он делит сказки по характеру содержания, устанавливая три разряда: мифические, куда он относит рассказы о нечистой силе, знахарях, змеях и прочих «суевериях» (т.е. былички); сказки о лицах, о событиях исторических и частной жизни; сказки «фантастико-юмористические», к которым Срезневский относит на равных началах и сказки о животных, и чисто реалистические, и фантастические.

Данная классификация Срезневского явилась шагом вперед, так как в неё были включены былины и авантюрные романы, но в ней прослеживались существенные недостатки. Однако вопрос о классификации сказочного эпоса стал вновь актуальным в связи с появлением в печати сборника сказок А.Н. Афанасьева (1855-1864). Представители школы «официальной народности», не поняв значения афанасьевского сборника как подлинно народного, дают другую классификацию. И.М. Снегирёв в «Лубочных картинках русского народа в московском мире» не отличает сказку от былины и говорит о трёх родах сказок: 1) мифическом; 2) богатырском (сюда относит и былины) и 3) житейском. Сказки о животных им игнорируются, такое деление сказок на жанры выглядит не вполне научно обоснованным и объективным (94).

Опираясь на афанасьевский сборник, представитель мифологической школы О.Ф. Миллер выделяет мифические сказки (73), которые он подразделяет на десять сюжетных кругов;

нравственно-мифические (о судьбе, о дурне, о вешем сне, о правде и кривде, о несправедном богатстве); третий разряд - сказки о животных; четвёртый - сказки на былинные сюжеты; пятый - сказки, возникающие под книжным влиянием (о Мамае, о Шемякином суде). Наконец, последний разряд Миллер характеризует как «сказки чисто нравоописательные, характера частью протестующего, и протестующего частью в форме сатиры». К ним учёный относит сказку о Ерше Ершовиче, о Грозном, о Горшене и все анекдоты. Классификация Миллера явилась первой научной классификацией, которой воспользовался и Афанасьев, но принял из нее далеко все (не выделяет нравственно-мифические сказки, сказку о Ерше Ершовиче относит к сказкам о животных). В истории фольклористики эта классификация сыграла большую роль и с поправками Афанасьева остаётся верной, несмотря на нечёткость и невыдержанность принципа деления.

Миллер считает свою классификацию исторической, расположенной «по ступеням исторического развития этой отрасли народной словесности» (73, с. 65). Мысль Миллера содержит ценное устремление, но расположение сказки по фазисам исторического развития и классификация материала в статическом разрезе приводят к формальному делению. Поэтому позднее классификация Миллера вошла в фольклористику как формальная.

Вопрос о составе сказочного эпоса, о его жанрах и отношениях друг к другу был не до конца ясен даже в начале XX в. Об этом свидетельствует составленный А.М. Смирновым «Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок» (97), опубликованный тремя частями: 1) сказки о животных и о человеке, 2) сказки о борьбе с нечистой силой. Термин «о животном и о человеке» вызывает мысль о примыкании этих сказок к сказкам о животных. Между тем сюда внесены «Сказка о золотой рыбке», «Петух и жерновцы», «Чудесные утки», «Емеля и щука», «Кот в сапогах», «Сивко-бурко», т.е. сказки, в которых животные играют хоть какую-нибудь роль. Последняя часть (борьба с нечистой силой) охватывает главным образом разные виды сказок о змеборстве. Указатель не имеет последовательной нумерации, он может быть использован в

практических целях. Как система классификации он несовершенен.

В западноевропейской науке учёный В.Ган в 1864 г. во введении к «Греческим и албанским сказкам» насчитывал 40 сказочных формул (34, с. 114). В 1890г. Г. Гомм предложил 76 сказочных сюжетов (127). А. Христенсен предлагал классификацию по мотивам и темам (126). Наиболее полный указатель мотивов народной словесности предпринял американский учёный С. Томпсон (130). Интересна и сложна классификация, данная В.Вундтом в его «Психологии народов» (123). Вундт распределяет сказки по формам развития (123). Древнейшая форма - мифологическая сказка и басня. Из неё, считает учёный, развивается «чистая» волшебная сказка и «биологическая» сказка и басня двух видов: чистая «животная» басня и этимологическая сказка. Система Вундта явилась результатом не столько собственно исследовательской работы, сколько его философской эволюционно-психологической концепции.

К началу XX в. во всех странах учёными-фольклористами был накоплен обширный сказочный материал, требующий немедленной систематизации. Такая система была предложена А.Аарне в указателе сказочных типов, которая вошла в международный обиход. Сказки делятся Аарне на три больших разряда: 1) сказки о животных; 2) собственно сказки; 3) анекдоты. Сказки о животных делятся по животным (о лисе, о прочих диких животных, о диких и домашних животных, о человеке и диких животных, вплоть до «прочих животных и предметов») (120).

Собственно сказки Аарне делит на волшебные, легендарные, новеллистические и сказки о глупом черте. Каждый из этих разрядов делится на подразряды. Волшебные сказки распределены по действующим лицам, но принцип этот не выдержан: получается деление по признакам. Легендарные и новеллистические сказки подразделяются иначе, по мотивам. Анекдоты распределены по действующим лицам (о пошехонцах, супругах, женщинах), но принцип не выдержан, к нему примешивается и подразделение по мотивам (о счастье по случаю).

Данная классификация Аарне принята фольклористами не как научно-познавательная, но как прикладная. Позднее она была усовершенствована авторским коллективом, подготовившим издание «Сравнительного указателя сюжетов восточнославянских сказок» (СЦС), основывающееся на международных принципах указателя Аарне-Томпсона.

С.Томпсон усовершенствовал имеющуюся классификацию Н.П.Андреева, дополнив его алфавитным предметным и именным указателем типов. Задача всех исследователей фольклора упрощалась и облегчалась, так как теперь ученый, занимающийся изучением сказки, мог по алфавитному указателю быстро найти нужную сказку (130).

Наряду со схемой Андреева-Аарне применялась и классификация Ю.М.Соколова. Он выделяет в сказочном репертуаре сказки о животных, чудесные сказки, бытовые сказки, сказки-анекдоты и поясняет, что «обычной классификацией конкретных сказочных записей является их разделение по сюжетам, а внутри сюжетов - по мотивам» (98, с.38).

Сказковеды 50-70 гг. XX в., систематизируя сказочный жанр, все чаще и чаще сводят число групп, на которые делится весь репертуар сказок, к трем-четырем. Так, В.П.Аникин дает схему из трех групп: сказки о животных, волшебные сказки, сказки бытовые (новеллистические) (5, с.125).

Э.В.Померанцева в исследовании «Судьбы русской сказки» указывает, что «в конце концов, важна не классификация сама по себе» и выделяет «четыре основные группы сказок: сказки о животных, волшебные сказки, авантюрные и бытовые» (80, с.82).

После выхода в свет книги Э.В.Померанцевой выступил крупнейший исследователь русского фольклора В.Я.Пропп, предлагая свою систему классификации. Относя сказку «к области народной прозы», он называет ее не привычным термином «жанр», а «одним из родов прозы», а далее определяет сказку по ее «структурным признакам». «В результате, - пишет он, - она распадается на сказки волшебные, кумулятивные, о животных, о людях». В качестве более узкого термина он предлагает слово «тип», а «типы распадаются» на сюжеты, сюжеты - на версии и варианты (81, с.57).

В книге В.Г.Гусева «Эстетика фольклора» автор отмечает, что наиболее распространенный тип классификации строится на одной из особенностей произведений сказочного жанра. Он предлагает положить в основу систематизации сказок два неразрывно связанных ее свойства - «отражение социального или бытового конфликта и фантастический вымысел» (39, с.118). Касаясь собственно классификации, исследователь пишет, что «в сущности общепринятым является деление сказок на: а) сказки о животных; б) волшебные сказки (чудесные, фантастические) и в) бытовые (новеллистические или реалистические)» (39, с.134).

Н.И.Кравцов, полностью исключив из употребления применявшееся В. Я. Проппом понятие вида, четко делит произведения на роды, жанры и жанровые разновидности. В разъяснении он указывает: «Под родом мы понимаем способ изображения действительности (эпический, лирический, драматический), под жанром - тип художественной формы (былина, сказка, песня, пословица и т.п.), под жанровой разновидностью - тематическую группу произведений (сказки волшебные, сказки о животных, сказки социально-бытовые)» (63, с.71). Подобное деление сказочного репертуара представляется наиболее удачным и вполне применимым к существующему ныне материалу, который включает в себя как традиционные, так и новые тексты сказок.

В татарской фольклористике принято делить сказки обычно на три основные разновидности: сказки о животных, бытовые и волшебные сказки, хотя произведения не всегда вмещаются в рамки этих трёх групп.

Волшебные сказки составляют большую часть сказочного репертуара татарского народа. По подсчетам исследователей, их 46% от общего количества имеющихся сказок (44). Среди волшебных сказок выделяются сказки о богатырях (Камыр-батыр, Турай-батыр, Тан-батыр). В число волшебных сказок также входят произведения, основанные на мифологических рассказах (бывальщинах) и легендах. Разумеется, большую часть этой разновидности составляют собственно волшебные сказки.

Среди татарских волшебных сказок особенно широко распространены следующие международные сюжеты: «Три подземных царства» (АТ 301), «Чудесное богатство» (АТ 313),

«Звериное молоко» (АТ 315), «Царская собака» (АТ 449), «Красавица жена» (АТ 465), «Мачеха и падчерица» (АТ 480), «Благодарные животные» (АТ 554), «Волшебное кольцо» (АТ 560), «Чудесные дары» (АТ 563), «Рога» (АТ 566), «Чудесная птица» (АТ 567), «Чудесные дети» (АТ 707) (219).

В составе татарских народных сказок немного сказок о животных. Основные герои татарских народных сказок о животных - дикие и домашние животные, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, насекомые.

У татар особенно распространены сюжеты «Лиса и журавль», «Кот и дикие животные», «Волк-дурень», «Напуганные волки», «Мужик, медведь и лиса» и др.

В татарских народных сказках о животных тотемистических мифов сохранилось немного. Самым значимым из них является мифологический сюжет о браке женщины с медведем. Этот сюжет в генетическом плане восходит к тотемистическому мифу. В татарских сказках, основанных на этом сюжете, медведь, как правило, похищает в лесу женщину. После этого они начинают жить в медвежьей берлоге. Родившийся у них ребёнок быстро растёт и превращается в могучего богатыря. Примером является в этом плане сказка «Медвежий сын Атылахметгәрей».

У тюркских племён козёл и баран считались тотемными животными. Использование у татар козлиной шерсти при гадании, народный праздник-джиен под названием «Голубой баран», обычай прикреплять бараньи рога на крыше дома и в других местах говорят именно об этом.

Изображение в сказках козла умным и смышленным, а барана глуповатым и беспомощным связано с природой древних дуалистических мифов. Эти животные воплощают изображённых в дуалистических мифах и наделённых теми же контрастными качествами двух братьев. Как известно, в мифах, отразивших период дуалистической организации времён детства человеческого общества, изображены два брата, родоначальники противоположных фратрий: один из них силен, умён, опытен, сметлив, энергичен, другой - слаб, бестолков, тяжёл на подъём, растяпа.

Татарские народные сказки о животных по характеру конфликта разделяются на две группы, а по составу персонажей их можно подразделить на три группы: 1) сказки с героями в образе диких животных; 2) сказки с героями в образе домашних животных; 3) сказки с теми и другими (44, с. 56).

Среди них встречаются и такие, что посвящены только показу силы человека. В них основное художественное пространство произведения занимает человек, и он в столкновении с животными одерживает победу.

Татарские бытовые сказки основаны на социальном и бытовом конфликте, поэтому наиболее близко стоят к реальной действительности. По своей тематике они очень разнообразны. Среди них большую часть занимают произведения о мудрых людях, неверных и верных жёнах, богатых и работниках, муллах, ловких ворах и др.

В репертуаре татарского народа очень популярны сюжеты сказок «Байдек», «Алдар и мулла», «Шомбай», «Пригожая Хадича», «Обезрученная», «Мулла в западне», «Хитрый охотник», «Ремесло выучит», «Победитель дивов» (74).

Татарские народные бытовые сказки подразделяются на 4 группы: назидательные, авантюрные, сатирические и юмористические.

К группе назидательных относятся сказки, мораль которых особенно выражена. Это сказка о правде и лжи, мудрых советах, завещаниях. В числе назидательных бытуют и некоторые притчи, вследствие необособлённости этого жанра в самостоятельный в татарской фольклористике.

Группу авантюрных сказок составляют в основном сказки об оклеветанных женщинах, верных жёнах, ловких ворах и разбойниках.

Большинство бытовых сказок представлено сатирической и юмористической группами.

Смех в этих сказках отличается тем, что в сатирической он язвительный, наступательный, а в юмористической - мягче и добродушной.

Исследования учёных (А.Н. Веселовского, Л.Г. Барага,

А.К. Насырова и П.А. Полякова) доказали, что для фольклора народов региона Поволжья и Урала характерно влияние русского фольклора (28,15,74). При наличии явных признаков установить факты заимствования легче. Например, в татарской народной сказке «Котан Иваныч», основанной на сюжете «Кот и дикие животные», где главным героем является кот Котофей Иванович, нетрудно установить заимствование из русского фольклора.

По утверждению, Л.Г. Барага, оттуда же перешли сказки с этим сюжетом и к другим народам региона (15, с. 153).

П.А. Поляков установил, что некоторые сказки, общие для русского и татарского фольклора, проникли в русскую аудиторию с Востока: «от и через посредство тюркских племён, вообще оказывавших и оказывающих такое сильное влияние на язык, нравы и самые верования русского народа» (74, с. 160).

В частности, автор детально сопоставляет татарскую сказку «Салам-Торхан» с русскими сказками «Козьма Скоробогатый», «Бухтан Бухтанович» и заключает, что «татарская редакция этой сказки остаётся первоосновой, из которой развились подобные же сказания у других племён и народов» (74, с. 163).

Наблюдается также взаимосвязь сказок тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Урала: непосредственные контакты между этими народами восходят к древнейшим временам. Распространенный у татар сюжет волшебной сказки «Мульталь» имеется у башкир, мари, мордвы и удмуртов. Таким образом, этот сюжет является общим для сказочного эпоса народов

Поволжья и Урала.

Региональные общности и сходство проявляются и в бытовых сказках. Например, в татарской сказке «Кому трудней?» можно найти параллели у многих народов Поволжья и Приуралья. У русских, мордвы, чувашей, удмуртов широко распространены сюжеты, на которых основаны бытовые сказки «Находчивый Шомбай», «Ворона-вещунья», «Плут Тимер», «Алдар», «Победитель дивов», «Ремесло выручит». Данные факты свидетельствуют о том, что сказка и её мотивы интернациональны.

Таким образом, рассматривая разнообразие имеющихся

классификаций о составе сказочного жанра, можно считать устоявшимися, общепринятыми типами следующие:

- 1) сказки о животных;
- 2) фантастические (мифологические) или волшебные сказки;
- 3) новеллистические (бытовые) сказки.

1.4. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК (ПОЭТИКА СКАЗОК)

Поэтический мир русских волшебных народных сказок складывался постепенно и существенно менялся на протяжении многих веков существования сказочных повествований.

Коренная тема древнейших сказочных повествований - борьба человека с внешними силами природы. В сказочных повествованиях, еще не имевших художественного назначения, люди широко практиковали применение магических приемов, соблюдали словесные запреты, вступали в родственные связи с представителями природных сил. Эта связь оберегала их от враждебных стихий. Импульсы изменения сказочных образов лежат в области социальных отношений. Фантастика творится по образу и подобию общества, ее породившего.

Главное, что отличает волшебную сказку от других видов сказочных повествований, - это чудесный вымысел, создающий особый мир волшебства, фантастики, необыкновенных событий и реальности. Мир волшебной сказки пронизан реалиями даже в самых фантастических образах. Однако в ней идеальное проникает во все, начиная от чисто эпических описаний и картин мира, окружающих героя, до его облика, внешнего и внутреннего, до его целей, желаний и средств. В.А.Бахтина отмечает: «Здесь идеально прекрасные герои идеально красиво (до фантастически невероятного) трудятся, идеальны во взаимоотношениях в семье и с любимой, последовательны и бескомпромиссны с врагами». Герой волшебных сказок идеализируется. Он - образец совершенства, доблести, ума. Героиня - воплощение молодости, красоты и душевного обаяния. В волшебной сказке действуют не просто Иван и Марья, а Иван-

царевич и Марья-царевна (18, с.115).

Положительные герои наделяются чертами совершенных людей. Они прекрасны лицом, одеты в парчу и бархат. Однако в поступках и речи герои остаются простыми людьми, крестьянами в сознании и поведении. «Мир волшебной сказки, - пишет В.А.Бахтина, - это реальный мир народного идеала, непременно побеждающего, мечты, обязательно осуществленной» (18, с.120).

Поэтому волшебная сказка приобрела черты высокого романтического искусства, утверждающего гуманные цели и стремления народных масс, их веру в высшие нравственные начала, в торжество социальной справедливости. Как отмечает В.П.Аникин, «дивная красота поэтической выдумки сделала волшебную сказку высоким образцом искусства» (5, с.98).

По мнению В.Я.Проппа, «волшебные сказки выделяются из других по особенностям своей композиции, которыми другие виды сказок не обладают», поскольку композиция волшебной сказки, с одной стороны, особенная, а с другой стороны, свойственна только им» (81, с.209).

Волшебная сказка строится на острейшем конфликте, антитезе. На контрастной основе создается весь сюжет сказки, определяются главные конфликты, разворачиваются основные события, строится вся композиция сказки. С этим и связан главный принцип создания системы сказочных героев - это четкое разделение их на положительных и отрицательных персонажей. Такая особенность системы сказочных героев лучше всего удовлетворяет потребностям этого жанра.

Заслуживает внимания вопрос, по какому принципу сказка отбирает своих героев? Закономерность такого выбора тяготеет к законам сказочного жанра. Сказка избирает в герои не лучших, а худших. Если это мужик, то самый бедный мужик, беднее и худороднее которого нет в деревне. Если у отца три сына, то героем непременно становится самый младший, третий сын. Из трех братьев он не только самый младший, но и самый слабый и порой самый некрасивый. В волшебной сказке оказывается, что прекрасная царевна из всех женихов выбирает себе самого худшего, который и оказывается сказочным героем (92). Подобное может происходить и с будущей женой героя. Такова знаменитая сказка о Царевне-лягушке, где вместо жены

сказочному герою достается лягушка: «У одного царя было три сына. Царь и говорит: «Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться». Большой сын стрелил - принесла стрелу княжеская дочь; средний сын стрелил, стрелу принесла генеральская дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягушка в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушкой? Поплакал-поплакал, да делать нечего - взял в жены лягушку. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушку держали на блюде» (7, с. 142).

А. Д. Синявский предполагает, что в данном сюжете сказывается справедливая картина Божьего суда: «Что пошлет Бог или судьба, то и следует брать. В данном случае судьба посылает в жены лягушку, которая потом оказывается царевной сказочной красоты и волшебным помощником» (92, с. 22). Сказочный герой начинает с несчастья, заканчивает счастьем, которое приходит так же произвольно, как первоначальное несчастье. Как справедливо заключает В.Я.Пропп, «характер героя выяснится полностью по окончании сказки...» (83, с. 213).

Как же испытывается герой русской волшебной сказки? Испытания героя связаны, прежде всего, с мотивом «трудной задачи», которую герой непременно должен выполнить и выйти из трудной ситуации победителем: «... только единственный (самый главный, чаще фантастический) враг ожидает героя, и борьба с ним всегда единственно определена - или сражение, или решение задач» (92, с. 29).

Следующей специфической особенностью волшебных сказок является то, что рядом с положительными героями стоят их волшебные помощники и помогающие им волшебные предметы. Они персонифицированы в сказках и представляют собой вспомогательные персонажи, окружающие главных героев. По мнению В.А.Бахтиной, «из любого самого критического безвыходного положения героя выносят, выручают фантастические силы» (18, с.121). Без помощников героя не обходится ни одна волшебно-фантастическая сказка. В числе помощников могут быть люди, животные, фантастические существа, чудесные предметы. Исследователи фольклора

указывают на разнообразие чудесных помощников в сказке. Анализ волшебных сказок позволяет сделать вывод, что чудесных помощников встречается три вида:

- 1) зооморфные существа;
- 2) антропоморфные существа;
- 3) невидимые духи.

К первой группе чудесных помощников (зооморфные существа) относятся благодарные животные: волк, лисица, лягушка, конь, птица, медведь, кошка и т.д.

Вторую группу (антропоморфные существа) составляют помощники фантастического характера. Это всякого рода искусники, обладающие необычайным умением или искусством: Горыня, Дубыня, Усыня,двигающие горами, лесами и останавливающие реки. Тексты о них выразительные, содержат в себе числительные, передающие невероятные возможности, фантастические особенности: «Один раз (Объедало) поел 12 быков жареных, да 12 кулей хлеба печеного» (7, с.186).

К третьей группе чудесных помощников относятся невидимые духи, мистические существа, иногда с очень мистическим названием («Шмат-Разум», «Невидим»). Они являются по вызову героя, для этого нужно знать формулу заклинания, повернуть заветное волшебное кольцо и проч.

При всем разнообразии помощников в волшебных сказках они объединены одним функциональным действием, т.е. в разных формах совершают одинаковые действия.

С точки зрения развития события сказки в одну категорию с волшебными помощниками могут быть объединены и волшебные предметы, помогающие героям. Их количество огромно. Исследователь фольклора В.Я.Пропп пишет: «Нет такого предмета, который при известных обстоятельствах не смог бы играть роль волшебного». Он выделяет в данной группе орудия (дубины, топоры, палочки), оружие (мечи, ружья, стрелы), средства передвижения (лодочки, коляски), музыкальные инструменты (дудочка, скрипка), одежда (рубашка, шапка, сапоги), украшения (колечки), предметы домашнего обихода (огниво, веник, скатерть, ковер). «Эта особенность сказки, а именно функционирование предмета как живого существа... определяет характер ее фантастичности» (83, с.58).

В.Е.Добровольская называет чудесные предметы русской волшебной народной сказки «предметными реалиями русской волшебной сказки» (41). Группа предметных реалий, наиболее тесно связанных с персонажами, не очень велика. В нее входят болото, гора, лес, овраг, поле, река, снег, дворец, изба, крыльцо, окно, печь, молоко, пирог, береза, горох, яйцо, лопата, пест, прутья, ступа, веретено, кожа, перо, куколка, зеркало, портрет. Герой сказки сюжетного типа А-402 («Царевна-лягушка») находит свою жену только в болоте. Сжигание кожи приводит к тому, что ее владелица попадает во власть Кашея. Постоянной деталью для Яги-помощницы является избушка на курьих ножках. Яге-противнице свойственны такие аксессуары, как хлебная лопата, ступа и пест. Власть над Кашеем герой приобретает только после того, как он завладевает яйцом с его смертью (41, с.62).

Данные предметные реалии нужны не сами по себе: они демонстрируют наиболее характерные черты поэтической системы сказки и являются носителями метафор, свойственных сказочному вымыслу.

Следующей особенностью волшебных сказок является усложненность их сюжета. Эта характерная черта композиции всех волшебных сказок. Действия разворачиваются в двух пространствах: 1) царство героя и 2) другой мир, иной, чужой мир, куда обязательно должен идти герой (11).

Царство героя («этот» мир) и другой мир («чужой») контрастны по своему изображению. Обычно дом или двор сказочного героя или героини находятся в «этом» мире, рисуются светлыми и теплыми красками. «Чужой» мир - это царство Кашея, Бабы-Яги, чаще всего оно именуется в сказке «тридцатое царство». Употребление пространственных реалий необходимо для указания конкретного участка сказочного пространства. Устойчиво локализованные предметные реалии никогда не пересекают границ данного мира. Так, избушка на курьих ножках всегда располагается только в пограничном мире; болото, где герой находит свою жену, является частью периферии этого мира. Предметы поиска в сказке всегда перемещаются из ядра этого мира. Герой как бы движется по определенной схеме: свой мир - чужой, потусторонний - свой мир.

В большинстве случаев предметы поиска героя перемещаются в ядро этого мира, и лишь яйцо со смертью Кощее совершает перемещения из ядра на периферию «иногo» мира. В.Е. Добровольская заключает: «...сказка не конструирует новых реалий, ограничиваясь использованием общеизвестных предметов; она не использует эти предметы, даже сделав их волшебными, в «экзотических» целях» (41, с.195).

Таким образом, механизм действия предмета чудесен, но результат этого действия почти всегда зауряден. Гребенка превращается в хорошо знакомый лес, а не в какую-нибудь фантастическую преграду, непослушный герой - в козленочка, а не в фантастическое животное. Цель сказки не в том, чтобы создать некий фантастический мир, отличный от мира своих слушателей, а в том, чтобы представить собственный мир слушателей как полуфантастический.

Русской волшебной сказке свойственна также резкая смена сюжетных ситуаций, что наилучшим образом передает остроту жизненных конфликтов. Сказочники идут на своеобразные компромиссы, очень просто решая конфликты в сказочном повествовании. Змей мгновенно сражен мечом героя, брошены под Калинов мост все его девять голов. В доказательство своей победы герой рвет змеиные языки и уносит их с собой. Кощее мечется по комнате, стонет, когда герой жмет рукой роковое яйцо. Раздавлена хрупкая скорлупка - и Кощее валится за смертью (5).

Волшебной сказке свойственен принцип троичности - это своеобразное повторение эпизодов с нарастанием эффекта. С тремя змеями борется на Калиновом мосту Иван-царевич, и каждый его новый противник сильнее предыдущего: трехглавого змея сменяет шестиглавый, а его - девятиглавый или двенадцатиглавый. Три трудных задания получает Иван-царевич от батюшки царя, и каждое из этих заданий труднее прежнего: испечь хлеба, соткать за одну ночь ковер, станцевать на пиру, чтоб любо-дорого смотреть было. Возможно, эпизоды троекратного повторения передают сохранившуюся древнюю веру людей в число «3». В отдельных случаях оно оказывается счастливым, в других, напротив, несчастливым. Даже указание на тридевятое царство содержит в себе число, кратное трем, что тоже является не случайным, а символическим. Символика чисел в

русской волшебной народной сказке подчеркивает фантастический сюжет, необычность, «чуждость» повествования.

Имена персонажей в волшебной сказке чрезвычайно разнообразны и богаты в семантическом плане. Интересна, выразительна их этимология и словообразовательно-морфологическая структура. Следует обратить внимание на главную особенность: употребление имен героев наделено стилистическими функциями, которые достигаются различными лингвистическими средствами (6).

Повтор в языке волшебных сказок является одним из важных приемов замедления действия, обусловленных ритмом сказочной речи. В волшебных сказках можно выделить повторение предлогов разного типа: а) повторение предлогов при приложении; б) повторение предлогов при определении; в) повторение предлогов при синонимических парах и других синонимических конструкциях.

Сочетание однокоренных слов - одно из отдельно используемых языковых явлений в волшебной сказке. Однокоренные тавтологические сочетания могут состоять из разных частей речи, а также из одного и того же слова, употребляемого в различных формах. В текстах волшебных сказок могут встречаться следующие типы однокоренных тавтологических сочетаний: а) давным-давно; б) диво-дивное; в) дело делать; г) видать не видать; д) молодец молодцом; е) жарко-нежарко; ж) богатый-пребогатый. Материалы волшебных сказок позволяют нам определить характеристику самых разных повторов в языке фольклора. Все эти повторы делают язык волшебных сказок необычайно своеобразным. Частотность их использования совершенно не случайна: они придают речи сказок музыкальность, мелодичность, что является чрезвычайно важным условием для этого жанра и устного народного творчества вообще. Речь, приобретающая такие особенности, легко воспринимается слушателями, надолго запоминается и быстро передается. Все эти повторы придают языку сказки экспрессивную окраску, создают определенное настроение, держат слушателя в постоянном напряжении, заставляют его ожидать скорейшей развязки.

В волшебной сказке используются традиционные стилевые формулы. Обычное начало волшебных сказок: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был». Оно сразу настраивает на чудесный и невероятный вымысел. Такой же характер носят и типичные концовки: «И я тут был, мед-пиво пил, по усам текло, во рту не было...» Свадебный пир, которым заканчивается обычно повествование - лишь игра воображения: мед-пиво сладко, да в рот не попадает.

Кратность рассказа в сказке о событиях, происходящих в течение длительного времени, создается с помощью устойчивых стилистических формул: «...Долго ли, коротко ли плыл он по морю, скоро сказка сказывается да не скоро дело делается - приезжает он в то королевство, явился к тамошнему королю». Сказочники употребляют и другие сказочные формулы, типичные для волшебного повествования: «Прежде русского духа слухом было не слышать, видом не видать, а поныне русский дух воочию является, в уста бросается» (7).

Стиль в сказке помогает передать тончайшие эмоциональные переживания героев. Беззаботная игра девочки в сказке «Гуси-лебеди» передана своеобразным сдвоением слов-шагов: «загулялась-заигралась», а затем внезапное, словно сердце унеслось, упало: «глядь - братца нету!» Испуг, затем поиски с постоянно пропадающей надеждой найти брата и, наконец, горькое отчаяние; «кликала, заливаясь слезами, причитывала, ... братец не откликнулся!» (5, с.34).

Построение фразы в сказке всегда идет от характера изображаемых картин. Воодушевление рассказчика, его живые естественные интонации запечатлены в построении фраз. И такова вся сказка; ее стиль, ее склад, то замедленный, неторопливо-ровный, то стремительный, подвижный, мгновенно меняющийся. Сказке чужда созерцательность, ее стихия - энергия. Волшебные сказки имеют структуру, отличную от структуры сказок о животных и социально-бытовых. Им свойственно наличие особых элементов композиции: присказка, зачин, концовка. Они служат внешнему оформлению произведения и обозначают ее начало и конец.

Некоторые сказки начинаются присказками - шутивными

прибаутками, не связанными с сюжетом. Они обычно ритмичны и рифмованны. Цель их – привлечь внимание слушателей к тому, о чем далее пойдет речь. За присказкой, которая бывает далеко не у всех сказок, следует зачин, начинающий повествование. Его роль состоит в том, чтобы перенести слушателя в сказочный мир: «В некотором царстве, в некотором государстве...» Эта медлительная и неопределенная формула указывает на пространственную неопределенность места действия. Такая вступительная формула характерна для русских сказок (83).

Далее идут перечисления действующих лиц: «жили себе дед да баба» или «мужик», «у него (нее) было три сына», «король, у него было три дочери красоты неопишумой» и т.д. Начальная ситуация включает обычно лица двух поколений – старшего и младшего. Это будущие действующие лица повествования, и сказка никогда не вводит ни одного лишнего лица. Каждое лицо будет играть свою роль в повествовании. Лица старшего поколения обычно осуществляют отправку героя из дома, лица младшего – отправляются из дома. Социальная принадлежность героя здесь не играет существенной роли. Героем может быть и царский сын, и крестьянский сын.

Такая начальная или вводная ситуация иногда обставляется подчеркнутым благополучием. Все обстоит прекрасно: сын да дочь «такие дородные, такие хорошие».

Все эти формы эпической распространенности не представляют собой функций. Действие начинается с того, что происходит какое-нибудь несчастье. Обычно несчастье подкрадывается незаметно: все начинается с того, что кто-нибудь из персонажей на время уезжает из дома. Ситуация временной отлучки означает, что разлучаются старшие и младшие, сильные и беззащитные. Беззащитные дети, женщины, девушки остаются одни. Этим подготавливается почва для беды (5, с.214).

Отлучка очень часто сопровождается в сказке различного вида запретами. Особенно яркую форму запрета представляет собой запретный чулан. Запрет в фольклоре всегда нарушается. Иначе не было бы сказочного сюжета. Запрет и его нарушение – это парные функции сказочного повествования. Таких парных функций в сказке много. Нарушением запрета вызывается

начальная беда. Беда в дальнейшем вызовет противодействие, этим и приводится в движение весь ход действия сказки. Таким образом, начальная беда представляет собой основные элементы завязки. Зверь похищает царевну, дочь крестьянина, ведьма похищает Ивашечку (83, с.217).

Сущность похищения человека сводится к разлучению, к исчезновению, и это исчезновение может совершаться разными способами. Так, в сказке о царевне-лягушке царевич, нарушая запрет, сжигает лягушечью кожу своей жены, и она исчезает от него навсегда, улетает. Эффект происходит такой, как от похищения. Она от царевича улетает со словами: «Прощай, ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве».

Иногда беде соответствует какая-нибудь ситуация, при которой чего-то не хватает, не достаёт. В.Я.Пропп обобщает эту мысль: «... недостача, нехватка представляет собой морфологический эквивалент похищения» (82, с.77). Таким образом, в типичной волшебной сказке вся завязка сводится к тому, чтобы отправить героя из дома.

Волшебная сказка имеет и концовку. Она обычно носит шуточный характер, ритмична, рифмована, переключает внимание слушателей со сказочного мира на реальному. Существует несколько типов концовок. Наиболее простая из них: «А Мартынка и теперь живет, хлеб жует». Концовка может заключать в себе и вывод, заключение: «Стали они жить благополучно - в радости и спокойствии, и теперь живут, хлеб жуют» (82, с.81).

Кроме концовки, может быть конечная присказка, которая иногда соединяется с концовкой: «Свадьбу сыграли, долго пировали, и я там был, мед-пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Да на окошке оставил ложку: кто легок на ножку, тот сбегай на ложку!» (82, с.83).

Присказки, зачины, концовки имеют довольно устойчивый текст, представляют собой формулы. В сказках часто употребляются и другого типа устойчивые сказочные формулы, которые определяют особенности персонажей, переходы от одной ситуации к другой, содержат в себе замечания по ходу действия. Таковы магические обращения: «Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!», «Сивка-

бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» и т.д.

Структура волшебной сказки подчинена созданию драматически напряженных ситуаций; преодоление их героем обнаруживает его удивительные качества. Удивительное - характерная особенность волшебной сказки.

В сказках о животных животные являются главными героями повествования, чаще всего в ней рассматриваются животные в их отношениях друг с другом. И поступки зверей, и их функции в сказке оказываются то человеческими, то животными.

Жизненное пространство, которым ограничены сказки о животных, - мир российской деревни, крестьянской избы, речки, леса. Этот мир не кажется читателю узким и тесным, ибо он служит естественным фоном естественных событий сказки. В ней всё просто, безыскусственно, обыденно. В ней нет персонифицированного воплощения доброго и злого начал, как мы привыкли видеть в волшебной сказке (5, с.192). Здесь волк-дурень, ограниченный и глупый, может быть хорошим товарищем, может внезапно прозреть и отомстить обидчику, здесь хитрая плутовка лиса губит себя своей хитростью. Сказка о животных диалектична и мудра.

Все сказки по героям можно подразделить на следующие группы: в одних встречаются только дикие животные, в других - дикие и домашние, в третьих - люди и дикие животные, в четвёртых - люди и домашние животные, в пятых - люди вместе с дикими и домашними животными, в шестых - животные и птицы, в седьмых - рыбы. Индивидуализации героев нет, в сказках живут просто баба, просто старик, просто лиса (5, с.195).

В тех сказках, где есть мужики и бабы, рисуются как бы два организованных пространства: деревня с её обитателями и лес.

В деревне обычный ход жизни, со своими заботами и радостями (сенокос, стряпанье, свадьба, пряденье). По естественным потребностям организованы и лесная жизнь, хотя её обитатели - говорящие и думающие животные. Между этими двумя пространствами нет противопоставлений: звери часто появляются в деревне, чтобы чем-то полакомиться, что-то

стащить, мужики отправляются в лес за дровами. Обитатели того и другого пространства в постоянном контакте (мужик дружит с медведем, лиса помогает мужику), и встречи их происходят в поле, в деревне, в лесу, на дороге. Сказка о животных имеет дело только с горизонтальным плоскостным пространством, она вся разыгрывается на земле, заполнена земными потребностями и интересами, точнее, естественными потребностями человека и зверя в еде (5, с.196). Тем удивительнее та игра характеров и действий, которую даёт сказка о животных, основываясь на этой физиологической потребности.

В сказках о животных нет ни одного длинного, захватывающе интересного сюжета, как в волшебной сказке, который состоял бы из множества разнообразных мотивов. Сказка о животных даёт чаще всего мотив встречи движимых голодом животных. Но эта встреча - чисто внешнее обстоятельство. Весь интерес сказки сосредотачивается в отношениях, проявляющихся при встрече (внутренние импульсы, желания, движения чувств и мыслей). Обычно в центр повествования выдвигается персонаж как проявление определенного типа отношения к жизни. Весь интерес сказки о животных - во внутреннем движении персонажа, проявляющемся внешне в словах и в действиях. Вот, например, вариант сказки «Лиса-повитуха». Сказка начинается с сообщения о том, что живут в одной избушке дружные волк с лисой, «кум с кумой». Вместе ходят на охоту за добычей. Но есть у волка кринка с маслом - предмет постоянных внутренних вождений лисы-лакомки. Сказка подробно разрабатывает целую серию действий, неудачных попыток лисы полакомиться. Волк знает о повадках лисы и прячет кринку с маслом «на высокую палицу, чтоб кумушке не достать». С этого момента сказка повествует, какая внутренняя борьба начинается в лисе: желание отведать масло и желание остаться в глазах волка кумой, подругой. Отсюда и необходимость обставить внешней добропорядочностью свои нечестные действия. С другой стороны, лиса вступает в своеобразное состязание с волком, с его иным, противоположным типом отношения к жизни: он бережлив, добропорядочен, его не мучают и не сжигают никакие страсти и желания, он спокоен в

своей ясности и честности. К концу сказки происходит парадоксальное: лиса съедает масло, сумев сохранить и свою внешнюю маску, и выставив волка виноватым в свершившемся.

Таким образом, в сказке происходит не только борьба двух противоположных типов отношения к миру, но и внутренняя борьба в характере, чувствах, желаниях самой лисы.

Сказки о животных очень просты по форме. Типичное начало - «Жили-были старик да старуха», «Жила-была коза», отсутствие обработанных формул в изложении и специальных концовок говорят об ограниченности сказки в изобразительных средствах и об отсутствии в ней «обрядности» (5, с. 59). Лексика её проста: почти полное отсутствие определений, сравнений, метафор. В сказках о животных встречаются в основном одни существительные, глаголы, причастия, отглагольные прилагательные. Такая сказка может называть предмет, ставить его в какие-то отношения к действию героя, но не описывать. По мнению исследователей, связано это с тем, что предметный обыденный мир крестьянской деревни лишён природных красок, и животные интересуют сказку не внешней, а внутренней стороной (26).

В сказках о животных ещё нет осознания прочности мира, полного его неприятия, есть лишь неприятие отдельных сторон действительности, чаще всего в нравственном аспекте. Поэтому двуплановость гротеска, его комическое не оборачивается трагической стороной. Вся атмосфера сказки прозрачна и спокойна, о чём бы она ни повествовала, как бы ни кончалась. Мир животной сказки в этом смысле полон жизнерадостности. О полных драматизма событиях сказка говорит просто и спокойно, порой с юмором (18).

Особого внимания заслуживает рассмотрение поэтики бытовых сказок. Если в волшебной сказке наличие двух миров - необходимое условие, то в бытовых - мир только один. По мысли В.Я. Проппа, «это наш мир, в котором мы живём» (82, с.77). Однако описание быта не является целью этих сказок. В них нет описания обстановки, в которой развивается действие. Обстановка здесь не описывается, а мыслится или подразумевается и набрасывается некоторыми очень скупыми штрихами. Особенностью бытовых сказок является также тот

факт, что быт составляет не только фон, но материал, которым в художественных целях пользуется бытовая сказка. По ней можно судить о состоянии русской дореволюционной деревни. Действующие лица всегда принадлежат к определенной социальной категории. Герой бытовой сказки - не царевич, не младший из трёх сыновей. Чаще всего это молодой парень, крестьянин, солдат, батрак, мужик. Его антагонист - барин, поп, помещик, судья, кулак, богач. «Бытовые сказки могут служить средствами изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии» (5, с. 59). Как и волшебные, они оптимистичны. Герой в них всегда побеждает своих противников. Однако характер борьбы несколько иной, чем в других группах сказок. В бытовой сказке носители зла - обыкновенные, земные люди. Зло представлено не Кашеем, змеем или ведьмой, а теми антагонистами, которых крестьянин видит в своей жизни. В борьбе с ними герой использует все средства. Противник героя силён социально, но ничтожен по существу. Герой же, наоборот, ничтожен социально, он стоит на низших ступенях социальной лестницы. И хотя в его облике нет ничего красивого, подчёркнуто героического, герой бытовой сказки - воплощение решительности, смелости, находчивости, неугасимой силы духа и воли к борьбе. Поэтому он всегда побеждает.

По мнению В.Я. Проппа, необыкновенная притягательность бытовых сказок - в отсутствии в них сверхъестественного (83, с.93). В них не нарушаются законы природы. В них нет заколдованных коней, царств, брака людей с животными, духов. Но сверхъестественное в бытовых сказках есть, «оно втянуто в орбиту обычной, будничной жизни и всегда окрашено комически» (83, с.96).

Характер реализма этих сказок определяется тем, что реалистичен способ передачи действий и стиль повествования. События в них столь необыкновенны, что в них никто не верит. Этим сказки и привлекательны.

Композиция бытовых сказок очень разнообразна. Она определяется не столько внутренними закономерностями, сколько разнообразием тех событий, о которых повествуется. Как отмечают исследователи, бытовые сказки отличаются простотой

и краткостью (117). Интриги весьма несложны. В бытовых сказках не бывает утробений, типичных для волшебной сказки. В них нет вступительных и заключительных формул, нет общих мест. Основные свойства бытовых сказок - близость к жизни, занимательность сюжета, остроумие, юмор - сделали их очень популярными как среди детей, так и среди взрослых читателей.

В центре татарской волшебной сказки стоит образ идеального героя. В подавляющем большинстве случаев это младший из братьев (изображение в качестве главного героя старшего брата - явление исключительное), можно предполагать, что это происходит из дуалистических мифов древних тюрков. А в тюркской мифологии младший брат - всегда положительный герой (44).

В татарских волшебных сказках значительное место занимают мифологические персонажи. Один из часто встречаемых персонажей - див (дию). Див живёт вдали от людей, за горой Каф, на горе, под водой или, чаще всего, под землёй. Он обычно похищает дочерей падишахов и превращает их в своих жён. Однако, где бы он ни находился, герой сказки джигит-богатырь, преодолевая невероятные трудности, проникает в его владения. Убив дива, он освобождает девушку, как правило, на ней женится. Див изображается, таким образом, как враждебная человеку сила. Однако, хотя и редко, встречаются и дивы добрые, помогающие человеку.

Сравнительно часто в татарской волшебной сказке действует, наподобие русской бабы-яги, старуха-ведьма (убырлы карчык), т.е. буквально: старуха-упырь. В некоторых сказках она называется старухой-колдуньей (сихерле карчык), старухой-обжорой (жалмавыз). Старуха-ведьма, живущая обычно в лесу в избушке, вредит человеку, она проглатывает людей, сосёт их кровь, приносит другие несчастья. Герою сказки приходится приложить немало сил, чтобы уничтожить или заставить её подчиниться. Вместе с тем сохранились в некоторых сказках древние сюжеты, где старуха-ведьма оказывается доброй и помогает людям (74).

Относительно реже в татарских волшебных сказках встречается образ змея (елан). У многих народов змей

изображается как ярый враг человека, и сюжет о змеборстве в сказках занимают значительное место.

Русские сказочные змеи подразделяются по функциям на 4 разряда: 1) Змей-носитель, 2) Змей, занимающийся поборами, 3) Змей - охранитель границ, 4) Змей-поглотитель. Данная классификация мало соответствует татарскому сказочному материалу. В роли змея-похитителя в татарских народных сказках чаще всего выступает див (реже аждаха, гигантская птица). Змей, занимающийся поборами, встречается редко. Эту функцию, как правило, выполняет аждаха. Что касается змея-охранителя и особенно нарушителя границ, то в такой роли опять выступает див. А змей - поглотитель героя в

татарских волшебных сказках не встречается. Н.В. Новиков предложил дополнить классификацию В.Я. Проппа пятым разделом сказочных змеев - змей-соблазнитель. Но в татарских народных сказках функцию соблазнителя выполняет Юха. В татарских волшебных сказках образы змеев по функциям можно разделить только на 3 типа: 1) Змей-помощник, 2) Змей-охранитель, 3) Змей, требующий девушку.

Таким образом, в татарских народных сказках эпизоды борьбы со змеем - довольно редкое явление. Очень часто змей - положительный персонаж, выступающий как помощник или даритель. В сюжетах, связанных со змеборством, в татарских сказках чаще фигурируют див и аждаха (дракон).

Аждаха (аждаһа) встречается примерно в каждой десятой татарской волшебной сказке. Она представляется в виде огромного одно- или многоголового змея, вступающего в схватку с героем сказки. Это чудовище бывает двух типов: аждаха, требующий девушку, и аждаха - поглотитель.

Ещё один персонаж из «змееобразных» - это юха, которая фигурирует лишь в нескольких сказках. По поверьям татар, змей, дожив до 100 лет, превращается в аждаху, а дожив до 1000 лет - в юху. Юха - враг человека. Она не действует открыто, как, например, аждаха. Вначале, превратившись в красивую девушку (иногда в красивого юношу), она постепенно чахнет. Только своевременное уничтожение юхи спасает героя сказки от гибели.

В волшебных сказках представлены и другие враждебные

герою мифологические персонажи: старик-карлик сам с пядь да борода пядей пять (Үзе бер карыш, сакалы биш карыш карт), ифрит (гыйфрит), джинн (жен), пэри (пэри) и др.

Из людей в качестве антипода часто выступают падишах (патша, падиша), визирь (вэзир) и старшие братья (абыйлар).

Такие персонажи волшебных сказок, как чудесный конь (ат), голубь (кугэрчен), золотая рыбка (алтын балык), белый волк (ак буре), птица семруг (сэмруг кош) и другие, обычно изображаются как положительные образы, помогающие герою.

Архаические мотивы в сказках о животных не ограничиваются только тотемизмом. Значительное место в них заняла традиция хитрой шутки, трюкачества. Хитрая шутка представляет древнее явление, появилась под влиянием дуалистического мифа и бытовой сказки. На основе этой традиции возникло много новых сюжетов о ловких, хитрых проделках и шутках животных. Примером может служить сказка «Лиса и Журавль». Лиса и журавль приглашают друг друга в гости. Лиса положила пшённую кашу на плоское блюдо и угощает журавля. Тот не может захватить клювом пшено, лиса сама вылизывает кашу. Журавль в свою очередь кладёт клёцки в пахталку. Журавль сам насыщается, а лиса остаётся голодной.

В сказках о животных встречаются также другого рода архаические мотивы. Такие эпизоды, как заманивание волка или медведя в западню и сжигание там («Коза и Волк», «Медведь и три сестры»), заманивание перепелом лисы в опасное место («Перепел и Лиса») являются скорее всего древними сюжетами, отразившими примитивные охотничьи приёмы, но подверглись основательной трансформации.

В условиях классового общества границы сказок о животных расширяются, и некоторые из этих произведений начинают уже отражать в аллегорической форме взаимоотношения различных слоёв населения. Если по одну сторону расположились такие сильные хищники, как медведь, волк, лиса, лев, тигр, то по другую сторону - лошадь, корова, овца, коза, собака, кошка, петух. Домашние животные, будучи полезными, освещаются с положительной стороны, они всегда берут верх в борьбе с дикими животными.

Самый популярный зверь в татарских народных сказках о животных - лиса. Она присутствует более чем в половине всех сказок и во многих случаях добивается своей цели. Медведь и волк, напротив, тупы, недогадливы, даже трусоваты; частенько их водят за нос, прогоняют, убивают.

Лев и тигр изображаются самыми сильными зверями и воплощают образ жестокого тирана. Они властвуют над всем животным миром. Даже лиса, преследующая животных, которые слабее её, ловко обманувшая медведя и волка, вынуждена признать силу льва и подлизываться перед ним и тигром, клеветать на других ради собственного спасения.

Но, вступая в конфликт с домашними животными, лиса терпит поражение. Особенно в сказках, где главными героями являются лиса и петух. Петух побеждает лису, оставляя её в дураках.

Иногда не только домашние животные, но и журавль, перепел превосходят хитростью лису и ставят её в трудное положение.

Таким образом, в сказках о животных лиса изображается двойко. В большинстве сказок она является коварной, хитрой и жестокой хищницей, а в некоторых сказках представлена умной, находчивой, расторопной, приходящей на помощь.

В татарских народных сказках о животных зачин бывает краток: «В старину», «В старые времена», «Давным-давно», «В глубокой древности», «В прежнее время», «Однажды», «Как-то раз», «В один из дней» и др. Экспозиция в этих сказках краткая, компактная, она поясняет место, время, условия предстоящих событий. «Однажды у речушки, текущей вдоль солнца, когда зимние сумерки сгущаются в глазах» («Лиса и Волк»), «Жил-был Салам-Торхан. Бездомные бродяга в летние ночи спал в открытом поле» («Салам-Торхан и Лиса»), «Серый Волк долго рыскал, и там был, и тут, но ничего съестного не нашёл» («Голый Волк»).

Экспозиция может также лишь познакомить с главным персонажем: «В давние-предавние времена был один храбрый да пригожий Петушок» («Всемогущий Петух»).

В некоторых сказках сразу после зачина идёт завязка:

«Возвращалась одна старуха из соседней деревни домой. И поймал её по дороге Медведь» («Старуха и Медведь»). Или: «Однажды встретились Кот с Тигром» («Кот, Тигр и Человек»).

Во многих сказках для развития событий используются повторные встречи персонажей. В сказке «Голый Волк», например, волк прежде всего встречает жеребца, и этот жеребец, лягнув, лишает его сознания. После этого встреченный бык бодает волка. И коза обманывает волка, ставит его в затруднительное положение: кричит и зовёт своего хозяина. Лиса окончательно обезоруживает волка: подпаливает его и оставляет голым. Наконец, последняя встреча заканчивается гибелью волка: портной забивает его аршином.

В некоторых сказках после развязки выводится мораль. Например: «Вот какой бесславный конец ожидает того, кто позарится на чужое добро» («Всемогущий Петух»).

В сказках о животных встречаются также типичные для волшебных сказок концовки: «Сегодня ходил - вчера вернулся. Всё ещё голова болит» («Салам-Торхан и Лиса»).

Повторные встречи в сказки персонажей приводят к повторениям фраз. Это проявляется в кумулятивных сказках. Например, в сказке «Гороховое войско» каждое животное при встрече задаёт один и тот же вопрос: «Куда это ты, Кошка, так спешишь?» Ответ кошки для всех тот же: «Идёт гороховое войско, вот я и убегаю».

Сказкам о животных свойственна форма диалога. Этот приём оживляет сказку, обостряет интерес к ней. Форма диалога помогает лучше ощущать,

яснее представлять реальную жизнь героев, естественную среду их существования.

Звукоподражания тоже используются в тех же целях. Например, волк воет: «У-у-у, остался голодным» («Голый волк»), коза блеет: «Мики-ки-ки» или «ме-е» («Коза и Овца», «Коза и Волк»), кошка ест, издавая звуки «мяу-мяу» («Котан Иваныч»), петух кричит: «Ку-ка-ре-ку!» («Шах-Петух»).

Язык сказок о животных простой и образный. Образность достигается при помощи разных тропов. В сказке «Шах-Петух»

есть интересные сравнения, когда подхалимки-курицы так хвалят своего вожака-петуха: «У тебя, султан, ноги, как железо, крепки» или: «У тебя, наш падишах, голос громче львиного».

В сказках о животных очень редко встречаются метафоры: пересчитать ребра (побить), красная шапка (окровавленная голова волка), красные штаны (волк с окровавленной ногой). Последние две одновременно являются и метонимией. Встречаются метафоры в форме перифразы: пресветлый падишах, ясный хан, дивный султан, светлый шах (петух).

В татарских народных сказках о животных часто употребляется гипербола. Например, волк говорит лисе: «Сейчас я тебя за раз проглочу» («Коварная Лиса»). В сказке «Котан Иваныч» лиса говорит о коте: «А съедает он за раз одну овцу и одного быка». А в сказке «Медвежий сын Атылахметгэрей» герой «растёт день за год, за двадцать пять дней стал двадцатипятилетним богатырём». Герой говорит о себе: «... Не смогу, видать, среди людей жить. Если придётся ударить одного - пятеро побьют». Образные средства в сказках способствуют яркости речи, впечатляющему воздействию событий.

Итак, к особенностям поэтики русских народных волшебных сказок исследователи фольклора относят особую сказочную модель мира, создаваемую в ней на основе древнейшей связи с мифом, четкое разделение героев на положительных и отрицательных, мотив трудной задачи, усложненность сюжета, принцип троичности, традиционные стилевые формулы, повторы.

В татарских волшебных сказках значительное место занимает мифологические персонажи - див (дию), змей (елан), старуха-ведьма (убырлы карчык), старуха-колдунья (сихерле карчык), старуха-обжора (жалмавыз). В исследованиях Л.Ш. Замалетдинова доказывается, что функции змеев можно разделить на 3 типа: 1) Змей-помощник, 2) Змей-охранитель, 3) Змей, требующий девушку. Эпизоды борьбы со змеем в татарских народных сказках встречаются довольно редко. Обычно змей выступает в роли помощника или дарителя. Аждаха (дракон) встречается в каждой десятой татарской волшебной

сказке. Чудовище изображается в виде одно - или многоголового змея и вступает в схватку с героем (44).

Если в русских народных волшебных сказках встречаются больше существительных и прилагательных, то в татарских - глаголов и наречий. Русская народная волшебная сказка притягивает внимание своей задушевностью и поэтичностью за счёт обилия эпитетов и сравнений, стиливых формул, татарская сказка - покоряет действенностью, энергией движения (в ней наблюдается больше метафор и слов категории состояния).

Зачин в сказках о животных бывает краток. Экспозиция компактная, поясняет место и время, условия предстоящих событий. В некоторых сказках после зачина идёт завязка. Для развития событий используются повторные встречи персонажей. Иногда после развязки выводится мораль. Сказкам о животных свойственна форма диалога - данный приём оживляет сказку, обостряет интерес к ней.

Бытовые сказки составляют огромный пласт русского и татарского репертуара. Герой бытовой сказки - самый обыкновенный человек. Однако он смел, находчив, силен, решителен, иногда - необычайно хитёр. Герой бытовой сказки всегда выходит победителем в поединке с сильным противником. Волшебное средство в бытовой сказке отсутствует, но втянуто в орбиту земной, будничной жизни.

По тематике русские и татарские бытовые сказки очень разнообразны. В русском фольклоре распространены сказки о мудрых девушках, об испытании

жен, о ловких ворах, сказки о хозяине и работнике. В татарском фольклоре популярны бытовые сказки о мудрых людях, неверных и верных женах, богачах и работниках, муллах, ловких ворах.

Общность обуславливается и генетическими и, контактными связями. В исследованиях Л.Г. Барага приводится ряд доказательств, свидетельствующих о родственности болгарских, румынских, турецких и русских, украинских, белорусских фольклорных текстов (15). Русская культура часто оказывается в роли своеобразного «посредника» между татарской и западноевропейской культурой. Следовательно,

заимствованный сюжет изменяется, перерабатывается в соответствии со сказочной традицией заимствующего народа и становится уже своим.

1.5. «ДИАЛОГ КУЛЬТУР» КАК ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО В РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Литература как искусство слова тесно связана с культурой. Она обогащает сознание и эмоции человека, развивает его художественный вкус, дает представление о жизни, национально-исторических традициях своего и других народов. «Литература - неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры», - утверждает М.М. Бахтин (17, с.17).

Литература каждого народа имеет свою специфику, обусловленную историческими и социальными особенностями развития данной нации: «... ее нельзя отрывать от остальной культуры и непосредственно (через голову культуры) соотносить с социально-экономическими и иными факторами» (17, с.18).

К проблеме преемственности литературных явлений обращались многие эстетики и литературоведы, такие, как М.М. Бахтин, Ю.Б. Борев, М.С. Каган, Н.К. Гей, В.В. Волкова, Ю. М. Лотман, Ю.Н. Тыняков, С.С. Аверинцев, А.С. Бушмин, В.М. Жирмунский, С.Т. Бочаров, Т.А. Гуковский и др.

В конце XX века в трудах философов и эстетиков В.С. Библера, Г.Д. Гачева, М.М. Бахтина, литературоведа Ю.Г. Нигматуллиной и др. возникает термин «диалог культур».

Теория «диалога культур» В.С. Библера объясняет взаимопроникновение культур как «общение культур», которое подразумевает «общение разных разумов, то есть общение через пропасть целого непонимания и - в насущности - истинного взаимопонимания» (20, с.296). Произведение культуры живет и развивается в движении истории, в огромном пространстве бытия. «Вместе с развитием этой, всегда равной себе, формы развиваются два неразрывных полюса, средоточия этого общения, отделенные друг от друга и столь же сопряженные

плоскостью произведения» (20, с.298). По мнению Библера, художественные произведения путешествуют в веках и втягивают, преобразуют в своих личностных средоточиях целостные, потенциально всеобщие исторические культуры. Таким образом, происходит взаимовлияние и взаимопроникновение разных художественных смыслов двух культур, «как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого - вступающего в диалог - феномена культуры, образа культуры, произведений культуры...» (20, с. 297).

Важным связующим элементом, «диалога культур» в понимании В.С. Библера является наличие сквозной «проблемы - воронки», вобравшей в себя все основные вопросы бытия. Такая проблема «втягивает в себя не только всю «свою культуру», но «втягивает и преобразует всю «свою» цивилизацию, все свои предметные и социальные структуры ... весь бесконечный внекультурный «дикий» мир...» (20, с.294).

Только тогда возникает «стремление понять бытие - понять его в смысле этой культуры» (20, с.294).

Диалог понимается В.С. Библером как «общение актуальных и (или) потенциальных культур». Ученый приводит ряд доказательств. Во-первых, «культура всегда существует в одновременном «пространстве» многих культур...» Во-вторых, «время культуры - всегда - настоящее, то сегодня, в котором общаются и диалогизируют все прошлые и будущие культуры...» В-третьих, «в этом общении каждая культура реализует себя как отдельная культура, самобытная, закругленная и неисчерпаемая в своей неповторимости и вечности». В-четвертых, «общение культур... осуществляется как... общение личностей» (20, с.299).

Концепция В.С. Библера дает понимание «диалога культур» как общение «различных культур» (культур мышления и разума) и процесс бесконечного развертывания и формирования все новых смыслов каждого.

Теория М.М.Бахтина о культуре как диалоге базируется на концепции В.С.Библера. Основой культурно-исторического процесса является столкновение и соотнесение различных творческих индивидуальностей, художественных «точек зрения».

«Диалог культур» понимается М.Бахтиным в двух значениях. Во-первых, как способность оценивать факт культуры прошлого с позиции сегодняшнего дня. Он утверждает, что «ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», какого мы теперь знаем», и что это не есть результат модернизации или искажения, а следствие того, что в его произведениях было и есть то, что «ни сам он, ни его современники не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи» (16, с.332). Происходят диалоги писателя с читателем – современником и с читателем, отделенным определенной временной дистанцией, которые отличаются друг от друга, что и дает возможность по-разному интерпретировать художественные произведения в разные исторические периоды, по-разному воспринимать и истолковывать отдельные культурные реалии. Во-вторых, «диалог культур» понимался М.Бахтиным как диалогическая встреча «чужой культуры» и родной, когда «они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность» (16, с.332). Таким образом, трактуя «диалог культур» как процесс «творческого понимания» разных культур во времени и в пространстве, М.М. Бахтин обосновывает концепцию нового взгляда на искусство вообще и национальную культуру в частности.

Понимание «диалога культур» Г.Д. Гачевым строится на принципах «обоюдопознания», «удивления» и «столкновения» культур. Чтобы понять чужую культуру, необходимо изучать национальные образы, представления, мировоззрения. Исследовать русский образ мира, значит исследовать «национальный Космо - Психо - Логос» (35, с.42), т.е. национальный характер и национальный дух изучать через «Логос» - ум, «Психею» - душу, «Космос» - тело. Чтобы явственно проступила национальная логика, «надо целостность бытия одного народа сравнивать с аналогичной целостностью другого» (35, с.42). Национальный образ возникает из всего бытия данного народа, который включает и особый склад природы, быт, язык, историю, культуру, этнос и характер.

Инструментом познания себя, а значит, и другого народа Г.Д. Гачев считает «столкновение» национальных

миров, в результате которого возникают искры взаимоудивления» (35, с.45). Это тот «свет», что проливается на объект исследования - национальную культуру данного народа. Каждый новый изученный национальный тип культуры становится, по Гачеву, своеобразным «прожектором - объяснителем» всех предыдущих. Он вносит поправки к предыдущим мыслям, «бросает на них новый свет и добавляет им в доказательности» (35, с.45), т.е. открывает то новое в национальном мирозерцании данного народа, что прежде было сокрыто от глаз исследователя. Самый верный способ глубоко изучить культуру своего народа - это войти в национальный образ мира другого народа. Чтобы «увидеть наше не только изнутри, но и со стороны, надо отдаляться, отстраняться и делать заходы в иные народы и мировоззрения» (35, с.44). Тогда русская версия бытия проступит не только там, где исследуется Толстой, считает Г.Д. Гачев, но и там, где анализируются «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. «Таким образом, целью познания других народов является самопознание того, на котором мы строим и изнутри которого смотрим на мир», - делает вывод ученый (35, с.45).

Весьма важной в идее «диалога культур» является мысль Г.Д. Гачева о тождественности и непохожести разных национальных культур. Эти два фактора выступают как «взаимодополнительные», позволяющие разными способами анализировать национальные образы мира и находить в них «свое другое» (по терминологии Гегеля) (35, С.13). Такой путь позволяет увидеть взаимопроникновение общенациональных черт в произведениях литературы разных народов.

Ученый предостерегает от возможных искажений понятия «диалога культур». Г.Д. Гачев советует внимательно и глубоко изучать культуру своего и других народов, быть осторожнее с односторонними выводами и определениями: «Менее всего поддается национальное своеобразие лобовой атаке, когда подступаешь к нему с четкими формулами и определениями... Ибо описать национальное - это вывить уникальное» (35, с.46).

В работе Ю.Г. Нигматуллиной «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур» (76) ставится теоретическая и методологическая

проблема изучения литературы в аспекте типов культур и цивилизаций. На основе анализа произведений татарской и русской литератур разных исторических эпох рассматривается национальное своеобразие этих литератур и сходные закономерности их развития на уровне типов культур и цивилизаций.

Опираясь на концепцию Л.И. Новиковой, Ю.Г. Нигматуллина в качестве критерия разграничения типов цивилизаций выдвигает «характер отношений цивилизации к культуре» и выделяет три основных типа цивилизации: стационарный, адаптивный, динамический.

В результате сопоставительного изучения цивилизаций Ю.Г. Нигматуллина относит русскую культуру и культуру Волжской Булгарии, а затем и Казанского ханства, основанного на ее месте после распада Золотой Орды, к одному типу цивилизации - адаптивному, или ассоциативному. В цивилизации адаптивного типа «искусство выполняет интегративную функцию по отношению к разнородным культурам, на почве которых оно возникает и развивается» (76, с.7). «Российская цивилизация, как пишет В.И. Пантин, по самому своему происхождению ... была ориентирована на межцивилизационные, межэтнические, межкультурные связи внутри себя самой. Она постоянно была ориентирована на ассимиляцию и освоение новых культур, новых технических достижений, новых пространств» (76, с.10).

Культура татарского народа до определенного времени также развивалась в рамках адаптивного типа цивилизации арабо-мусульманского мира. Основанные на единстве религии, обусловленные торговыми, политическими, идеологическими и другими факторами, эти многовековые контакты наложили отпечаток на многие сферы татарской жизни, особенно духовную. Ассимилятивные процессы в татарской литературе имели обращенный во вне (экстравертивный) характер, так как усвоение и адаптация происходили между культурами, относящимися к одной цивилизации (арабо-мусульманской), но развивающимися в разных государственных образованиях (76, с.11).

Особенности адаптивного типа цивилизации сохранились в культурах русского и татарского народов и в более поздние

эпохи их развития, когда оба народа «шагнули» в иное цивилизационное измерение - в пору развития динамического типа цивилизации.

Возникает вопрос: в какой взаимозависимости находятся российская и татарская цивилизация? Россия не является самостоятельной цивилизацией и не относится ни к одному из типов цивилизации в чистом виде. В российское общество входит конгломерат народов, относящихся к различным типам развития, но объединенных русским ядром. Поэтому на российском обществе сказались как западное, так и восточное влияние.

Татарская культура до XIX в. являлась частью цивилизации мусульманского Востока. С XIX в. усиливаются западноевропейские и русские влияния. Русская культура часто оказывалась в роли «посредника» между татарской и западноевропейской культурой. С конца XIX в. происходит процесс активного «синтезирования» восточных и западных культурных традиций, что приводит к существенному изменению характера содержания и структуры татарской литературы.

Таким образом, русская и татарская культура, относясь к адаптивному типу цивилизации и находясь в непосредственной территориальной близости, сближаются как две разнородные цивилизации. Но одновременно они относятся к разным национальным культурам. В особенностях стиля художественного мышления татарского народа проявляется такая его особенность, как внешняя сдержанность и внутренняя эмоциональность, или выражаясь словами Мариэтты Шагинян, обращенность «всеми своими страстями внутрь, как окна мусульманского дома» (76, с.66).

Многие искусствоведы отмечают, что татарам свойственна некоторая внешняя суровость, сдержанность чувств при душевной мягкости, доходящей порой до сентиментальности. Татарский народ не выражает открыто своих чувств. «И горе, и радость народ переживал про себя», внутренне стараясь скрыть свои чувства от других» (76, с.66). Поэтому в художественном мышлении татар преобладают нюансовость и ассоциативность.

Эти важные особенности художественного мышления татар необходимо учитывать в методике преподавания русских народных сказок в школе с

родным (нерусским) языком обучения в контексте «диалога культур», когда идет сопоставительное изучение русских и татарских народных сказок. Процесс художественного мышления в татарских народных сказках протекает не как едва уловимое движение сходных, почти тождественных ассоциаций, или, наоборот, как развитие совершенно разных, несоединимых представлений, сближающихся на основе оттенков, значений, нюансов чувств, варьирования известного мотива.

Идея «диалога культур» позволяет учитывать особенности каждой национальной культуры и характерные для нее «национальные картины мира» (113, с.20). Через «диалог культур» происходит взаимопроникновение культур татарского и русского народов и взгляд на чужую культуру как свою, родную. Выявляются типологические общности и общечеловеческое содержание сказок русского и татарского народов.

ГЛАВА ВТОРАЯ МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В КОНТЕКСТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР»

2.1 РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Начиная с 1989 г., в ходе коренного изменения программы по литературе, в курсе пятого класса был существенно расширен круг произведений сказочного жанра. Так, в программе под ред. Т.Ф.Курдюмовой только среди обязательных произведений, предназначенных для чтения, изучения и обсуждения названо 12 сказок, в программе под ред. Г.И.Беленького – 10, в программе под ред. А.Г.Кутузова – 9, в программе для школ с углублённым изучением литературы под ред. М.Б.Ладыгина – 11, в программе под ред. В.Г.Маранцмана – 8. Это без учёта возможных уроков внеклассного чтения.

В Программе по литературе для 4-10 классов, разработанной Программно-методическим управлением и научно-исследовательским институтом школ Министерства просвещения РСФСР 1986 года, в IV классе в разделе "Устное народное творчество" изучалось две русские волшебные сказки: "Иван – крестьянский сын и чудо-юдо", "Царевна-лягушка". За 4 урока чтения и изучения данных сказок рассматривались как идейно-нравственное содержание сказок, так и вопросы теории литературы. Особое внимание уделялось категории волшебного в сказках, языку, построению и поэтичности русской народной волшебной сказки.

В Программе по литературе для средних общеобразовательных учебных заведений Министерства образования РСФСР 1991 г. под руководством Т.Ф.Курдюмовой количество сказок доведено до 12. Принципиальное отличие её от предыдущей в том, что в Программу включены на основе "трёх кругов" чтения разные типы сказок: волшебные, о животных, новеллистические, сказка-анекдот. Для чтения и изучения предлагается волшебная сказка "Василиса Прекрасная", для

чтения и обсуждения – "Вазуза и Волга", "Загадка", "Откуда ветер дует". Значительно расширен и углублён теоретико-литературный аппарат сказочного жанра, рассчитанный на усвоение пятиклассниками важнейших понятий, необходимых далее в курсе литературы: тема и идея сказки, реальное и фантастическое в сказке, разные типы сказок и проблемы, которые в них решают безымянные авторы.

В Примерной программе для школ СССР с русским языком обучения под редакцией Г.И.Беленького раздел "Русские народные сказки" в V классе изучается с обобщением прочитанных в начальной школе сказок о животных и волшебных сказок: "Барин и мужик", "Шемякин суд", "Что дальше слышно?", "Завещание". Для чтения и обсуждения даётся русская народная сказка "Ванюшка и царевна", после изучения которой пятиклассникам рекомендовано для сравнения читать казахскую ("Мастер Али") и афганскую ("Поэт и богач") сказки. Впервые в школьном изучении Г.И.Беленьким предлагается своеобразная теоретико-литературная парадигма: сказка, миф, былина. Миф изучается как вид устного народного творчества.

В Программе, рекомендованной Главным управлением развития общего среднего образования Министерства образования Российской Федерации, под редакцией А.Г. Кутузова (1995) значительное место отведено разделу "Фольклор и литература". Положительным моментом явилось расширенное понятие о фольклоре, вымысле в фольклорном произведении и основных жанрах фольклора. В разделе "Сказка" включены в изучение такие важные вопросы, как генезис сказочного жанра и его классификация. На доступном уровне пятиклассники изучают виды народных сказок, как строится сказка, возникновение сказки и рассматривают эти понятия на примере русских народных волшебных сказок "Два Ивана – солдатских сына", "Финист – Ясный Сокол" и бытовой сказки "Жена-доказница". Достижением в программе А.Г.Кутузова явилось сравнительное изучение русских народных сказок и сказок народов мира.

Программа по литературе 5-11 классов под редакцией Г.И.Беленького (1995) значительно углубляет знания пятиклассников об устном народном творчестве. Сказочный генезис проводится автором от понятий "легенда", "предание" до

"мифа" и "сказки". Наиболее ценным представляется ряд тем, постепенно расширяющих представление учащихся об устном народном творчестве, таких как: "Русские народные сказки. Виды сказок. Вариативность сказок. Близкие сюжеты. Жизненная ситуация в сказках разных народов". Включение таких тем даёт возможность учащимся 5 класса сравнить разные сюжеты сказок в русском фольклоре и сказках народов мира. Для чтения и изучения автором предлагаются волшеббно-героические, волшебные и бытовые сказки: "Бой на Калиновом мосту", "Царевна-лягушка", "Белая уточка", "Жена-спорщица", "Каша из топора" и другие.

Данная программа даёт возможность учащимся 5 классов обучаться не только чтению и пересказу, но и анализу сказок разных народов, близких по сюжету (мальчик с пальчик, золотая рыбка и т.д.).

Русские народные сказки изучаются в курсе начальной школы. В учебнике для 1 класса «Родная речь» под ред. Л.Ф.Климановой (2003) изучается две сказки о животных - «Рукавичка» и «Петух и собака». Положительным моментом в структуре учебника является то, что авторы включили после каждой сказки вопросы на сравнение. Например, после сказки «Теремок» помещены такие вопросы: «В чём отличие этой сказки от известной тебе народной сказки?». После сказки «Рукавичка» даётся задание сравнить её со сказкой «Теремок» и найти сходство и различие. Первоклассники на доступном уровне знакомятся с некоторыми теоретическими понятиями: что называется сказкой, какие животные являются главными героями сказок.

Учебник «Родная речь» под ред. М.В. Голованова, Г.Г. Горецкого. Л.Ф. Климановой (1997) для 2 класса открывается разделом «Устное народное творчество», куда входят темы «Русские народные песни», «Небылицы», «Докучные сказки», «Сказки», «Былины».

Второклассникам предлагается изучить три волшебные и одну богатырскую сказки: «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», «Иван-царевич и серый волк», «Сивка-бурка», «Никита Кожемяка». В конце раздела «Устное народное творчество» учащимся предлагается для обсуждения двадцать

вопросов, девять из которых посвящены русской народной сказке. Проверяется усвоение содержания предложенных для чтения сказок, выявляется первоначальное читательское восприятие сказок учащимися, проверяется знание ими художественных особенностей сказок (присказка, зачин, концовка). Учащимся дается задание найти зачин и концовку в данных сказках, нарисовать собственную иллюстрацию к сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка». Однако подобное построение методического аппарата учебника представляется нам не совсем удачным. Думается, целесообразнее поместить вопросы и задания после каждой из прочитанных сказок.

Учебник по чтению для учащихся 3 класса четырёхлетней начальной школы «Родное слово» под ред. В.Г. Горецкого (Л.Ф. Климанова, Л.К. Пискунов, Л.С. Геллерштейн) предлагает для чтения и изучения четыре сказки: русские народные «Зимовье», «Каша из топора», нанайская народная сказка «Айога» и татарская народная «Три дочери». Школьникам предлагается изучить две волшебные, одну о животных, одну бытовую сказки. После каждой сказки даны вопросы на закрепление содержания прочитанного, на выявление читательского восприятия. Дано задание подготовиться к чтению сказок в лицах.

В учебнике «Родное слово» для учащихся 4 класса под ред. В.Г. Горецкого (Л.Ф. Климанова, Л.К. Пискунова, Л.С. Геллерштейн) (1992) раздел «Устное народное творчество» представлен русскими народными сказками «Ворона и рак», «Сивка-бурка», «Летучий корабль», «Иван-царевич и серый волк», «Сказка о серебряном блюде и наливном яблочке», «Никита Кожемяка». Вопросы даются в конце каждой сказки и направлены на выяснение идейно-художественного содержания сказок. Проводится связь прочитанного с современной жизнью, с нравственными понятиями: «Каких людей ты хотел бы чаще встречать в жизни, дружить с ними: таких, как сестра Машенька или пастушок? Почему?» Вопросы аналитического характера позволяют сформировать интеллектуальные навыки младших школьников, умение сравнивать и размышлять.

Таким образом, во всех учебниках «Родное слово» авторов В.Г. Горецкого, Л.Ф.Климановой, Л.К.Пискунова, Л.С.Геллерштейн представлены в основном волшебные сказки и

сказки о животных. Только в курсе 3 класса школьники изучают все три разновидности русских народных сказок: волшебную, бытовую и о животных. Чёткости, системности в методике преподавания русских народных сказок в начальной школе не прослеживается.

В 1 части «Книги для чтения во 2-м классе» под ред. Р.Н. Бунеева и Е.В. Бунеевой (2002) сказки распределены по различным разделам. Русская народная сказка «Царь-девица» дана в разделе «Там, на неведомых дорожках». В ходе чтения школьники знакомятся с понятием «зачин» сказки, узнают, что автором данной сказки был не конкретный человек, а народ. Задания содержат развивающий компонент. Ученикам предлагается сравнить, какие волшебные сказочные герои живут в сказках «Царь-девица» и «Конёк-горбунок» П. Ершова. Обращается внимание учащихся на поэтику сказок. Подобраны задания по развитию речи и культуре чтения.

В курсе 2 класса учащиеся знакомятся со сказками других народов: литовской сказкой «Мальчик Золотой Хохолок и девочка Золотая Коса», киргизской «Дыйканбай и дэв», дагестанской «Богатырь Назнай». Таким образом, второклассники знакомятся с понятиями «волшебная» и «богатырская» сказки, зачин, автор сказки, стилевые формулы и троекратные повторы.

Во 2 части «Книги для чтения во 2-м классе» под ред. Р.Н. Бунеева и Е.В. Бунеевой сказкам разных народов отводится значительное место. В IV и V разделах русские народные сказки изучаются в сравнении с киргизской, долганской, корейской, японской, африканской, эстонской и также татарской сказками. Особый интерес представляет изучение 3-х сказок: «Мудрая дева» (русская), «Мудрая девушка» (киргизская) и «Мудрый старик» (татарская). Данные сказки объединены авторами учебника по принципу классификации сказочного жанра (они волшебные) и по сходству содержания. Интересные вопросы после сказки «Мудрая дева» рассчитаны на размышление учащихся: «Вы заметили: во всех трёх сказках всемогущие правители признали себя побеждёнными. Почему? Если вы сумеете ответить на этот вопрос, значит, вы поняли народную мудрость, заключённую в этих сказках».

Книга для чтения «В одном счастливом детстве» под ред. Р.Н. Бунеева и Е.Б. Бунеевой (2003) предназначена для занятий с учащимися 3 класса. Материал построен в виде эвристической беседы с учащимися и имеет целью интеллектуальное, эстетическое и речевое развитие детей. В учебник включены литературные и народные сказки. Из русских народных сказок в учебнике представлены русские народные сказки «Кот и Лиса», «Никита Кожемяка», «Как мужик гусей делил». Авторы учебника дают возможность учащимся уже в курсе начальной школы иметь представление о жанровом богатстве и поэтике сказок разных народов.

По программе татарской литературы для русских школ (2003) в курсе начальной школы изучаются татарские народные сказки о животных “Карт белән Төлке”, “Кәжә белән Бүре”, волшебная “Өч кыз” (2 класс), “Кем көчле?”, “Кем жиңүче?”, русская народная сказка “Петух и горох” (3 класс), татарские народные сказки “Карчык белән Аю”, “Кәжә белән Сарык”, “Өтәч патша”, “Камыр батыр” (4 класс). Включены в программу и сказки народов Поволжья, например, удмуртская сказка “Тычкан белән Чыпчык”.

В курсе пятого класса на уроках родной литературы учащимся - татарам предлагается изучить понятие о сюжете и герое народной сказки, прочитать татарские народные сказки “Зирәк карт”, “Жил арба”. Всего на изучение сказок в пятом классе отводится 2 часа.

Таким образом, школьники-татары в пятом классе имеют общие представления о русской сказке и сказках своего народа, знакомы с теоретическими понятиями “сюжет” и “герой сказки”.

Русские народные сказки изучаются и в V классе татарской школы. По Программе средней школы для 5-11 классов татарских средних школ под редакцией М.Г. Ахметзянова (1997) на изучение раздела "Русские народные сказки" отводится 3 часа. Для чтения и изучения предлагается волшебная сказка "Царевна-лягушка", для внеклассного чтения "Василиса Прекрасная", "Сказка об Иване – царевиче, жар-птице и сером волке".

С учётом специфики восприятия сказки детьми нерусской национальности сказка "Царевна-лягушка" читается в классе. После каждой смысловой части (а их авторы учебника наметили

три) школьникам предлагается ряд вопросов для глубокого усвоения содержания сказки и особенностей её поэтики и стиля. Каждый из трёх вопросов нацелен на осознанное усвоение содержания сказки, на закрепление теоретико-литературных понятий, на развитие речи и мышления учащихся нерусской национальности. Несомненно, большой заслугой авторов данной программы и также учебной хрестоматии для V класса татарской средней общеобразовательной школы под редакцией М.Г. Ахметзянова является тщательная разработка научно-методического аппарата учебника и в том числе его раздела "Произведения устного народного творчества". Особого внимания заслуживает словарная работа по сказке "Царевна-лягушка" и методика по развитию речи учащихся-татар.

1. Запомните следующие сказочные выражения: долго ли шёл, коротко ли, близко ли, далеко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

2. Найдите слова рассказчика, Ивана-царевича, старика, медведя, селезня, зайца, щуки, Бабы Яги. Подумайте, как надо читать за рассказчика. А как надо читать за старика? Прочитайте выразительно в лицах эту часть сказки.

Авторы учебника под редакцией М.Г. Ахметзянова учитывали специфику восприятия русской волшебной сказки "Царевна-лягушка" в контексте «диалога культур». Один из вопросов ко всей сказке касается фольклора татарского народа и сравнения русских народных сказок с национальными: "Есть ли у вашего народа сказка, похожая на русскую сказку "Царевна-лягушка"? Назовите её. Скажите, чем она похожа на русскую сказку, а чем отличается от неё".

В разделе "Произведения устного народного творчества" после изучения русской народной сказки "Царевна-лягушка" учащимся предлагается самостоятельно прочитать сказки "Василиса Прекрасная", "Сказка об Иване – царевиче, жар-птице и сером волке", а также познакомиться со сказками народов России. Для чтения и беседы даны сказки народов мира, куда включены арабские народные сказки из книги "Тысяча и одна ночь".

Сопоставляя программы под ред. Т.Ф. Курдюмовой, В.Я. Коровиной, Г.И.Беленького, М.Б.Ладыгина, В.Г. Маранцмана, мы

отмечаем, что авторы, отбирая произведения, останавливают своё внимание на самых разнообразных сказках, не повторяя друг друга в своём выборе. Кроме того, учитель в связи с вариативностью программ может самостоятельно включать в круг изучаемых произведений сказки, соответствующие уровню класса, с которым он работает, и задачам литературного развития. Это наталкивает на мысль, что, независимо от выбора изучаемых произведений, должна существовать некая методическая модель, помогающая учителю выстроить изучаемый материал, отобрать теоретические понятия, необходимые для того, чтобы пятиклассники имели определённые представления о жанре русской народной волшебной сказки.

В методике накоплен обширный материал по теме "Народные сказки". Так, первые методические рекомендации по работе над конкретными сказками содержатся уже в трудах известных русских методистов XIX в. Ф.И.Буслаева, В.Я.Стоюнина, В.П.Острогорского. В методике основательно разработаны такие вопросы: обучение выразительному чтению на примере сказок, обучение разным видам пересказа, поурочные рекомендации по анализу текста отдельных произведений школьной программы, использование возможностей словарной работы, проведение уроков внеклассного чтения по сказкам, развитие речи учащихся при изучении сказок, использование проблемных ситуаций на уроках по сказкам.

Но проблема изучения особенностей художественного мира русских и татарских народных волшебных сказок в школе с родным (нерусским) языком обучения не решена достаточно. Большинство авторов касается лишь отдельных аспектов той темы, которую мы рассматриваем в своём исследовании.

В работах по изучению литературы в среднем звене школы М.А.Снежная, А.Г. Балыбердин затрагивают вопрос о формировании начальных понятий о жанре сказки у пятиклассников. М.А. Снежная считает, что, исходя из жанровой природы народной сказки, «её надо рассматривать, акцентируя внимание детей на волшебные события, подвигах героев, сказочной обрядности» (95). Ребята должны уяснить положение, что в центре сказки, как и во всяком эпическом произведении, находятся события и герой, а в лирическом

произведении – чувства, мысли и переживания. Большую роль отводит М.А. Снежневская приёму сопоставления при разговоре о произведениях разных жанров. Балыбердин убеждён, что при формировании понятия о жанре, в том числе и сказки, важно накапливать в сознании учащихся материал о тех или иных признаках этого жанра, чтобы знания наращивались. Сделать это можно по-разному, постепенно выявляя всё новые признаки жанра так, чтобы первоначальное понятие о сказке всё расширялось и углублялось (14).

В последнее время появились работы, посвященные изучению народной сказки в школе, авторы которых всё активнее используют материалы, накопленные учёными-фольклористами при исследовании волшебной сказки. В основу программы и учебников "Русская культура и словесность" петербургских учителей-методистов Ю.А. Сипинева и И.А.Сипиновой (93) положен принцип "От истоков национальной культуры – к её половестью и глубине" (93, с.5). В качестве обучающей в V классе авторами выбрана тема "Русская народная сказка, её строй и отражение в ней представлений древнего человека о мире". Привлекает в пособии то, что авторы на материале народных сказок ведут серьёзный разговор о высших жизненных ценностях и приобщают школьников к тайнам мифопоэтического анализа текстов. Правда, филологический и культурологический материал не всегда, на наш взгляд, адаптирован к возрасту пятиклассников.

В пособии Н.Д. Тмарченко, Л.В. Стрельцовой "Путешествие в чужую страну" (106) для V классов школ гуманитарного типа большое внимание уделено поэтике волшебной народной и литературной сказки. Книга учит ребят сравнивать тексты между собой, делать самостоятельные наблюдения и выводы. Этому способствует развёрнутая система заданий после каждого небольшого раздела. Но, на наш взгляд, иногда доля знаний превышает разумную норму. Так, например, после одного из разделов количество заданий доходит до тридцати.

Еще в одном экспериментальном учебном пособии "Миф или сказка?" Е.С. Абельюка (1) законы волшебной сказки, её связь с мифом и обрядом рассматривается с позиции современной фольклористики. Автор знакомит учащихся с близкими

сказочными сюжетами и объясняет происхождение многих из них. Пособие рассчитано на старшеклассников, интересующихся проблемами филологии, использовать его без изменений в пятом классе, к сожалению, невозможно.

Авторы другого методического пособия для начальных классов Г.Н.Кудина, З.Н. Новлянская (64) предприняли попытку дать серьёзный материал о структуре волшебной сказки уже в третьем классе. Они разбирают с третьеклассниками схему сюжета волшебной сказки, ведут разговор об определённой картине жизни, которая предстает перед нами в этом жанре фольклора. Их эксперимент явно заслуживает внимания.

Н.А. Колесникова в статье «Сказки и дети» (60) рассматривает проблему формирования эстетического вкуса учащихся 5-6 классов на материале русских народных сказок. Автор делится опытом преподавания русской народной сказки, опираясь на творческую деятельность учащихся. Н.А. Колесникова использует опыт Д.Родари по сочинению сказок самими детьми. Самые распространённые приёмы – «бином фантазии», «старые игры», «произвольный префикс», «перевертывание сказки», «модуляции сказки», «техника фантастических гипотез» - служат основой для тренировочных упражнений по созданию собственных сказок на основе прочитанных русских народных.

На следующем этапе работы учащимся предлагаются готовые варианты сюжетов и отрабатываются детали композиционного построения сказки. Ценным является акт творчества пятиклассников, когда они учатся начинать сказку с присказки, вводить сказочный зачин и завершать работу подходящей концовкой. Особое внимание на уроке уделяется стилевому своеобразию сказки. На заключительном этапе изучения русских народных сказок в пятом классе учитель даёт возможность учащимся сочинять сказку на современном материале в русле народных традиций. Н.А. Колесникова считает весьма важной работу по овладению учащимися спецификой волшебной сказки, так как именно на её материале строится затем система уроков по литературной сказке.

Автор методического пособия "Культура русской речи учащихся татар" Х.Г. Агишев (2) ставит закономерный вопрос,

как научить пониманию и точному употреблению русских слов учащихся национальных школ. Хотя учащиеся и знают, что слова в предложения объединяются по смыслу и грамматически, но умение уловить внутреннюю логику сочетаемости и несочетаемости слов приходит не сразу.

Представляется интересной мысль Х.Г. Агишева о том, что "для предупреждения речевых ошибок очень важно разграничение значений нескольких русских слов, которым в родном языке соответствует одна единица". Самой трудной является задача "дифференцировать близкие понятия". Потому на уроках развития речи особое внимание, по мнению автора, следует уделять расхождению языков при образном словоупотреблении, анализу выразительной силы слов-эквивалентов при метафоризации.

Весьма эффективной является мысль Х.Г. Агишева о борьбе с буквальным пониманием слов, буквальным переводом. Избежать буквального понимания слов поможет систематическое наблюдение над словами и мыслью, семантический анализ словаря и фразеологии, отбор форм и словосочетаний и предложений для выражения тех или иных конкретных мыслей.

В книге А.Х. Валеевой и В.А. Благово "Выразительное чтение и развитие русской речи" (на уроках литературы в 4-8 классах татарской школы) (25) авторы рассматривают важную методическую проблему – организацию системы обучения выразительному чтению в татарской школе. Учитель-словесник национальной школы должен помнить, что в IV-VII классах продолжается активный процесс овладения русским языком. При этом жизненный опыт, эмоциональная память, способность учащихся к ассоциативному мышлению и воссоздающему воображению формируются преимущественно силами родной речи, доминирующей в нерусской языковой среде, которая значительно ослабляет русское речевое развитие учащихся русской национальности.

Вполне интересной и эффективной представляется нам работа с учащимися нерусской национальности по пути овладения логикой и эмоционально-образным содержанием художественного текста. С этой целью авторы методического пособия вводят вопросы и задания, направленные на сравнение и

сопоставление произведений различных жанров, написанных авторами разных национальностей. Особое внимание при этом уделяется словарной работе на уроке литературы, умению находить в тексте и использовать в речи средства художественной изобразительности, умению представлять образные картины, возникающие в ходе чтения художественного произведения.

Авторы пособия приводят примеры ошибок, допускаемых учащимися национальных школ, а также аргументированно предлагают систему работы по отработке правильного произношения некоторых звуков русского языка.

Авторы книги «Русская литература в 5 классе татарской школы. Методическое руководство к учебной хрестоматии» под редакцией М.Г. Ахметзянова (11) дают конкретные методические указания к изучению русской народной сказки «Царевна-лягушка». Начинать изучение сказки необходимо с рассказывания (1 этап). Оно должно быть неторопливым, с интонациями, близкими к разговорной речи, с объяснением лексических значений незнакомых слов. Рассказыванию предшествует беседа учителя с учащимися, направленная на уяснение самого главного из содержания сказки. Второй этап изучения – чтение сказки учащимися. Этому виду работы отводится важное место, так как одной из основных задач уроков литературы в 5 классе является привитие учащимся навыков осознанного чтения.

По мнению авторов, большое внимание в татарской школе нужно уделять подготовительной работе перед чтением текста. Предлагается система подготовительных упражнений (орфоэпических, лексических, интонационных), которые облегчат учащимся чтение сказки «Царевна-лягушка». Ошибки, допущенные учащимися при чтении, необходимо исправлять после того, как ученик дочитал предложение до конца. Третий этап работы – беседа по вопросам по содержанию сказки с выборочным комментированным чтением отрывков. Такой вид чтения учит школьников не только фиксировать факты, но и выделять из них наиболее важные, соотносить их друг с другом, давать им оценку, приходиться к выводам. В процессе чтения

неоднократно обращается внимание на язык сказки, выделяются постоянные эпитеты, сравнения и сказочные обороты.

Авторы методического руководства рекомендуют провести заключительную беседу с учащимися, в которой анализируются образы главных героев – Василисы Премудрой и Ивана-царевича. Целесообразным будет спросить у учащихся, есть ли у их родного народа подобная сказка и чем она сходна со сказкой «Царевна-лягушка», чем отличается от неё.

2.2. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРИЯТИЯ СКАЗОК ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В мир сказок ребёнок вступает в самом раннем детстве, как только начинает говорить. Школьник встречается со сказками на страницах букваря и в первых книгах для чтения. Из сказок ребёнок узнаёт, что счастье не мыслится без труда, без стойкости нравственных принципов. В сказках неизменно осуждается насилие, разбой, коварство, чёрное деяние, зло. Сказка помогает ребёнку укрепиться в самых важных понятиях о том, как жить, на чём основывать отношения к своим и чужим поступкам. Преследуя социальное зло, преодолевая препятствия, встающие на жизненном пути, разоблачая козни против добра, сказки зовут к преобразованию мира на началах человечности и доброты.

Учёные и педагоги исследовали психологическое воздействие сказки на детское сознание. Одним из первых начал изучение влияния сказки на детскую психику швейцарский учёный-психолог Жан Пиаже. Он ставил перед детьми вопросы о причинах разнообразных физических явлений, о явлениях природы и космоса. Поскольку знаний о подлинных причинах явлений у маленьких детей нет, то, по мнению учёного, должны проявиться особенности второго, стихийного пути освоения ими общественного опыта (103). В такой ситуации обнаруживается, каким образом ребёнок встраивает в свою картину мира явления, которым ещё не в состоянии дать правильного, научного обоснования.

В процессе экспериментального изучения детской психики Жан Пиаже пришёл к выводу, что в своём развитии ребёнок повторяет в сокращённом и суженном виде главнейшие стадии развития эпохи, которое проделало человечество. Согласно такому учению, ребёнок переживает свою пору анимизма, всеобщего одушевления, антропоморфизма, как и человечество в целом. Пиаже удалось путём интересных умозаключений, построенных на конкретных фактах своего эксперимента, доказать наличие мифологического мышления у ребёнка. Он считал, что на первой стадии мышления (4-6 лет) ребёнок рассуждает так, как если бы неодушевлённые предметы и явления природы обладали сознанием и жизнью, психикой и душой. Подобное явление Пиаже назвал анимизмом. Далее ребёнку представляется, что окружающие предметы равнодушны к людям. Ребёнок видит и представляет так: Солнце и Луна следуют за нами, следят за нами и подчиняются нашим желаниям, иногда посылают нам сновидения. Так возникает явление сопричастности. На данной ступени развития для ребёнка центр всего мира – человек (он сам). Все вещи и явления природы «сделаны для человека, вокруг человека, ради него, а некоторые им самим» (103,с.21). Это явление Пиаже называет артификализм. Следующий этап в развитии психики ребёнка – финализм, когда все вещи и явления природы якобы «хотят» обеспечить людям счастливую и удобную жизнь. Наконец, заключительная стадия развития – магическая причинность. Человек, живя в таком удобном мире, вроде бы может воздействовать на предметы желанием и мыслью и вправе рассчитывать на «понимание» и «послушание».

Причину такого смещения природного и психологического Жан Пиаже видит в том, что ребёнок ещё не выделяет себя из окружающего мира. Он как бы растворён в мире и знает, что принадлежит ему (психическое, субъективное), а что нет (объект природы). Учёный приходит к важному выводу о непосредственной близости духовного мира ребёнка к таинствам окружающей природы и явлений, естественном приятии детской психикой всякого рода «небывальщины» и бессмыслицы. Пиаже пишет: «В той степени, в какой ребёнок игнорирует существование собственной мысли, он приписывает жизнь и

сознание каждому объекту, который встречается на его пути, и по мере того, как он открывает свою собственную мысль, он перестаёт признавать за окружающими его вещами способность к сознательному проявлению» (103, с.30). Данное утверждение Пиаже позволило ему сделать интересные выводы о том, что ребёнок естественно и гармонично живёт в мире выдумки, фантазии, сказки, ребёнок мыслит яркими, необычайными, сказочными образами.

Бюлер развил теорию Пиаже, связав воедино особенности детской психики и психологию искусства. Он указал на психологическое родство искусства и игры для ребенка: «Прежде всего важен тот факт, что ребёнок так рано применяет ту правильную, чуждую в действительности установку, которую требует сказка, что он может всецело углубляться в чужие подвиги и следовать за сменой образов в сказке как таковой» (103,с.25). Бюлер доказывает мысль: ребёнок живёт в мире сказки, понимает особый, поэтически художественный и условный мир сказочного вымысла и фантастики.

Л.С. Выготский, рассматривая проблему психологического восприятия искусства детьми и взрослыми, приходит к следующим выводам. Он указывает на особый подход исследователя к внутреннему миру ребёнка, так как «область детского искусства и реакция ребёнка на него существенно отличается от искусства взрослого» (31,с.93). Далее Л.С. Выготский говорит о психологическом родстве психического развития ребёнка с миром сказки.

В детских рисунках и стихах, скороговорках и сказках живут те «лепые нелепицы», «забавные бессмыслицы», которые достигаются перестановкой самых обычных жизненных явлений. «Небывальщина необходима ему лишь тогда, когда он хорошо убедится в бывальщине» - утверждает Л.С. Выготский, особо подчёркивая огромную роль и значение искусства в детской жизни. Он ратует за развитие психики ребёнка на основе живой игры, фантазии, сочинительства стихов, сказок, небылиц, то есть всего того, что требует «игры словами, игры ритмами, звуками» (31,с.322). Ведь именно таким образом ребёнок вернее утверждается в законах, управляющих миром реальным. Эти

нелепицы «усиливают (а не ослабляют) в ребёнке ощущение реальности» (31,с. 188).

Однако учёный делает акцент на «умной сказке». Такой сказкой Л.С. Выготский считает «фантастическую сказку», при условии, когда «возникающие при этом чувства обращены в жизнь» (32,с.247). Он предостерегает взрослых от опасности тех впечатлений, лежащих на ребёнка, с которыми он не в состоянии справиться, которые могут привести «в смятение его психику» (32,с. 248). Таким образом, Л.С. Выготский отдаёт предпочтение умной сказке, т.к. ей «принадлежит оздоровляющее и целебное значение в эмоциональной жизни ребёнка» (32,с.248).

Психолог Е.В. Субботский, как бы продолжая логику суждений Л.С. Выготского, останавливается на соотношении сказки и реальности в жизни ребёнка и в его мышлении (103). Вера в одухотворённость вещей, в возможность обращаться к ним с просьбой и рассчитывать на сочувствие легко уживается с естественнонаучным подходом к миру. Научный и ненаучный, физический и анимистический способы объяснения тут сосуществуют. Учёный утверждает, что такой подход к миру возникает одновременно и существует параллельно на протяжении жизни человека. Это неизбежно, считает Е.В. Субботский, как неизбежно сосуществование любого контраста. Общение с взрослыми, умножение опыта в обращении с предметами реальной действительности меняет в сознании ребенка соотношение сил науки и волшебства, последнее вытесняется из сферы обыденной реальности. Сначала – на уровне словесности, речевом. Затем – на уровне реальных поступков. Опыты показывают, что в возрасте 9-10 лет дети уже не проявляют веры в возможность волшебства, и она окончательно покидает сферу обыденной реальности (103,с.83). Покидает, но не исчезает совсем. Отступает в другие сферы психической жизни – сферу сказки, фантазии, игры, в сферу сновидений, в сферу искусства. Именно в области сказки вера детей в необычное, чудесное создаёт невероятное, ломает логику здравого смысла, разрывает барьеры и препятствия, возведённые обыденной реальностью. По мнению Е.В. Субботского, «практика анимизма и волшебства открывает человеческую

мысль, является неисчерпаемым источником новых творческих синтезов и оригинальных идей» (103,с.83).

Высоко оценивал воспитательное воздействие сказки на внутренний мир ребёнка А.С. Пушкин. Воспитанный на устном народном творчестве, на русских народных сказках, рассказываемых ему в детстве няней Ариной Родионовной, поэт восклицал: «Вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма» (84,с.121).

Для Пушкина национальная культура есть культура самобытная, связанная с историей, бытом, традициями народа, выражающая его национальный характер. С этой точки зрения, сказки великолепно отражают русского человека, склад его ума и чувств, его идеалы и стремления.

Большое значение придавал созданию сказок для крестьянских детей писатель Л.Н. Толстой. Живя в Ясной Поляне, общаясь с крестьянами, он пришёл к мысли о необходимости просветительской работы среди крестьянских детей. Л.Н. Толстой строит школу для детей крестьян, пишет азбуку, создаёт интересные и поучительные сказки для детей. Писатель считал, что через сказки можно найти путь к сердцу ребёнка и возродить национальное чувство.

Важным для нас является утверждение писателя А.М. Горького: «Начало искусства – в фольклоре» (38,с.26). А.М. Горький считает, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором. Устное народное творчество воплощает лучшие национальные качества народного характера и выполняет воспитательную функцию. В статье «О сказках» А.М. Горький упоминает о том огромном влиянии, которое оказала на него народная сказка: «За сказками, за песнями мною чувствовалось какое-то сказочное существо, творящее все сказки и песни. Оно как будто и не сильное, но умное, зоркое, смелое, упрямое, всё и всех побеждающее своим упрямством. Я говорю – существо, потому что герои сказок, переходя из одной сказки в другую, повторяясь, слагались мною в одно лицо, в одну фигуру» (39, с.86).

Известный педагог В.А. Сухомлинский считает сказку прекрасным средством воспитания любви к Родине. «Сказка – благородный и ничем не заменимый источник воспитания любви к Родине», - писал он. Патриотическая идея сказки - в глубине её содержания, созданные народом сказочные образы, живущие тысячелетия, доносят к сердцу и уму ребенка могучий творческий дух трудового народа, его взгляды на жизнь, идеалы, стремления» (104,с.177). Сказке педагог отводил важное место в воспитании доброты, человечности, взаимопонимания – качеств, столь необходимых для будущего гражданина.

Ценность суждений В.А. Сухомлинского состоит ещё в том, что педагог указывает на два важнейших фактора влияния сказки на ребёнка:

1) происходит развитие мыслительной деятельности детей;

2) развивается речь, а вместе с ней – образное художественное мышление.

«Без сказки – живой, яркой, овладевающей сознанием и чувствами ребёнка – невозможно представить детское мышление и детскую речь как определённую ступень человеческого мышления и речи» (105,с.177).

В современном мире ценными для нас являются педагогические идеи И.Ф. Гербарта о воспитывающем обучении, главной задачей которого является развитие ученика на основе многостороннего интереса: 1) эмпирического – стремление к наблюдению; 2) умозрительного – настраивание на размышление; 3) эстетического – обеспечение художественной оценки явлений. Он увязывает интересы с познавательными способностями человека, которые очень важны в процессе формирования творческой активности ребенка.

Убежденный в том, что развить природные задатки может только образование, педагог А.Дистервег рекомендовал учителю: «Заставь ученика работать, работать самостоятельно, приучи его к тому, чтобы для него немислимо было иначе, как собственными силами что-либо усвоить, чтобы он самостоятельно думал, искал, проявлял себя, развивал свои дремлющие силы, вырабатывая из себя стойкого человека...» (42, с. 181) Принцип самостоятельности в понимании Дистервега – это стремление

учителя развивать детскую творческую активность с учетом возрастных и индивидуальных особенностей физического и психологического развития ребенка, с учетом условий, в которых живет ребенок. Данный принцип является одним из исходных ориентиров организации процесса формирования творческой активности ребенка.

В трудах ученых-педагогов М.А. Данилова (40), Г.И. Щукиной (115) находим важные выводы о главной цели обучения на уроках гуманитарного цикла: научить самостоятельно мыслить, действовать коллективно, организованно, отдавая себе отчет о результатах своих действий, развивая максимум инициативы, самостоятельности. Они отмечали, что в ходе игры наблюдается быстрое включение учащихся в учебный процесс, сохранение устойчивого внимания, проявление познавательного интереса и желания работать, быстрое запоминание, понимание учебного материала, выявление одаренных учеников в определенном виде деятельности.

В ходе самостоятельной работы ученик овладевает знаниями по эвристике (об изобретательном творчестве, творческих людях), механизмами саморазвития, развивает умения и навыки, реализует свою естественную потребность стать самостоятельным – независимым, способным совершать действия, поступки без помощи других.

Формирование творческой активности младших учащихся осуществляется на уроках, разных по типу (дидактическая цель) и виду (основной метод). Наиболее эффективной формой является необычный по виду урок: путешествие, диалог, экскурсия, эмоциональное погружение, встреча с литературным героем.

Урок-встреча с литературным персонажем требует тщательной подготовки учителя и учащихся и проводится не более одного раза в четверть. Учитель продумывает к уроку серию вопросов, идущих как от него, так и от литературного героя, выстраивает ход урока.

И. С. Якиманская обосновывает принципы личностно-ориентированного обучения в современной школе (119). Понятие «индивидуальность» рассматривается ею как неповторимое

своеобразие каждого человека, осуществляющего свою жизнедеятельность в качестве субъекта развития в течение жизни. Одним из психолого-педагогических условий реализации личностно-ориентированного обучения является построение урока, направленного на самореализацию каждого ученика, на стимулирование учеников к использованию разнообразных способов выполнения заданий, на применение активных форм общения (не только монолога, но и диалога).

Таким образом, подводя итоги по психолого-педагогической оценке восприятия сказок детьми младшего и среднего школьного возраста, можно сделать следующие выводы:

1. Сказки близки психическому, нравственному и духовному миру детей.
2. Сказки благотворно влияют на интеллектуальное, эмоционально-психическое развитие детей младшего и среднего возраста.
3. Сказки способствуют воспитанию патриота своей Родины, становлению гражданина, помогают формированию таких качеств, как стойкость, правдивость, доброта, человечность, трудолюбие.
4. Сказки создают необходимые условия для перехода конкретного мышления ребёнка к абстрактному и образному.

2.3 ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В КОНТЕКСТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР» КАК ФАКТОР ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ

Проблема гуманизации и гуманитаризации литературного образования, остро вставшая в конце XX в., предполагает задачу максимального насыщения учебного процесса фактами и реалиями отечественной и мировой культуры.

В работах С.А. Зинина, В.Я. Коровиной, М.Г. Ахметзянова рекомендуется широко использовать ассоциации, возникающие при восприятии произведений любого вида

искусства для расширения культурного кругозора учащихся, формирования их эстетических чувств.

Ученые отводят литературе в этом процессе одно из ведущих мест прежде всего потому, что любая национальная литература вбирает в себя факты отечественной и мировой материальной и духовной культуры, культурные реалии современности и прошлого, специфические национальные обряды и обычаи, религиозные представления народа.

Остановимся на проблеме преподавания литературы в условиях средней национальной школы Российской Федерации. Литературное образование в такой школе в настоящее время складывается из нескольких составляющих. Во-первых, это родная литература, которой в системе литературного образования уделяется особое внимание. Родная литература и родная культура играют огромную роль в формировании идейных, нравственных убеждений личности, в ее эстетическом воспитании. Поэтому в любой национальной школе родному языку и литературе отводится главное место.

Следующим слагаемым понятия «литературное образование» является русская литература, представляющая собой факт русской культуры так же, как и литература любого другого народа является фактом культуры данного народа.

Третьим составляющим является зарубежная литература, изучаемая в курсе русской литературы на русском языке. Изучение каждой из этих литератур имеет свои задачи, но вместе они дают целостную картину литературного образования.

Как показывают исследования ученых и передовых учителей России, умение анализировать художественное произведение, постигать его тайны, способность приобщаться к чуду художественного слова, художественного образа успешнее всего достигается при условии умелой взаимосвязи в изучении в национальной школе, с одной стороны, русского языка и русской литературы, с другой – родного языка и родной литературы.

В своём исследовании В.М.Жирмунский, говоря о сравнительном литературоведении, устанавливает связи между фольклорными произведениями разных народов. Он утверждает, что «в фольклоре самых разных народов наличествует ряд тем, мотивов, сюжетов, ситуаций и т.п., сходство которых связано с

определенными социальными и культурными условиями развития» (47,сС.187). С ними учёный связывает рассказы о чудесном рождении героя, о его быстром росте («не по дням, а по часам»), о раннем проявлении его богатырской силы, мотив магической неуязвимости, добычи невесты. В сущности Жирмунский пишет о взаимодействии и «творческой переработке» (47, с.75) тем, сюжетов, сходных в фольклоре разных народов, о национальной культурной традиции, которую другие исследователи называют «диалогом культур».

Методикой преподавания литературы в национальной школе накоплен определённый опыт по изучению русской литературы в её взаимосвязи с родной.

В пособии для учителя М.Г. Ахметзянова «Изучение литературных взаимосвязей в татарской школе» (13) обобщены материалы русско-татарских литературных взаимосвязей и разработаны методические приёмы использования их в процесс изучения некоторых тем русской литературы в VIII – X классах. Автор рассматривает особенности образного мышления учащихся национальной школы, которое формируется под влиянием родной литературы и осложняется первичными эстетическими навыками. Делается важный вывод о том, что задача учителя заключается в преодолении учащимися «психологического барьера» в восприятии художественных произведений другого народа. Учителю необходимо найти такие пути и методы обучения, которые помогут учащимся переключиться из одной эстетической системы в другую и предупредят трудности восприятия русской литературы.

Автор предлагает при выборе текстов учитывать следующее:

1. Для сопоставления на уроках русской литературы включать произведения татарских писателей, ранее изученные учащимися.
2. Материалы литературных взаимосвязей должны органически входить в курс русской литературы.
3. Эти материалы распределяются учителем внутри обзорных и монографических тем, на вступительных или заключительных уроках по теме.

4. Учителю необходимо продумывать этапы и приёмы подачи материала учащимся.

Весьма важной для нас является мысль М.Г. Ахметзянова, что в результате сходных общественно-исторических ситуаций в двух литературах возникают однотипные явления, характеризующиеся близостью в проблемном и жанровом отношениях, творческой переключкой писателей, созданием произведений-откликов. К родной литературе учитель может обращаться на самых разных этапах работы над произведением: во вступительной беседе при характеристике эпохи, при работе над содержанием, при анализе произведения, когда можно указать на его идейно-тематическое созвучие с произведением татарской литературы, а также на заключительных уроках по изучению произведения.

Данная структура литературного образования определяет необходимость его связи с другими компонентами духовной культуры, которые отражают факты культуры не только родного народа, но и других народов России, и в первую очередь русского народа, чей язык изучается в национальной школе Российской Федерации как государственный.

Текст художественного произведения является богатейшим источником культуроведческой информации по самым разным аспектам национальной духовной и материальной культуры. Изучение каждого литературного произведения позволяет познакомить учащихся с огромным культуроведческим материалом: с фактами культуры в прошлом и настоящем, с историей, религиозными представлениями, философией, моралью родного и других народов.

Несомненно, что в приобщении к национальной культуре чрезвычайно велика роль языка, который является одним из основных составляющих понятия «нация». Он отражает культуру народа – носителя данного языка, аккумулирует духовное и культурное богатство нации. Язык и культура народа неразрывны, поэтому можно говорить о «национально-языковой» картине мира, характерной для каждого народа.

Вопросы взаимосвязи культуры и языка, учет этой взаимосвязи в процессе обучения неродному языку глубоко и всесторонне разработаны Е.М.Верещагиной и В.Г.Костомаровым

в книге «Язык и культура» (27). Они утверждают, что «...усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» (27,с.12).

Язык художественного произведения заключает в себе гораздо больше возможностей для выявления национально-культурного компонента, для ознакомления с культурой народа, чем нормативно литературный язык.

В 90-е гг. XX в. в трудах известных ученых (Е.М.Верещагиной, В.Г.Костомарова и др.) возникает термин «культуроведческий аспект» изучения литературного произведения. По мнению данных авторов, в предмет лингвострановедения входит «поиск преподавательских приемов презентации, закрепления и активизации национально-специфических языковых единиц и культуроведческого прочтения текстов...» (27,с.12). К таким приемам необходимо отнести те методические приемы, которые помогают увидеть национально-культурное содержание художественного текста. Речь идет о приемах анализа образной системы произведения. Таким образом, при чтении и анализе художественных текстов возможно выявление национально-культурной семантики не только на уровне языковых единиц, но и на уровне художественных образов.

В последнее время исследователи все чаще говорят не просто о культуроведческой информации в произведении, лежащей на поверхности изучаемого текста, а о «диалоге двух культур», когда факты и явления национальной культуры как бы скрыты в образной системе произведения.

Следовательно, имея дело с художественным текстом, нельзя ограничиваться национально-культурной информацией лишь на уровне отдельных языковых единиц, но необходимо стремиться к постижению национально-культурного содержания на уровне художественной образности произведения в целом.

Рассматривая вопросы эстетики и художественной литературы, М.М.Бахтин подчёркивает важность правильного, объективного взгляда исследователя «на другие искусства», то есть искусства других народов и других эпох, в которых он видит своеобразное «единство искусства – как области единой

человеческой культуры» (16, с.10). Под «единой человеческой культурой» М.М.Бахтин понимает «диалог культур», когда «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» (17,с.354). Смысл, заложенный в одной культуре, раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом – национальной культурой другого народа. Тогда, по мнению учёного, «между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» (17, с.354). Таким образом, трактуя «диалог культур» как процесс «творческого понимания «разных культур во времени и в пространстве, М.М.Бахтин обосновывает концепцию нового взгляда на искусство вообще и национальную культуру в частности.

Русская литература в национальной школе имеет особые задачи: приобщение нерусских учащихся к идейно-нравственным и эстетическим богатствам русской классической литературы и через неё к истории, культуре России, к духовному богатству русского народа. Изучение русской литературы расширяет духовный, нравственный и эстетический опыт нерусских учащихся, углубляет их идейно-нравственные представления, способствует развитию восприятия иноязычного художественного произведения, выраженного в образной системе другой национальной культуры, совершенствует навыки владения русской речью.

Преподавание русской литературы в национальной школе имеет ярко выраженную специфику, так как русская литература изучается в нерусской языковой и культурно-исторической среде, отражающей своеобразие социально-исторического развития нации, развития культуры, особенности художественного видения мира.

Рассматривая проблему внутрипредметных связей в школьном литературном образовании, С.А.Зинин делает акцент на формировании у учащихся способности воспринимать историко-литературный процесс в совокупности его «вертикальных» и «горизонтальных» связей, в многообразных проявлениях его художественно-коммуникативной сущности. Прежде всего это касается проблемы художественных

универсалий (архетипов, мифологем, топосов, «вечных» мотивов), имеющей важное методическое значение и открывающей для читателя-школьника область широких историко-культурных обобщений. Учёный отмечает, что «для целостного постижения историко-литературной канвы курса важны различные виды межтекстовых художественных взаимодействий, к которым относятся заимствования, подражания, пародирования и т.п, отражающие принцип преемственности литературных явлений (46).

Таким образом, в исследовании С.А.Зинина ставится вопрос о необходимости введения в практику школьного преподавания литературы системы разноуровневых внутрипредметных связей, способствующих развитию у учащихся культуры литературных ассоциаций, способности соотносить литературные явления с учётом их «вертикальных» и «горизонтальных» связей, анализировать художественные произведения в контексте «диалога культур» (46, с.112).

Основным методическим приёмом для переключения учащихся на неродную культуру мы считаем приём сопоставления. При сопоставлении важно выявление общего в родной и неродной культурах и вхождение посредством этого в специфический национальный мир другой культуры. Несомненно, разные народы обладают разными системами духовно-нравственных и эстетических ценностей. Но имеющаяся в них общность способствует пониманию национального своеобразия другой культуры. Решается самая сложная задача – происходит переключение на другую культуру без отчуждения от родной.

Нам кажется весьма продуктивной идея "диалога культур", предлагающей не оценку двух культур, а определение своеобразия каждой из них путём сопоставления. Такое сопоставление выявляет общечеловеческое содержание каждой национальной культуры и характерные для каждой культуры "национальные образы мира" (35).

О приеме сопоставления в процессе анализа художественного произведения писали многие методисты: М.А.Рыбникова, О.Ю.Богданова, И.Д. Хмарский, Н.И.Кудряшов, В.Г. Маранцман, М.Г. Ахметзянов и др. Популярность приема

сопоставления в школьном преподавании объясняется тем, что на сходстве и контрасте строятся система образов произведения, пейзажные, портретные, бытовые описания, речевые характеристики. Поэтому так важно научить школьников умению сравнивать, сопоставлять те или иные элементы художественного произведения.

Особую роль прием сопоставления играет в работе над темой «Русские народные сказки» в V классе, так как, во-первых, из всех операций мышления прием сопоставления наиболее подходит возрасту пятиклассников; во-вторых, сам фольклорный, сказочный материал подсказывает его использование в работе со школьниками. Нельзя говорить о русской народной сказке в национальной школе, не выяснив ее сходства и различия с татарской народной сказкой. Мы используем этот прием многократно, анализируя структуру народной сказки, сравниваем несколько волшебных, бытовых сказок и сказок о животных, отмечая своеобразие каждой в контексте «диалога культур». Сопоставление русских и татарских народных сказок на уроках русской литературы в V классе помогает усилить сопереживание, субъективную сторону разбора, управлять потоком ассоциаций, развивать фантазию и воображение учащихся.

Прием сопоставления в контексте «диалога культур», на который мы опираемся в своей работе, способствует развитию мыслительной деятельности школьников, лучшему усвоению теоретико-литературных понятий, в то же время он воздействует на эмоционально-чувственную сферу учащихся, развивая их творческий потенциал и активность сопереживаний.

Основными принципами изучения русской литературы как учебного предмета в национальной школе в V классе необходимо считать следующие: а) единые научно-эстетические подходы, которые учитываются при обучении анализу этих произведений; б) ориентировка на единство задач обучения и воспитания при изучении русской литературы, подход к ней как к эстетическому явлению; в) осуществление межпредметных связей с другими учебными дисциплинами гуманитарного цикла.

При этом ряд особых факторов составляет специфику усвоения русской народной сказки нерусскими учащимися:

- разный уровень лингвистической подготовки учащихся разных национальных регионов;
- своеобразии социальных, этнографических и других особенностей их окружения, которые влияют на восприятие художественного текста детьми;
- национально-художественная специфика родной литературы, устного народного творчества, формирующая определенное национально-художественное мышление учащихся, индивидуально-психологические особенности восприятия действительности людьми разных национальностей.

Чтобы «чужая культура» отвечала интересам учащихся, чтобы она открыла им свои новые стороны, «новые смысловые глубины» (16,с.19), необходимо строить преподавание русской литературы, русского устного народного творчества (и сказки в том числе) на основном методическом приеме – приеме сопоставления (13,21,65,90).

Он предполагает выявление общего в родной и неродной культурах и вхождение посредством этого в специфический национальный мир другой культуры. Происходит невидимый «диалог культур», помогающий определить своеобразие каждой из них путем сопоставления. С одной стороны, выявляется общечеловеческое содержание каждой национальной культуры, а с другой – характерные для каждой культуры особенности. Так происходит расширение духовного, нравственного, эстетического опыта носителя определенной национальной культуры при знакомстве с иной культурой.

Основываясь на данной точке зрения, можно предложить следующую систему изучения русской народной сказки в V классе школы с родным (нерусским) языком обучения:

Первый урок – Знакомство со сказкой «Царевна-лягушка». Урок-встреча со сказочным персонажем Василисой Премудрой (1 час).

Второй урок – Чтение и обсуждение русской и татарской народных волшебных сказок «Царевна-лягушка» и «Тан-батыр» (1 час).

Третий урок – Чтение и анализ русской и татарской народных волшебных сказок «Царевна-лягушка» и «Тан-батыр» (1 час).

Четвертый урок – Чтение и изучение русской и татарской народных сказок о животных «Кот и Лиса», «Лиса и Волк» (1 час).

Пятый урок – Чтение и изучение русской и татарской народных бытовых сказок «Как старик домовничал» и «Портной, бесенок и медведь» (1 час).

Шестой урок – Обобщение изученного по русским и татарским народным сказкам. Урок-турнир знатоков народной сказки (1 час).

Подобная система изучения русских народных сказок в V классе школы с родным (нерусским) языком обучения позволит приобщить учащихся нерусской национальности к другой культуре, не ослабляя национальных чувств и базируясь на твердой основе родной национальной культуры, когда возникает эффект идентификации: сопереживание «другой» культуре делает это «другое» своим. Возникает таким образом «диалог культур», позволяющий учащимся узнать знакомое, близкое в другой культуре.

2.4. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ «ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЯТОМ КЛАССЕ

Программой средней школы по русскому языку и литературе для 5-11 классов татарских школ (под редакцией М.Г. Ахметзянова) на изучение русской народной волшебной сказки «Царевна-лягушка» отводится 3 часа. Предлагается изучить теоретический материал о русской волшебной сказке, обратить внимание на волшебные черты и волшебные события. Особое место отводится в программе языку и иллюстрациям к сказке. Во время чтения и изучения сказки «Царевна-лягушка» внимание учащихся концентрируется на её идейно-содержательном своеобразии и воспитательном значении: прославлении лучших качеств человека (доброты, верности, мудрости, трудолюбия и мастерства).

К урокам внеклассного чтения предлагается прочитать сказки «Василиса Прекрасная», «Сказку об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», а также сказки народов России по выбору учащихся.

На первом уроке происходит знакомство с русской волшебной сказкой «Царевна-лягушка», учащиеся читают и пересказывают сказку, выявляется их первоначальное читательское восприятие.

На втором уроке ставятся различные цели: углубить знания школьников по содержанию сказки «Царевна-лягушка», проверить усвоение основных теоретических понятий, развивать речь, мышление и художественное воображение, формируя эмоциональную сферу учащихся, развивать творческие задатки и способности.

Первый урок начинаем со вступительной беседы, где рассказываем учащимся о времени возникновения русских народных сказок, о создателе сказок – народе, о специфических особенностях русской народной сказки. Далее учитель, используя выразительное чтение, рассказывает сказку, подчеркивая интонацией голоса, паузами, логическими ударениями, понижением и повышением тона особую повествовательную манеру сказок. Учитель говорит учащимся в древних сказителях сказки – бахарях.

На втором этапе урока выявляется первоначальное читательское восприятие сказки. Дети отвечают, что сказка «Царевна-лягушка» им очень понравилась и полюбилась. На второй вопрос школьники отвечают утвердительно. Они верят в чудесные превращения лягушки-квакушки в прекрасную Василису Премудрую, верят в то, что за одну ночь героиня сказки испекла вкусный хлеб, за другую ночь – соткала ковер дивной красоты, на царском пиру станцевала чудесный танец, оживляющий предметы. Вполне понятным кажется пятиклассникам то, что селезень, косой заяц и щука говорят человеческими голосами, а избушка на курьих ножках поворачивается к лесу то задом, то передом. Мир русской народной сказки учащимся близок.

Задаем вопрос о том, кто является главным героем сказки «Царевна-лягушка». Мнения учащихся разделились: одни

утверждают, что главный герой – Василиса Премудрая, другие считают – Иван-царевич.

Далее просим учащихся рассказать, как и каких жен нашли себе сыновья царя. Пятиклассники рассказывают близко к тексту сказки: старший брат пустил стрелу – упала она на боярский двор, и подняла стрелу боярская дочь. Средний брат пустил стрелу – полетела стрела к богатому купцу во двор и упала у красного крыльца. Подняла ту стрелу купеческая дочь. Иван-царевич пустил стрелу – полетела его стрела прямо в болото и подняла ее лягушка-квакушка. Дети сочувствуют Ивану-царевичу и объясняют это тем, что главному герою стыдно перед окружающими брать в жены лягушку-квакушку. Он и полюбоваться-то ею не может, как старшие братья. «Взял Иван-царевич лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принес во дворец», - так повествует сказка.

Задаем учащимся вопрос: «Зачем царь велел своим невесткам испечь по хлебу? Что он хотел узнать о них?» Школьники говорят о том, что человек узнается в труде. Царь дает такое задание невесткам с целью проверить их мастерство и хозяйственность, трудолюбие. Первое испытание показало, что боярская и купеческая дочери никогда не пекли хлеб, не трудились. Просим рассказать учащихся, как об этом говорится в сказке. Учащиеся пересказывают эпизод близко к тексту.

На первом этапе урока проводится словарная работа с учащимися. Поясняем значение словосочетаний, незнакомых учащимся нерусской национальности: боярский двор – двор богатого и знатного человека в Древней Руси; красное крыльцо – главное, парадное крыльцо; ниже плеч буйну голову повесил – низко опустил голову; диву дался – очень удивился; карета – большая закрытая четырехместная повозка, в которой ездили богатые люди; кубок – большой и красивый сосуд, из которого пили вино; Кашей Бессмертный – злой волшебник в русских народных сказках; откуда ни возьмись – неизвестно откуда появился.

Далее учащимся даётся задание найти в тексте сказки и прочитав предложения, в которых употребляются сказочные выражения: «Как вы понимаете их смысл?» Дети пытаются объяснить лексическое значение данных выражений. Они

говорят, что «в некотором государстве, в некотором царстве» – это очень далеко; «ниже плеч буйну голову повесил» означает опустил низко от горя; «утро вечера мудренее» – утром всё будет ясно; «ни в сказке сказать, ни пером описать» – очень красиво и необычно. Первоначальное читательское восприятие детей нерусской национальности верное, но наивное, что свидетельствует о необходимости углубления знаний учащихся и развития их устной речи.

В заключение урока учитель проверяет, насколько развиты мышление и речь учащихся, и просит учащихся рассказать сказку, употребляя сказочные обороты.

Домашним заданием учащимся будет: 1) подготовиться к эвристической беседе по вопросам учебника (стр.9, стр.13 – 1-3 вопросы); 2) нарисовать книжную обложку к сказке «Царевна-лягушка», уметь ее представить и защитить, употребляя сказочные обороты и выражения.

Второй урок назовем уроком-встречей со сказочным персонажем Василисой Премудрой, на котором чтение и обсуждение сказки «Царевна-лягушка» происходит в нестандартной творческой форме эвристического игрового урока.

Урок-встреча со сказочным персонажем, в данном случае с Василисой Премудрой, стимулирует стремление учеников к творчеству, включает их в творческий процесс.

На втором уроке по сказке «Царевна-лягушка» перед учащимися ставятся следующие цели: углубить знания по содержанию сказки «Царевна-лягушка», развивать творческие способности учащихся, умение анализировать и обобщать, пересказывать текст и декламировать.

Оборудованием служит стеллаж для выставки иллюстраций учащихся по домашнему заданию, имитация кареты Василисы Премудрой, выполненная из картона.

Урок ведет учитель и сказочный персонаж Василиса Премудрая. Она появляется на уроке в роскошном русском сарафане, на ней – корона кокошник, волосы заплетены в одну косу.

В своем вступительном слове учитель рассказывает о том, что сказка «Царевна-лягушка» - любимая сказка многих детей. Она интересная, волшебная, в ней реальность переплетается с

вымыслом. Здесь много необычных ситуаций и сказочных превращений.

Неожиданно слышится стук колес, гром, и появляется Василиса Премудрая в своей карете. После небольшого приветствия, обращенного к детям, Василиса Премудрая задает им вопросы. На первый из них: «Чем понравилась сказка «Царевна-лягушка»? — дети отвечают, что она интересная и необычная, хотя и простая по сюжету и композиции. Главные герои Василиса Премудрая и Иван-царевич красивы внешне и внутренне. У них красивая душа, они любят друг друга. Этим сказка и понравилась.

Отвечая на вопрос о классификации данной сказки, дети относят «Царевну-лягушку» к русским волшебным сказкам: в ней происходят чудеса, волшебство, героиня умеет превращаться из лягушки в царевну невиданной красоты. А почему в сказке она названа Василисой Премудрой? Учащиеся говорят словами из сказки: «Василиса Премудрая родилась хитрей-мудрей отца своего Кощея Бессмертного. Он за то ей приказал три года лягушкой быть». Царевна названа Премудрой потому, что из всякой трудной ситуации находит умный выход. Например, к первому приказу царя испекает не просто хлеб, а белый каравай с дворцами, садами и башнями; ко второму приказу царя тклет не просто ковер, а настоящую живописную картину. Дети пересказывают близко к тексту эпизоды сказки.

С помощью сказочной героини Василисы Премудрой пятиклассники делают вывод об отличии волшебной сказки от других сказочных повествований: это чудесный вымысел, создающий особый мир волшебства, фантастики, необыкновенных событий и реальности.

Затем гостя просит учащиеся рассказать об Иване-царевиче: «Что означает его имя? Какими качествами он обладает? Подтвердите примерами из текста свои слова».

Учащиеся отвечают: имя русского сказочного героя Иван, и он выступает третьим, младшим сыном царя. Имя Иван – одно из самых распространенных русских имен.

Учитель дополняет ответ учащихся следующими сведениями. В именовании героя фиксируется сословный статус: Иван-царевич. Герой обладает высоким социальным положением.

Он включен в структуру сказочной семьи: царь и братья. Для русских сказок характерно (и даже обязательно) наличие «старшего поколения». Возможно, эта особенность русской народной сказки подкрепляется устойчивостью традиции «большой семьи» в русской крестьянской среде. Русской сказке необходима такая предельная обобщенность и нейтральность имени. Она связана с основной проблематикой сказки – прохождением героем брачного испытания.

Однако нейтральность героя в русской народной волшебной сказке «Царевна-лягушка» осложнена некоторыми специфическими чертами. Особенности обусловлены начальной ситуацией сказки – выбор жен по жребию.

Сказочники наделяют Ивана-царевича некоторым «недопониманием» того, что с ним происходит. Выпавший жребий взять в жены лягушку и все задания царя приводят его в отчаяние: «...Иван-царевич призадумался, заплакал». А состояние героя передается традиционной формулой: «Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил».

Затем обратимся к учащимся с вопросом, какие особенности сказочного жанра они могут назвать, обращаясь к тексту сказки «Царевна-лягушка». Пятиклассники называют мотив трудной задачи (найти себе невесту за пределами дома должен каждый из трех братьев), запрет (нельзя трогать лягушечью кожу), нарушение запрета (сжигание лягушечей кожи Иваном-царевичем), путешествие героя в «чужой» мир (поход в царство Кощея Бессмертного с целью найти Василису Премудрую).

Далее обращается внимание учащихся на образ Василисы Премудрой. Сегодня она у нас на уроке. Такой ли представляли себе ее учащиеся? А какой? Нарисуйте словесный портрет Василисы Премудрой. Пятиклассники называют героиню сказки «Царевна-лягушка» русской красавицей, она высока, стройна, белолица, с длинной русой косой. Одеты в шелковый сарафан небесного цвета, красные сапожки. Походка у нее плавная, речь спокойная и красивая. А каковы душевные качества героини? Ученики отмечают доброту, ум, смекалку, мудрость и бесстрашие Василисы Премудрой. Она оказывается сильнее самого Кощея Бессмертного, ведет с ним трудный поединок и

одерживает победу. Помогает ей в этом Иван-царевич. А кто еще помогает Василисе Премудрой? Конечно, чудесные помощники, встречающие на трудном пути в царство Кощея: медведь, заяц, селезень, щука.

Далее героиня сказки Василиса Премудрая задает вопрос «Кому сочувствует народ в сказке «Царевна-лягушка»? Пятиклассники знают из первых уроков по теме «Устное народное творчество», что младший сын в русских народных сказках в финале повествования будет вознагражден за испытания, которые он прошел в поисках чудесной невесты. Так и в нашей сказке. Герой нашел Василису Премудрую за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного. Сказка всё расставляет по своим местам. Добрый и верный Иван-царевич находит прекрасную, умную и трудолюбивую Василису Премудрую. Ученики отмечают, что главную героиню они представляли именно такой, какой она явилась к ним на урок.

Переходим к заключительному этапу урока – творческой защите книжной обложки или иллюстрации к сказке. Василиса Премудрая приглашает учащихся к стенду, где размещены все представленные рисунки и обложки. Дети подходят к ним и рассказывают, что изображено на иллюстрации, по следующему плану:

1. Тема рисунка.
2. Идея работы.
3. Как она воплощена в цвете, композиции, выборе героев.
4. Что понравилось в этом эпизоде.

Прочитаем лучшие работы учащихся.

Первая работа. «На своей иллюстрации я изобразил танец Василисы Премудрой на царском пиру. Этот эпизод – главный в сказке. Он показывает настоящий образ царевны-лягушки – она превращается в Василису Премудрую. Мы видим это чудесное превращение и понимаем, что Василиса Премудрая – волшебница. Она может жить и в своем, и в чужом мире, у нее двойная природа.

На рисунке я изобразил ее высокой, стройной, в красивом шелковом платье с длинными рукавами. Она плавно плывет по залу, танцует, как лебедь. Василиса Премудрая находится в

центре, а удивленные гости – по сторонам. Они открыли рот от неожиданного превращения и красоты героини. Потому Василиса Премудрая в золоте и парче, а остальные блекнут перед ее природной и внутренней красотой. Все гости изображены в одежде более темных тонов.

Главная мысль моего рисунка: верь своему сердцу, люби сильно, крепко, по-настоящему, чувствуй другого человека. Внешность может обмануть».

Вторая работа. «Я очень люблю русскую народную сказку «Царевна-лягушка». Мне стали родными ее герои – Василиса Премудрая и Иван-царевич. Их объединяет то, что они добрые, умные, любят друг друга. На книжной обложке я изобразил их в центре листа стоящими вдвоем лицом друг к другу. Они смотрят друг на друга и не могут налюбоваться. От них исходит свет, они в золотых парчовых одеждах. Фон обложки – розовый, потому что финал сказки счастливый. Молодые герои победили Кощея Бессмертного, освободили мир от зла, а Иван-царевич – Василису Премудрую от заклятия».

Третья работа. «Я считаю, что главное в произведении – это название. Русская волшебная сказка называется «Царевна-лягушка». Это говорит о том, что речь пойдет о царевне и лягушке. Поэтому на своей книжной обложке я изобразила в центре посередине зеленую лягушку, которая в зубах держит стрелу Ивана-царевича, а сама сидит в болоте. В правом верхнем углу я поместила Василису Премудрую, а в левом нижнем углу – Ивана-царевича. Этот рисунок обозначает, что главному герою нужно пройти долгий путь, чтобы найти красавицу Василису Премудрую, превратившуюся в болотную лягушку. Цвета я выбрала желтый – дорога, по которой идет Иван-царевич, зеленое болото и Царевна-лягушка и светло-голубой фон для Василисы Премудрой».

Творческая защита книжной обложки и иллюстраций по сказке завершается подведением итогов, его проводит Василиса Премудрая. Она награждает победителей и лауреатов сказочными призами: зеркальцем, гребнем, полотенцем, иглой. Ей принадлежит и завершающее слово на нестандартном уроке литературы.

Героиня сказки Василиса Премудрая обобщает изученное по данной сказке.

Школьники получают домашнее задание: прочитать татарскую народную сказку «Тан-батыр», рассказать любимый эпизод.

2.5. ИЗУЧЕНИЕ ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ «ТАН-БАТЫР» НА УРОКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЯТОМ КЛАССЕ

В школьную программу по русской литературе в 5 классе школ с родным (нерусским) языком обучения включаем для сопоставительного изучения две сказки: русскую «Царевна-лягушка» и татарскую народную волшебную сказку «Тан-батыр».

На данном уроке рассматриваем особенности сказочного повествования в обеих сказках, вводим новые теоретические понятия «сюжет», «композиция», «поэтика сказки».

Третий урок по сказкам начинаем с беседы по выявлению первоначальных знаний пятиклассников о сказках родного народа, прочитанных ими в курсе начальной школы. Учащиеся отвечают, что им знакомы татарские народные сказки «Карт бәлен төлке», «Кәжә белән Буре», «Өч кыз», «Кем көчле?», «Кем жиңүче?» и другие. Учащимся известно о создателе сказок – народе, о делении сказок на волшебные, бытовые и сказки о животных. Далее переходим к проверке домашнего задания по сказке «Тан-батыр» и спрашиваем у учащихся: «Понравилась ли вам татарская народная сказка «Тан-батыр»? Пятиклассники отвечают утвердительно. Сказка полюбилась им необычностью повествования, чудесными превращениями и образом главного героя Тан-батыра. На вопрос: «Чем полюбился вам Тан-батыр?» — пятиклассники говорят о силе и мужестве, несокрушимости Тан-Батыра. Просим ребят пересказать наиболее понравившиеся эпизоды из данной сказки и русской народной сказки «Царевна-лягушка».

После прослушивания фрагментов сказок «Тан-батыр» и «Царевна-лягушка» обращаем внимание на начало произведений.

Перечитываем их. Какое выражение показалось детям знакомым? «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына...» и «В давние-предавние времена жил, говорят, некий падишах...». С этой фразы медленно, неторопливо начинается повествование. Не случайно первая часть сказки называется «зачин» (от слова «зачинать», «начинать»). В ней всегда указываются герои сказки, место и время действия. Из зачина о героях мы узнаем немного, но самое важное. Обращаемся к ученикам: что конкретно? Каковы они? Учащиеся без труда называют в русской народной сказке царя, трех его сыновей, их жен, Василису Премудрую, Зажига Бессмертного, Бабу-ягу. В татарской народной сказке героями являются падишах, супружеская пара – родители троих сыновей Кич-батыра, Тен-батыра, Тан-батыра, див, три девицы, помогающие ему.

Что сказано о месте действия? Выясняем: место действия обозначено неконкретно – «в том городе». В каком именно? Неизвестно. Существовал ли он? Да и происходило ли рассказанное вообще? В русской народной сказке отсутствует указание на конкретный город и государство, сказано «в некотором царстве, в некотором государстве». Здесь сказка как бы отделяет наш обычный реальный мир от волшебного, вымышленного, который будет представлен в сказке. С одной стороны, мир волшебной сказки во многом похож на наш реальный мир. Действие в начале происходит на широком отцовском дворе или в доме падишаха, доме бедных мужа и жены, показаны заботы и тревоги обычных людей. В то же время мир сказки отличается от реального: в нем действуют, кроме обычных людей, фантастические существа. Происходят волшебные события. Это особый, условный мир, вымышленный. На это и указывает выражение в сказке «Тан-батыр»: «в том городе, где падишах правил, на окраине».

Спрашиваем ребят: «А с какими зачинами вы встречались в других сказках?» Пятиклассники вспоминают традиционные зачины: «жили-были», «в давние времена», «давным-давно». Уяснив роль зачина в сказке, переходим к другому элементу сказки – завязке, когда действие завязывается, начинает разворачиваться. Очень часто действие в народной волшебной

сказке начинается с какой-либо беды, несчастья. Беда в сказках может быть разная: змей уносит или пожирает девушку, кто-то ворует пшеницу или скот, гуси-лебеди уносят героя. Что является бедой в сказке «Тан-батыр»? Неожиданное исчезновение трех падишаховых дочерей, долгая и жестокая борьба страшного дива с Тан-батыром, предательство его братьев. А в сказке «Царевна-лягушка»? Сжигание Иваном-царевичем лягушечьей кожи и исчезновение Василисы Премудрой.

Итак, в результате беды или недостачи герой сказки должен отправиться из дома, чтобы кого-то спасти или найти, достать. Почему отправился из дома Тан-батыр? Тан-батыр и его братья отпрашиваются у родителей и идут в путь-дорогу искать пропавших падишаховых дочерей. А Иван-царевич? Пятиклассники отвечают, что Иван-царевич пошел искать Василису Премудрую в царство Кощея Бессмертного, «за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятое царство».

Основная часть волшебных сказок, при всем их разнообразии, традиционная. Покидая родительский дом, герой попадает в иной мир (подводное, подземное царство, лес, царство дива, Кощея) и подвергается в пути различным испытаниям. Герой народной волшебной сказки должен решить трудные задачи (перехитрить и одолеть Кощея, сразиться с трехглавым чудищем, обмануть Бабу-ягу) и выйти из них победителем.

В татарских волшебных сказках значительное место занимает мифологический персонаж – див (дию). Он живет вдали от людей, за горой Каф, на горе, под водой, под землей. Див обычно похищает дочерей падишаха и превращает их в своих жен. Див изображается в татарских народных сказках только как враждебная человеку сила. Ученики отмечают, что испытания трех братьев-джигитов начались в темном лесу, где царствует див. А где начались испытания главного героя русской народной сказки? Ученики говорят, что с того момента, когда Иван-царевич сжег лягушечью кожу. Пришлось ему идти искать свою ненаглядную Василису Премудрую в царстве Кощея Бессмертного, «за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве». О каком царстве идет речь. Конечно, о чужом, враждебном герою.

В волшебной сказке всегда выделяются две группы героев: кто на стороне главного героя, кто ему мешает, вредит – так называемые положительные и отрицательные. Кто является главным врагом Тан-батыра? А Ивана-царевича? У Тан-батыра, отмечают учащиеся, главный враг – див. Каким они его себе представляют? Дети говорят о главном качестве дива – кровожадности. Див ненавидит людей, он готов живьем сожрать невинного джигита. Неслучайно в сказке три раза повторяется предупреждение Тан-батыру: «вернется домой див-падишах, сожрет тебя за милую душу». Див обладает сверхъестественными возможностями, в его власти силы природы и стражники, а бочки с волшебной водой помогают ему увеличить иссякнувшие силы. Сказки преднамеренно нагнетают чувство ужаса, чтобы показать дива как существо, принадлежащее не реальному миру, а другому – «иному», волшебному.

В русской народной сказке «Царевна-лягушка» прямой противник Ивана-царевича – Кащей Бессмертный. Кто он такой? Обычно в русских народных сказках таким именем называют злого волшебника. В чем трудность в поединке с Кашеем? Он бессмертный, его смерть находится на конце иглы, игла – в яйце; яйцо – в утке; утка – в зайце; заяц – в ларце; а ларец – на вершине старого дуба. «А дуб в дремучем лесу растет», — так говорится в сказке, то есть в непроходимой чаще, куда не ступала нога человека.

Далее говорим пятиклассникам, что в русских и татарских народных сказках есть добрые помощники главного героя, которые помогают ему в самых трудных ситуациях. В татарских волшебных сказках помощниками могут быть чудесный конь (ат), голубь (кугарчен), золотая рыбка (алтын балык), белый волк (ак буре), птица семруг (семруг кош) и другие. В нашей сказке такими помощниками являются Мышь, Белый козел. Обращаемся к ученикам с вопросом: «Вспомните, как они помогают Тан-батыру?» Мышь дает герою четыре полка мышиных солдат, которые выводят его по тропинке из глубокого подземного царства к дворцу дива. Ребята отмечают, что Белый козел после победы Тан-батыра над дивом выносит его на белый свет. Говорим пятиклассникам о символике цвета в данной сказке: белый означает свет, добро, справедливость. Поэтому имя

главного героя содержит в себе свет, светлое начало – Тан-батыр с татарского языка переводится как заря. Белый козел тоже не случаен. Ведь именно он, а не черный помогает герою в решающий момент.

А кто является чудесным помощником в русской народной сказке «Царевна-лягушка»? Учащиеся говорят, что он не один, чудесных помощников много: старичок, Баба-яга, медведь, заяц, селезень, щука-рыба, клубочек с нитками. Почему все, кого встречал Иван-царевич на своем пути, помогали ему? Иван-царевич добрый, он жалеет животных, птиц и рыб, отпускает их на волю, не убивает. Поэтому они тоже отплатили ему добром.

Далее задаем учащимся вопрос: «Почему Тан-батыр одерживает победу над дивом?» Обратимся к тексту. Уже с самого начала сказки подчеркивается физическая сила и нравственные качества Тан-батыра. На вопрос дива, тягаться или бороться он пришел в подземное царство, герой отвечает: «Дядя твой пусть тягается, а мы бороться будем». Учащиеся отвечают, что в сказке есть удивительная по меткости фраза: «...сила на силу пришлась». Добрая сила Тан-батыра победила злую силу дива. Далее пятиклассники обращаются к тексту русской сказки и делают вывод: Иван-царевич выходит победителем из всех испытаний, потому что он добрый, честный, мужественный, идет на битву с Кашеем ради любви к Василисе Премудрой. Делаем вместе с учащимися вывод о законах сказочного жанра, где всегда побеждает доброе начало и торжествует справедливость.

На следующем этапе урока проводим словарную работу с учащимися по тексту сказок. Узнаем по Татарскому энциклопедическому словарю значение употребленных в сказках слов: батыр – богатырь; джигит – парень, молодец; чукмар – палица; шайтан – дьявол; падишах – правитель; Каф – сказочная гора; сарай – дворец; хряпает об землю – ударяет; тягаться – мериться силами; Кич-батыр – вечер; Тен-батыр – ночь; Тан-батыр – заря. Далее проводим анализ слов по содержанию и делим их на группы по основным значениям:

По сказке «Тан-батыр»

Одушевленные существительные	Орудие нападения и защиты	Место жительства	Социальная принадлежность
батыр джигит Тан-батыр Кич-батыр Тен-батыр	чукмар	сарай Каф	падишах шайтан див

По сказке «Царевна-лягушка»

Одушевленные существительные	Орудие нападения и защиты	Место жительства	Социальная принадлежность
Иван-царевич Василиса Премудрая Царь Баба-яга Кашей Бессмертный	стрела лук игла	дворец болото боярский двор купеческий двор	царь царевич царевна жена

Ребята записали в тетради значения устойчивых выражений и слов, встречающиеся в сказке «Царевна-лягушка»: красное крыльцо – главное, парадное крыльцо; не тужи – не печалься, не горюй; ниже плеч буйну голову повесил – низко опустил голову; боярский двор – от слова боярин (устар.) – Богатый и знатный человек; диву дался – очень удивился; карета – большая закрытая четырехколесная повозка, в которой ездили богатые люди; кубок – большой красивый сосуд, из которого пили вино.

На третьем этапе урока знакомим учащихся с символикой чисел. В сказках часто повторяются числа три, семь, девять, сохранившиеся еще с древних времен в мифах и преданиях. Следы мифологического мышления древних людей есть и в обеих сказках. В семье у бедных родителей Тан-батыра – три сына, у царя – три царевича, младший из них – Иван. Три раза Тан-батыр сражается с дивом, произнося одну и ту же фразу: «Дядя пусть твой тягается, а мы бороться будем». Три трудных задания царя:

испечь хлеб, соткать ковер за одну ночь, станцевать на пиру – выполняет Царевна-лягушка для Ивана-царевича. Три дворца (медное, серебряное, золотое) остаются после смерти дива, семь чугунных ворот должен сокрушить Тан-батыр, чтобы победить дива.

Задаем учащимся вопрос на выявление и сопоставление сюжета двух волшебных сказок. Есть ли общее в развитии сюжета сказок? Учащиеся, глядя на схему «Путь героя волшебной сказки», называют повторяющиеся ситуации:

1. Нарушение запрета.
2. Задание царя (падишаха), трудные испытания героя:
  - а) достать царевну, добыть падишаховых дочерей;
  - б) привезти царевну, дочерей падишаха.
3. Выполнение этих заданий с помощью чудесного помощника.
4. Герою (героине) дается новый облик.
5. Царь (ложные герои) наказываются.
6. Воцарение героя.

Далее даем учащимся задание сопоставить общие черты в образах Василисы Премудрой и Тан-батыра. Ребята отмечают следующие сходство:

1. Ум и находчивость героев.
2. Красота.
3. Доброта.
4. Ответственность за принятие решений.
5. Надежность.
6. Сила характера.

Останавливаем внимание учащихся на важном эпизоде татарской народной сказки «Тан-батыр». В ней братья отсекают до колен ноги Тан-батыру и бросают его погибать в чужом царстве кровожадного дива. Какое наказание ожидает старших братьев? Тан-батыр не наказал братьев, отпустил на все четыре стороны, говорят дети. Таким образом, герой проявляет доброту и гуманность, прощает братьев. Неслучайно в имени Тан-батыра содержится свет. Свет в народной традиции – воплощение миропорядка, красоты, праведности, истинности. Тьма – воплощение дьявольских, нечистых сил. Учитель говорит о том, что народная сказка приводит нас к мысли: не делай недоброе для

других, зло может против тебя обернуться, не туши огня добра в своем сердце, иначе нечистые помыслы могут убить душу, как это произошло со старшими братьями в сказке «Тан-батыр».

Обращаем внимание пятиклассников на образ Ивана-царевича, на то, как не сразу раскрывается перед читателем истинная сущность героя. Иван – интересный сказочный образ. Он не глуп, как кажется это окружающим. Он умен, добр и верен, он умеет любить и отстаивать свою любовь. Поэтому победа остается за ним.

В заключение урока говорим о таком элементе композиции волшебной сказки, как концовка. Она традиционно счастливая, как и в русских народных сказках. Для нее свойственны следующие формулы: «Стали они жить-поживать, да добра наживать», «И я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало», «Вот и сказке конец, кто слушал – молодец». А как заканчиваются прочитанные нами сказки? Учащиеся отвечают: «И по сию пору, говорят, живут они исправно да ладно» - в татарской народной сказке; «И жили они долго, дружно и счастливо» - в русской народной сказке.

Домашним заданием пятиклассникам будет прочитать русскую сказку «Кот и Лиса» (о животных), нарисовать понравившийся эпизод и дать ему заголовок.

2.6. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ НАРОДНЫХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ «КОТ И ЛИСА» И «ЛИСА И ВОЛК»

Сказки о животных являются одной из самых древних форм и в жанре сказок, и в фольклоре. В мышлении древнего человека большое место занимала связь с животными. Древний человек искренне верил, что присущие ему черты характерны также для животных. Он считал, что животные умеют говорить и мыслить — ученые называют это явление антропоморфизмом. Вера в родственные отношения с животными привела в период первобытно-общинного строя к тому, что каждый род считал какое-то животное своим родоначальником (тотемизм). Такое животное (тотем) нельзя было убивать, так как оно охраняло род,

оберегало от бед, несчастий. В результате веры в тотем возник культ животных.

Охота была решающим источником существования жизни, и древний человек хорошо знал своеобразные качества разных животных, их повадки, отношения и другие стороны. Поэтому антропоморфические представления, тотемические верования, реальные явления и случаи привели к появлению рассказов о животных.

Основные герои сказок о животных — дикие и домашние животные, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, насекомые. Но в татарских народных сказках пресмыкающиеся, рыбы и насекомые непопулярны.

Самый популярный зверь в сказках о животных — лиса. Она присутствует более чем в половине всех сказок и во многих случаях добивается своей цели. Медведь и волк изображаются тупыми, недогадливыми, даже трусоватыми; их часто водят за нос, прогоняют или убивают.

На уроках русской литературы в 5 классах татарской школы рассматриваем сказки «Кот и Лиса» из русского фольклора и «Лиса и Волк» из татарского фольклора. На изучение и обсуждение данных сказок отводится 1 час (урок).

Урок проводится на основе личностно-ориентированного подхода к учащимся, где максимально созданы условия для развития интеллектуального уровня всех учащихся и их творческого роста. С этой целью класс разбивается на 2 группы, в которых будут представлены учащиеся с разным уровнем развития, обученности и обучаемости. Работа в группах поможет каждому ученику раскрыть свои возможности и показать знания по литературе и по сказкам разных народов.

Урок начинается с приветствия команд и представления капитанов. Далее оглашаются названия команд и их девизы. Работает экспертная группа в составе библиотекаря школы и двух старшеклассников, которые следят за ходом ответов и оценивают правильность ответов.

На первом этапе урока проводится словарная работа по содержанию сказок «Кот и Лиса» и «Лиса и Волк». Двум командам учащихся дается задание за 10 минут найти в словарях (Татарский энциклопедический словарь и Толковый словарь

русского языка под редакцией С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой) значения указанных слов и объяснить их. Работая в условиях соревнования, учащиеся в 2-х командах определяют значения следующих слов: баловник — тот, кто балуется. Воевода — в Древней Руси и славянских государствах начальник войск, а также области, округа. Дичинка — мясо птиц и животных. Женат — о мужчине, состоящем в браке. Холост — неженатый мужчина. Предаст смерти — убьет. Не приглянется — не понравится с виду. Косолап — ступающий пятками врозь, носками внутрь. Давай утекать - убежать; дожидаю — дожидаюсь, жду; шмякнуться — упасть; задрать — подрезав, загнуть вверх; добывать припасов — найти съестное; прожорлив — очень много ест; мурчит — мурлыкает; схоронись — спрячься. Бялиш — пирог с мясной начинкой. Бирюк — волк. Прорубь — отверстие, прорубленное на льду, реке, водоеме. Лукавка — лукавая, хитрая. Серый — о волке. Пешня — род лома для прорубания льда, проруби. Курятник — помещение, где живут куры.

Название человека по социальной принадлежности	Название по способу существования	Орудие труда
Воевода	холост	Пешня
	женат	
	баловник	
	косолап	
	лукавка	
	бирюк	

Орудие наживы	Помещение	Оценка характера
дичинка	курятник	прожорлив
		серый
		косолап

Командам учащихся дается задание в течение 5-7 минут распределить эти слова в таблице по определенным значениям. Учащиеся распределяют слова по группам.

Второй этап урока посвящается обсуждению вопросов по содержанию прочитанных сказок и по теории литературы:

- 1) К какому типу сказок отнесете вы сказки «Кот и Лиса» и «Лиса и Волк»? Обоснуйте свой ответ.
- 2) Кто герои сказок? Что они олицетворяют?
- 3) Каково сходство и различие в сюжетах обеих сказок?
- 4) Назовите особенности композиции обеих сказок.
- 5) Какова мораль сказок?
- 6) Какие выражения и слова помогут вам рассказать эти сказки?

Пятиклассникам известно о делении сказок на волшебные, бытовые и сказки о животных из материала первого урока по народным сказкам. Учащиеся без труда относят сказки «Кот и Лиса», «Лиса и Волк» к сказкам о животных.

На второй вопрос учащиеся отвечают, что главными героями сказок являются Лиса, Волк и Кот. Лиса в обеих сказках рисуется хитрой, умной, находчивой, расторопной. Она умеет склонить на свою сторону Кота, хотя никогда прежде такого зверя не видывала. Лиса удачно предлагает себя Коту в жены и выходит замуж. Она, отмечают дети, умеет представить Кота и лесным диким зверям как грозного воеводу Котофея Ивановича. Хитростью и обманом она нагоняет страх на волка, медведя и заставляет трепетать их от одного имени Котофея Ивановича. В сказке «Лиса и Волк» Лиса обманывает Волка и сживает его со света, а сама остается с большим уловом рыбы. Лиса — это хитрость, ум и коварство; Волк, Медведь — тупость; Кот — могущество.

Третий вопрос наиболее трудный из всех. Учащиеся находят сходство в сюжете русской и татарской народных сказок. Обе команды учеников называют сходством неожиданную встречу Лисы с Волком и Котом и намерение Лисы обмануть, провести Волка, Медведя. Различие пятиклассники увидели в том, что в татарской сказке Лиса обманывает Волка без всякого сожаления и способствует его смерти: «Волк и концы отдал... А Лиса за всем этим наблюдала с верхушки стога и очень смеялась». В русской народной сказке Лиса обманывает диких лесных животных, а с домашним — Котофеем Ивановичем — живет в мире и согласии. В финале сказки никто не погибает, но зато «все звери стали кота бояться».

После обдумывания четвертого вопроса учащиеся отвечают, что в каждой сказке есть мораль. Она выводится обычно всем содержанием сказки или дается в конце. В наших сказках мораль такова: в жизни нельзя быть глупым и чересчур доверчивым, как Волк и Медведь. Надо проявлять ум, сметливость, догадливость, разбираться в ситуациях и людях.

Особенностями композиции учащиеся называют четырехчастное построение сказок: присказка, зачин, развитие действия и концовка. В обеих сказках они есть. Ярко выражена присказка в «Коте и Лисе»: «Жил-был мужик». В сказке «Лиса и Волк» она отсутствует. Тут сразу начинается зачин: «Однажды у речушки, текущей вдоль деревни, Лиса ходила». Развитие действия занимает основное место в обеих сказках. Концовка в русской народной сказке традиционна: «А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут». В татарской народной сказке концовки особенные. В них употребляется глагол 3 лица множественного числа «говорят»: «До сих пор, говорят, ходит и посмеивается над глупым Волком».

Шестое задание позволяет уделить внимание поэтике русских и татарских народных сказок. Пятиклассники в обеих командах называют стилевые формулы, помогающие рассказать обе сказки: жил-был, добрый молодец, не знала - не видела, потчевать дичинкой, лисица-сестрица, туго придется, откуда ни возьмись, пустился во всю прыть, хотят поклониться, давай утекать, шмякнуться с дерева оземь, в надежде поживиться, зубы заговаривать.

Третий этап урока служит развитию устной монологической и диалогической речи учащихся — татар. Пятиклассники соревнуются друг с другом в чтении диалогов Лисы и Волка, Лисы и Котофея Ивановича, Лисы и Медведя, Медведя и Котофея Ивановича. Члены экспертной группы внимательно следят за ответами ребят и обращают внимание на логическое ударение, на наличие пауз, понижение и повышение интонации, тембр и тональность голоса, артистичность.

В следующем творческом задании требуется пересказать понравившуюся сказку, соблюдая изученные на уроке сказочные стилевые формулы и выражения. Учащиеся по группам рассказывают.

Третье творческое задание помогает закрепить знания учащихся по обеим народным сказкам и проверить сформированность навыков учащихся в области устной речи, образного мышления и творческих способностей. Учащимся дается 7 минут времени нарисовать эпизод, показывающий хитрые уловки Лисы. Пятиклассники рисуют и готовят устную защиту.

В заключительном слове в конце урока учитель говорит о воспитательном значении сказок о животных. В сказках о животных при помощи аллегории изображаются общечеловеческие недостатки. В этом случае привычки и повадки животных используются для обличения пороков, встречающихся в людях.

В сказках «Лиса и Волк», «Кот и Лиса» осмеиваются глупость и тупость, доверчивость и тунеядство. Народ отдает предпочтение людям умным, трудолюбивым, догадливым и сметливым.

На дом учащимся дается задание прочитать русскую народную сказку «Как старик домовничал» и татарскую сказку «Портной, медведь и бесенок». Подумать о прочитанном и пересказать сказки близко к тексту.

2.7. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ НАРОДНЫХ БЫТОВЫХ СКАЗОК «КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ» И «ПОРТНОЙ, БЕСЕНОК И МЕДВЕДЬ»

Бытовые сказки составляют огромный пласт русского и татарского сказочного репертуара. Эти сказки могут служить средством изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии. В них герой всегда побеждает своих противников, но характер конфликта отличается от волшебных сказок. Зло здесь воплощается в земных людях, которых крестьянин видит в реальной жизни. Противник героя силен социально, но ничтожен по существу. Герой же ничтожен социально, он обездолен, беден, угнетён. В облике его нет ничего красивого и подчёркнуто героического. Героем бытовой сказки

является самый обыкновенный человек. Но в то же самое время он воплощение смелости, решительности, находчивости, силы духа и воли к борьбе, иногда – необычайной хитрости. Герой бытовой сказки всегда побеждает.

В бытовой сказке не происходит ничего сверхъестественного. Волшебное средство здесь отсутствует в том виде, в каком оно встречается в волшебных сказках. Сверхъестественное втянуто в орбиту земной, будничной жизни и всегда окрашено комически (117).

По своей тематике русские и татарские бытовые сказки очень разнообразны. В русском фольклоре очень распространены сказки о мудрых девушках, об испытании жён, о ловких и удачливых людях. О ловких ворах, разбойниках, сказки о хозяине и работнике, о глупцах, о злых жёнах. В татарском фольклоре популярны бытовые сказки о мудрых людях, неверных и верных жёнах, богачах и работниках, муллах, ловких ворах.

В русском фольклоре известными являются бытовые сказки «Шабарша», «Хорошо, да худо», «Жена – спорщица», «Лень да Отець», «Шемякин суд», «Баба хуже чёрта». У татарского народа очень популярны сюжеты сказок «Байдек», «Алдар и мулла», «Шомбай», «Пригожая Хадича», «Обезрученная», «Мулла в западне», «Хитрый охотник», «Ремесло выручит», «Победитель дивов».

Характер реализма в бытовых сказках весьма условный. Они выступают сказками благодаря нагромождению в них невероятностей. В бытовой сказке не нарушаются законы природы, а если нарушаются, то это изображается как нечто вполне возможное. События, о которых повествуется в бытовой сказке, совершенно невозможны в жизни по своей необычности. Этим сказки и привлекательны. Бытовая сказка – это необыкновенные, неслыханные истории о совершенно невозможном.

Бытовые сказки содержат в себе много общих мотивов и сюжетов разных народов и национальностей. Они в большей части относятся к типологической общности, которая возникла у народов самостоятельно в силу тождественности бытовых или психологических условий на первых этапах развития

человечества. Общность в русских и татарских народных сказках обусловлена также генетическими и контактными связями.

Займствованный сюжет изменяется, перерабатывается в соответствии со сказочной традицией заимствующего народа и становится уже своим. На это указывал и В.Г.Белинский: «Русский человек, выслушав от татарина сказку, рассказывал её потом совершенно по-русски, так что из его уст она выходила запечатлённая русскими понятиями, русским взглядом на вещи и русскими выражениями» (19, с. 525).

В 5 классе на уроках русской литературы в национальной школе предлагается сопоставительное изучение русской и татарской бытовой сказок «Как старик домовничал» и «Портной, бесёнок и медведь». На изучение этих сказок отводится 1 час – чтение и обсуждение сказок.

Урок начинается со вступительного слова учителя об особенностях тематики, композиции и поэтики бытовых сказок. Учитель отмечает, что бытовые сказки занимают значительную часть сказочного репертуара: в русском фольклоре они составляют 60% состава русских сказок (4) (по подсчётам Н.П.Андреева), в татарском фольклоре 46 % всего сказочного репертуара (44). Основанные на социальном и бытовом конфликте, эти сказки наиболее близко стоят к реальной действительности. Бытовыми сказками называются необыкновенные, неслыханные истории о совершенно невозможном, которые вызывают комический эффект. Они яркие, юмористичные и могут быть использованы как орудие сатиры. Далее учитель рассказывает о композиции бытовых сказок. Она разнообразна и определяется не внутренними закономерностями, а разнообразием тех событий, о которых повествуется. Бытовые сказки отличаются простотой и краткостью. Интриги в них несложные.

В бытовой сказке не бывает утробий, символики чисел. Бытовая сказка чужда формульности волшебной сказки, в которой нет вступительных и заключительных формул, нет общих мест и общих формул. Близостью к жизни, занимательностью, остроумием и юмором бытовые сказки заслужили популярность.

По своей тематике бытовые сказки необыкновенно разнообразны. Они повествуют о мудрых людях, богачах и работниках, крестьянах и попах, муллах, ловких ворах, злых и неверных жёнах, глупцах и дураках. Есть среди них и сказки о злом чёрте.

После сведений по теории литературы учитель предлагает учащимся разделиться на 2 группы, выбрать капитана команды, название. Учащиеся распределяются на 2 группы и усаживаются за отдельными столиками. Урок проходит в нетрадиционной обстановке, имея целью закрепление знаний, умений учащихся по анализу русской и татарской народных сказок, развитие интеллектуальных и творческих способностей каждого ученика, воспитание личности учащихся и привитие интереса к бытовым сказкам. Вопросы на уроке будет задавать не только учитель, но и обе команды учеников друг другу. Правильность ответов оценивает учитель.

Второй этап урока открывается вопросом учителя: «Чем вам понравились сказки «Как старик домовничал» и «Портной, бесёнок и медведь»? Обе группы учащихся думают в течение 1-2 минут и отвечают в зависимости от готовности. Первая группа учащихся отмечает, что и русская и татарские сказки понравились занимательностью сюжета, добрым юмором, царящим в них. Вторая группа учащихся высказывает мнение, что сказки понравились умным содержанием, они многому учат.

Далее команды учащихся дают друг другу задание найти новые слова в сказках и определить их лексическое значение. Первая группа работает по сказке «Как старик домовничал», вторая – «Портной, бесёнок и медведь». Время ограничено 7 минутами. Учащиеся обеих творческих групп определяют значение слов по словарям. В результате работы в тетради записываются слова:

1) Бешмет – верхняя мужская одежда. Див – злое чудище. Завопил – начал вопить, кричать. Трепать – приводить в беспорядок, колебать, дёргать, тормошить. Побежали без оглядки – быстро побежали.

2) Домовничать – находиться дома для присмотра за хозяйством во время отсутствия других. Пахталка – кадушка для сбивания масла, маслобойка.

Клушка – курица-наседка. Кошёлка – небольшая корзинка. Прибрать лошадь – привести в порядок.

Далее учитель задаёт вопрос учащимся обеих команд: «Какой национальный колорит вы подметили в каждой из этих сказок?» Учитель просит учащихся обосновать ответы.

Учащиеся верно подмечают национальный колорит бытовых сказок «Как старик домовничал» и «Портной, бесёнок и медведь». Из предыдущих уроков по устному народному творчеству учащиеся знают о возникновении волшебных сказок, сказок о животных, об особенностях их построения и тематики. Некоторые теоретико-литературные понятия закрепились в памяти пятиклассников (образы главных героев и второстепенных персонажей, поэтика сказок, классификация сказочных жанров). Учащиеся называют дива (дию) как сказочного персонажа, встречающегося только в татарских сказках. Див – мифологический персонаж, живёт вдали от людей, за горой Каф, чаще всего под землёй. Див всегда изображается как враг человека. Однако редко встречаются дивы, помогающие человеку. В сказке «Портной, бесёнок и медведь» див выступает как враждебная человеку сила. Также в этой сказке встречается слово «бешмет», которое относится к татарскому народу. Это верхняя мужская одежда. А на Руси мужчины носили кафтаны или армяки.

Вторая группа учащихся рассуждает о значении и употреблении слов «пахталка» и «домовничал». Они типично русские, происходят от русских корней «пахтать» и «дом». Ученики справедливо отметили, что в татарской традиции не принято жене спорить с мужем. Муж – глава семьи, за ним всегда последнее слово. Поэтому спор, кому приходится больше трудиться: мужу или жене – не мог возникнуть в татарской среде. Там жена покорна и послушна. Такая сказка могла сложиться только у русского народа.

Следующие вопросы учащиеся задают друг другу. Первая группа учеников спрашивает у второй: «К какому типу сказок относятся изучаемые нами сказки «Как старик домовничал» и «Портной, бесёнок и медведь»? Вторая группа учащихся задаёт вопрос: «Какова особенность построения этих сказок?».

Учащиеся раздумывают в течение 5 минут и отвечают, дополняя друг друга. Пятиклассники относят обе сказки к бытовым и обосновывают это тематикой, идейным содержанием сказок. И та и другая сказки отображают реальную жизнь людей в её бытовых деталях, но события совершаются в них неожиданные, невероятные.

Необычное служит предметом обеих сказок. Что в них необычного? Ученики называют необычной встречу портного, бесёнка и медведя, необычно и их совместное житьё, необычна и ситуация появления дива в избушке наших героев. Необычной можно назвать ситуацию, когда муж и жена (старик и старуха) поспорили о том, чей труд важнее, и поменялись на день ролями.

Вторая группа назвала отличительным признаком бытовых сказок комизм и юмор. Первая группа дополняет ответ сведениями о главном герое, который, являясь портным, одерживает победу над злыми силами дива. Герой бытовых сказок – обыкновенный человек, из народа. В русской сказке «Как старик домовничал» главные герои – из крестьянской среды.

Вторая группа учащихся называет композиционные особенности бытовых сказок. В них нет зачина и концовки, привычных стилевых формул. В названных сказках повествование сразу начинается с конкретного действия: «Один старик всё ругал свою жену»..., «В давние времена жил в одном городе портной»...

Затем учащимся даётся творческое задание по вариантам: инсценировать эпизод разговора портного и бесёнка, инсценировать диалог старухи и старика, портного и дива; портного, бесёнка и медведя. Учителем указывается ряд условий, необходимых во время рассказывания:

- правильная, чёткая артикуляция звуков;
- постановка логических ударений;
- соблюдение логических и интонационных пауз;
- понижение и повышение интонации;
- правильность прочтения слов, словосочетаний, предложений;

Затем учащиеся читают указанные отрывки из сказок, готовясь к ответу, и через 3-4 минуты инсценируют. Данный вид

творческого задания позволяет учащимся национальных школ на уроках русской литературы овладеть выразительным чтением на русском языке, что сопряжено с постижением важнейших законов русского литературного языка, с практическим усвоением учащимися роли словесных и смысловых ударений в ритмико-мелодической системе языка.

На заключительном этапе урока учителем задаётся вопрос обеим группам пятиклассников: «Какие нравственные ценности утверждаются в сказках «Как старик домовничал» и «Портной, бесёнок и медведь»?»

После непродолжительного раздумья учащиеся отвечают по группам. Первая группа замечает в обеих бытовых сказках острый иронический ум народа и шутку, которая царит в них. Ребята утверждают, что и русская, и татарская сказки воздают хвалу трудолюбивому человеку, работающему, серьёзному. Народ не любит пустозвонов и болтунов, обманщиков. Поэтому портной в финале татарской сказки «никогда без работы не сидит». Жители окрестных деревень к нему с заказами ходят. А портной шьёт всем: и молодым, и малым. В этом и смысл сказки.

Учащиеся второй группы указывают на мудрость сказки «Как старик домовничал». Всякий труд уважаем и почётен: будь то пахота и сев на поле или работа в доме по хозяйству. Поэтому и посрамлён незадачливый старик, что не понимает такой простой истины. Всякая работа хороша, если она на благо людям и отдельному человеку. Неслучайно в конце сказки говорится: «Только с тех пор перестал старик жену за безделье ругать».

Общий вывод по уроку учащиеся делают вместе с учителем. Бытовые сказки – сокровищница народа. В них живёт глубокий ум, искренний юмор и беспощадная сатира, вызванные фантазией народа. В сказках трудовой человек одерживает победу над глупыми попами, муллами, ленивыми помещиками. В бытовых сказках высмеиваются общечеловеческие пороки: лень, супружеская неверность, трусость, бахвальство, жадность, глупость. Сказки – умное чудо, сотворённое художественным гением народа.

Домашним заданием учащимся будет подготовить пересказ обеих сказок с использованием сказочных формул и

выражений; нарисовать иллюстрацию к любой из двух сказок и уметь представить её.

Учитель подводит итог урока, называя количество набранных баллов участниками каждой из команд и комментирует оценки учащимся за работу на уроке.

2.8. ЗАКРЕПЛЕНИЕ У ПЯТИКЛАССНИКОВ ПОНЯТИЯ О НАРОДНОЙ СКАЗКЕ В КОНТЕКСТЕ «ДИАЛОГА КУЛЬТУР» УРОК-ТУРНИР ЗНАТОКОВ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Заключительный урок по русским и татарским народным сказкам проводим как ролевою игру – турнир знатоков сказки. Предварительно распределяем учащихся 5 класса на две команды во главе с капитаном и рассказываем обе команды отдельно друг от друга. Урок посвящен повторению, закреплению и обобщению знаний учащихся по русским и татарским народным сказкам, развитию творческих способностей учащихся, речевых умений и навыков, воспитанию уважения к культуре своего и других народов.

Урок начинаем с приветствия команд и представления названий команд. Первая – «Сказочники», вторая – «Иван-царевич». Оценивают ответы учащихся учитель и члены экспертной группы из числа старшеклассников.

Задаём учащимся вопросы по истории возникновения сказок и их классификации: «Когда возникли сказки? Кто их автор? Какие типы сказок вы знаете?»

После недолго раздумья команды пятиклассников отвечают, дополняя друг друга. Русские и татарские народные сказки возникли в далёкой древности, когда не было письменности. Автором сказок является народ. Потому сказки относятся к устному народному творчеству. Учащиеся без труда называют сказки волшебные, сказки о животных, бытовые сказки.

Далее предлагается задание назвать наибольшее число волшебных и бытовых сказок, сказок о животных у русского и татарского народов. Первая команда «Сказочники» называют

русские народные волшебные сказки «Царевна-лягушка», «Волшебное кольцо», «Иван - крестьянский сын и чудо-юдо», «Финист – ясный сокол», сказки о животных – «Лиса и заяц», «Петушок – золотой гребешок», «Кот и Лиса», бытовые сказки – «Шмякин суд», «Неумелая жена», «Горшок». Учащиеся второй команды «Иван-царевич» называют татарские народные сказки «Белый змей», «Рыбак и Ифрит», «Тан-батыр», «Камыр-батыр», «Три волшебных перышка», сказки о животных – «Петух и Лиса», «Лиса и Волк», «Медведь и Женщина», бытовые сказки – «Девушка с умом», «Обезрученная», «Бедняк и мулла», «Шомбай», «Портной, бесёнок и медведь».

Следующим теоретическим вопросом знатокам сказок необходимо будет дать определение сказки.

Мнения учащихся разделились. Команда «Сказочники» отстаивает точку зрения: «Сказки – это чудесные и невероятные события, которых нет в жизни». Команда «Иван-царевич» утверждает: «Сказки – это занимательные рассказы о необыкновенных, вымышленных событиях и приключениях, имеющих реальную основу». В качестве доказательств первая команда приводит примеры, когда в русских народных сказках животные говорят человеческим голосом, летают ковры-самолёты, за одну ночь ткуются красивые ковры или строятся золотые дворцы. Такого быть не может, только в сказках, говорят ребята. Вторая группа учащихся утверждает, что люди издавна мечтали о справедливости, о хорошей и счастливой жизни, поэтому в русских и татарских народных сказках сбываются мечты людей: Иван-царевич находит свою Василису Премудрую и отвоёвывает её у Кащея, Тан-батыр возвращает украденных падишаховых дочерей, Портной прогоняет из дома ленивых бесёнка и медведя. В сказках идёт своя жизнь, чем-то похожая на нашу, человеческую. Герои живут в домах или дворцах, думают, беспокоятся, печалются и радуются. Сказка имеет под собой реальную основу – жизнь людей.

Учитель подводит итог ответам обеих команд. Ответы обеих команд правильные и дополняют друг друга. Сказка создаёт своеобразную модель мира, где волшебное, фантастическое является её неотъемлемой частью, где всё может произойти, герои воспринимают чудесное как само собой

разумеющееся. Например, в сказках о животных волшебное, сказочное проявляется уже в том, что животные обладают человеческими качествами, своеобразно сочетают в себе качества человека и животных, реальное и нереальное. Есть удивительное и в бытовых сказках. Жизненные конфликты между вполне реальными персонажами получают в них необычную, сказочную сюжетную реализацию. Удивительное в самом сюжете, в поведении героев. Обычные люди вступают в бытовых сказках в необычные, исключительные отношения, действуют в удивительных обстоятельствах. Чудесное, фантастическое наиболее ярко проявляется в волшебных сказках. В них встречаются фантастические герои и существа (Змей, Кашей, Баба Яга), обладающие невероятной силой, имеющие подчас страшный вид. Волшебная сказка представляет собой яркий, необыкновенный, насыщенный фантастическими образами и картинami мир. Следующая особенность сказки, которую отмечают фольклористы, - это особая организация времени и пространства (особый хронотоп). Сказке свойственны неопределённость, условность и замкнутость. Сказка рассказывает о прошлом, о том, что было когда-то и где-то; время и место действия не связаны с историческим временем и конкретным, реальным пространством.

На втором этапе урока-турнира переходим к обсуждению содержания прочитанных учащимися русской и татарской народных сказок «Царевна-лягушка» и «Тан-Батыр». Чем близки между собой названные сказки? Образы каких героев являются в них традиционными? Пятиклассники называют традиционными для волшебных сказок образы доброго молодца, Ивана-царевича, царя, падишаха, Василисы Премудрой, добрых помощников (животных или птиц), врагов героя (Кашея Бессмертного, дива, Чёрного змея).

Вспомним традиционный круг героев волшебной сказки. Ребята первой команды называют героя (Иван-царевич, Тан-батыр), антигероя (див, Кашей Бессмертный), дарителя (старичок, Белая мышь), волшебного помощника (Царевна-лягушка, Белый козёл), ложных героев (братья, снохи), отправителя. Учащиеся второй команды рассказывают о схеме-плане народной волшебной сказки:

1. Нарушение запрета, «беда».
2. Отправление героя в путь.
3. Трудные испытания героя.
4. Выполнение заданий с помощью чудесного помощника.
5. Приобретение героем (героиней) иномирного облика.
6. Наказание царя или ложных героев.
7. Воцарение героя.

Члены экспертной группы подводят итоги I и II тура соревнования. Далее на третьем этапе проверяем знания и умения учащихся по поэтике русских и татарских народных сказок. Задаём вопросы: «В какой сказке встречались такие выражения: «долго ли шёл, коротко ли, близко ли, далеко ли»; «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»? Ребята узнают сказку «Царевна-лягушка». А в какой сказке были выражения: «много воды утекло с тех пор, как мы в дорогу вышли», «едут они, едут и через семь суток пути достигают дворца медного»? Пятиклассники называют сказку «Ган-батыр».

Далее просим учащихся обеих команд назвать запомнившиеся им сказочные выражения из изученных ими сказок на уроках русской литературы в 5 классе. Учащиеся называют:

	1 команда «Сказочники» (тат.)	2 команда «Иван-царевич» (рус.)
1	в давние-предавние времена жил-был...	скоро сказка сказывается да не скоро дело делается...
2	джигиты росли не по дням, а по часам...	утро вечера мудренее...
3	хрюпает об землю да, саблю острую взметнув, рубит на куски...	ни в сказке сказать, ни пером описать
4	да его ещё мать на свет не родила...	ниже плеч буйну голову повесил...
5	не тягаться, а драться я с тобой пришёл...	в некотором царстве, в некотором государстве

Центральной частью данного урока становится конкурс на лучшего рассказчика любимой сказки. Обязательное условие: рассказывать эпизод сказки с использованием стилизованных формул и сказочных выражений. Учитель и члены экспертной группы выслушивают пересказ учащимися одного из эпизодов сказок «Царевна-лягушка», «Тан-батыр», «Кот и Лиса», «Как старик домовничал», «Портной, бесёнок и медведь». Затем определяются лучшие рассказчики в обеих командах. Награждение планируется в конце урока.

Завершаем третий этап урока творческим заданием: одной команде – устное словесное рисование книжной обложки к сказке «Царевна-лягушка», второй команде составить небольшой кроссворд по сказке «Тан-батыр». Капитанам команд даём опережающее задание: придумать своё продолжение к одной из бытовых сказок и сказок о животных, изученных на уроках в 5 классе.

Четвёртый этап урока начинаем блиц-турниром капитанов команд. Члены команды могут участвовать, отвечая на вопросы, если капитаны затрудняются ответить на тот или иной вопрос. Учитель в быстром темпе задаёт вопросы, время на обдумывание - 1 минута.

Вопросы капитанам:

	1 команда	2 команда
1	Как называется начало сказки? (Зачин)	Как называется конец сказки? (Концовка)
2	Как переводится на русский язык имя Тан-батыр? (Свет, заря)	Самый популярный мужской сказочный персонаж в русских народных сказках? (Иван-дурак, Иван-царевич)
3	В какой сказке братья предают младшего брата (В сказках «Тан-батыр», «Иван-царевич и серый волк»)	В какой сказке Баба Яга является положительным персонажем? («Царевна-лягушка»)
4	Самый популярный зверь в русских и татарских сказках о животных? (Лиса)	В какой сказке немаловажное значение имеет прорубь? (Лиса и Волк)
5	В какой русской народной	В какой татарской народной

	сказке говорится о ларце? (Царевна-лягушка)	сказке встречается слово «чукмар» и что оно означает? (Тан-батыр, палица)
6	В какой сказке домашнее животное зовут по имени-отчеству? («Кот и Лиса» - Котофей Иванович)	В какой сказке старуха оказалась мудрее своего мужа старика? («Как старик домовничал»)
7	Что означают метафоры: пересчитать рёбра, красная шапка? (побить, окровавленная голова волка)	Каким сказкам свойственны форма диалога? (Сказкам о животных)
8	Часто встречающиеся эпитеты в русских народных сказках? (красна девица, добрый молодец, густой лес, добрый конь)	Часто встречающиеся эпитеты в татарских народных сказках? (холодные ветры, ясные дни, зелёный луг, умная коза, храбрый петух)
9	Назвать популярные бытовые сказки татарского народа (Байдек, Алдар и мулла, Шомбай, Победитель дивов, Обезрученная, Портной, бесёнок и медведь)	Назвать популярные сказки о животных русского народа (Лисичка-сестричка и волк, Лиса и журавль, Лиса и кувшин, Кот и Лиса, Теремок)

Завершаем конкурс капитанов рассказом учащих сказок с собственным продолжением. Капитан команды «Сказочники» выбрал сказку «Портной, бесёнок и медведь», капитан команды «Иван-царевич» - «Кот и Лиса». Фрагменты творческих заданий с собственным продолжением.

«Портной, бесёнок и медведь»:

«Остался портной один. Прослышали в соседних деревнях, что в этих краях портной поселился, стали к нему с заказами ходить. Никому портной не отказывает – шьёт всем: и молодым, и старым, и малым. Никогда без работы не сидит. Вот на той неделе сшил великолепный кафтан для Абдуллы, которого народ выбрал своим падишахом. Хороший кафтан получился! Умело скроен, заботливо сшит, ладно сидит на крепких плечах

джигита. Настоящий батыр Абдулла в этом кафтане. А вчера красавица Гульчечек приходила – новое платье из зелёного шёлка к празднику Сабантуй просила сшить. Что за умница и красавица Гульчечек! Глаза карие, как две звезды, щеки пурпурным цветом горят, лицо круглое, как полная луна. А смех какой залихватый, как песня жаворонка. Ой, и сжалось у нашего портного сердце да и засосало где-то под ложечкой при виде Гульчечек. На следующей неделе свадьба у сына падишаха с Алтынчеч, и им надо красивые наряды успеть сшить да ещё узорами и блёстками украсить полы их одежды. Много работы у портного. Скучать не приходится...»

«Кот и Лиса»

«С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

И вот на ту пору страшное полчище мышей из соседнего царства-государства на ближний лес нагрянуло. Видимо-невидимо, тьма мышей, всю землю заполонило. Бросились все звери к Котофею Ивановичу. «Помоги, - говорят, - только ты один сможешь одолеть такого наглого и прожорливого врага». Делать нечего – надо всех лесных жителей из беды выручить. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Наутро направился Котофей Иванович в лес дремучий, а Лиса сзади идёт. Вдруг откуда ни возьмись мышка на лесной тропинке перед самым носом Котофея Ивановича. Оробел наш герой, не знает, что делать – разучился мышей ловить на готовых харчах. Тут Лиса кинулась на мышку и ловко её задушила, поиграла ею вдоволь и съела. Вспомнил Котофей Иванович, как с мышками надо расправляться и ринулся вперёд на мышиное царство. Откуда только силы и прыть взялись. Раз-бросок – 3 полка мышиных солдат исчезло, второй бросок – 7 полков мышей не стало, на третий раз – Котофей Иванович 9 полков мышиных полков истребил. А Лиса знай себе подбирает мёртвых мышей и в мешок складывает, а живым кричит:

- Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!

Вот и сказке конец: а кто слушал – молодец!»

На заключительном этапе урока подводим итоги турнира русской и татарской народных сказок. Члены экспертной группы

проводят награждение капитанов команд и членов команд памятным подарками: всем зеркальце, расческу, записную книжку и ручку – победителям турнира (лучшим рассказчиком, лучшему капитану).

Завершая разговор об особенностях русской и татарской народных сказок, учитель делает следующие обобщения:

Русская и татарская народные сказки имеют много общего. Общих сюжетных мотивов в сказках этих народов очень много, и они относятся к типологической общности, которая возникла у русского и татарского народов в силу тождественности бытовых и психологических условий на первых этапах развития человечества (74, с. 196). Общность также обусловлена и контактными связями. К таким можно отнести татарскую народную сказку «Котан Иваныч», основанную на сюжете «Кот и дикие животные», в русском фольклоре ей близка сказка «Кот и Лиса». Такое же родство наблюдается в татарской сказке «Салам-Торхан» и русских сказках «Козьма Скоробогатый», «Бухтан Бухтанович» (74, 69).

По изученным нами русской и татарской волшебным сказкам «Царевна-лягушка» и «Тан-батыр» можно сделать следующее сопоставление:

1. В сказках нашло отражение мифологическое мышление древнего человека.
2. В сказках выражены яркие сюжеты и древнейшие мотивы:
  - а) мотив чудесного рождения;
  - б) несчастье;
  - в) запрет;
  - г) нарушение запрета;
  - д) герой-искатель отправляется из дома;
3. Композиция сказок определяется наличием
4. Наблюдается строгое деление героев на положительных и отрицательных (настоящих и ложных).
5. В данных сказках присутствует тип героя-избавителя.
6. В сказках действуют благодарные животные, помогающие герою.

Что отличает обе сказки:

1	Мотив боя («Тан-батыр»)	Мотив трудной задачи («Царевна-лягушка»)
2	Враг героя – убырлы карчык	Помощник героя – Баба Яга
3	Главный герой – человек Тан-батыр	Главная героиня в двух образах – лягушки и человека Василисы Премудрой. Главный герой — Иван-царевич

Уроки по сопоставлению русских и татарских народных сказок приоткрывают пятиклассникам завесу таинственности и необычности, фантастики и приключений. Не раз заставляли они удивиться богатству народной выдумки, уносили в воображаемый мир, приводили к размышлениям о прочитанном, о жизни, о самих себе. Сказки – умное чудо, сотворённое художественным гением народа. Такой вывод сделали учащиеся в конце урока.

Урок-турнир знатоков русской и татарской народной сказки выявил глубокие знания и прочные умения и навыки учащихся, показал сформированность мировоззрения пятиклассников, воспитание в них чуткости и уважения к национальным обычаям и традициям других народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя основные итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

Данное исследование находится в русле стержневых задач школьного преподавания литературы: повышение уровня литературного образования, развитие творческого потенциала личности. Выполнение этих задач немыслимо без улучшения теоретико-литературной подготовки учащихся средних классов. Именно в 5-8 классах прививается навык осмысленного чтения произведений, даются первоначальные представления о природе художественной литературы как искусства слова. Поэтому особенно важно, начиная с первых тем пятого класса, на доступном уровне вводить понятие о сказке, о природе сказочного жанра, сопоставляя русскую и татарскую народную сказку, и вырабатывать у школьников навыки применения этих знаний в ходе чтения и анализа текста.

Научная новизна исследования заключается в следующем: разработаны теоретические основы и методика изучения русских народных сказок в школах с родным (нерусским) языком обучения Республики Татарстан в контексте «диалога культур», научно осмыслена проблема сопоставительного изучения русских народных сказок на уроках литературы в пятом классе в сравнении с татарскими народными сказками, определены принципы и этапы формирования у учащихся татарских школ понятия о сказке, теоретически обоснованы методы и приемы работы, формы занятий, на которых понятие о русской народной сказке формируется, развивается и закрепляется.

Проведенное исследование подтвердило правильность выдвинутой гипотезы. Формирование понятия о сказке на материале темы «Русские народные сказки» осуществляется эффективнее, если реализуется личностно-деятельный подход в обучении, соблюдается принцип системности, обеспечивается преемственность в изучении материала, сравнение русских и татарских народных сказок строится на основе «диалога культур», не нарушаются законы восприятия художественного текста, обеспечивается сочетание логического и эмоционального

в работе со школьниками, создаются ситуации, способствующие развитию творческой активности учащихся, пути и приемы формирования теоретических понятий соответствуют возрастным возможностям и интересам учащихся.

Пятиклассники легко усваивают материал, отражающий особенности поэтики русской и татарской народных сказок, и могут использовать теоретические понятия как средство анализа художественного произведения уже на ранних этапах литературного образования.

Использование приема сопоставления в контексте «диалога двух культур» - русской и татарской – при изучении темы « Русские народные сказки» активизирует мыслительную деятельность учащихся, помогает установлению взаимосвязи между русскими и татарскими народными сказками, лучшему усвоению теоретико-литературных понятий, а также развитию ассоциативного мышления и воображения, более глубокому постижению произведений.

Проблему читательского развития школьников, которую невозможно решить без формирования определенных читательских умений, без серьезной теоретико-литературной подготовки, позволяет осуществить ориентация учебного процесса на «диалог культур».

Сопоставление русской и татарской народной сказки позволяет решить задачу взаимопроникновения двух культур и переключения учащихся в другую культуру без отчуждения от родной. Использованный методический прием сопоставления позволяет выявить в русской и татарской народных сказках общечеловеческое содержание каждой национальной культуры и характерные для каждой из них «национальные картины мира».

Предлагаемая методическая модель позволяет изучить особенности сказочного жанра на примере сопоставления русских и татарских народных сказок. На первом этапе чтения и изучения волшебных сказок «Царевна-лягушка» и «Тан-батыр» вводится понятие «народная сказка», деление сказок на волшебные, бытовые, сказки о животных.

Рассматриваются особенности сказочного повествования, вводится теоретические понятия «сюжет», «композиция», «герой сказки», «поэтика сказки». Работа над

развитием мышления и речи учащихся ведется с использованием приема сравнительного изучения сказок в контексте «диалога культур».

На втором этапе идет сопоставление русской и татарской народных сказок о животных «Кот и Лиса» и «Лиса и Волк», основательно анализируется текст, выясняется роль важных литературных явлений в художественной ткани произведения, развиваются интеллектуальные и творческие умения учащихся на основе личностно-ориентированного подхода.

На третьем этапе изучаются русская и татарская бытовые сказки «Как старик домовничал» и «Портной, бесенок и медведь», что дает возможность учащимся проявить наибольшую самостоятельность в анализе сказок, позволяет увидеть, насколько глубоко школьники смогли освоить теоретико-литературный материал, насколько органично вошел он в их читательский опыт.

Процесс формирования понятия о русской народной сказке у пятиклассников предполагает интенсивную эмоциональную и интеллектуальную работу. При этом учитываются психолого-педагогические особенности (уровень развития мышления, речи и эмоциональной сферы) личности учащихся пятых классов, необходимые для восприятия русской народной сказки и формирования понятия о сказке на основе «диалога культур»; изучать произведения устного народного творчества в школе с учетом их жанровой специфики; активно использовать и максимально реализовать широкие возможности приема сопоставления.

Непременным условием изучения русской народной сказки в контексте «диалога двух культур» является, во-первых, многократное закрепление и повторение в ходе работы на уроках основных теоретико-литературных понятий, во-вторых, воспитание у школьников способности переносить изученные знания на новый материал, в-третьих, формирование у учащихся речевых и читательских умений.

Теоретический анализ работ по философии, эстетике, литературоведению, психологии, педагогике, связанных с темой исследования, позволяют прийти к следующим выводам:

1. Теоретической основой формирования понятия о русской народной сказке является концепция преемственности литературного процесса и взаимовлияния культур русского и татарского народов в контексте «диалога культур».

2. Формирование понятия о русской народной сказке предполагает создание и реализацию методической модели, основанной на личностно-ориентированном подходе. Главной особенностью разработанной модели являются системный подход и целостная организация деятельности учащихся при учете художественного своеобразия русских и татарских народных сказок: поэтапность формирования понятия о сказке; выявление в ходе сопоставительного анализа преемственных связей в русской и татарской сказке в контексте «диалога культур». Предложенная в исследовании система формирования понятия о сказке действительно является эффективной, способствующей формированию активного читателя, а значит, и активной творческой личности, обладающей самостоятельным мышлением, способной отличать подлинные ценности от мнимых. Предложенная система уроков способствует развитию самостоятельности при анализе сказок русского и татарского народов, активизации творческого мышления учащихся, развитию речи.

3. Применение активных форм обучения (уроки с использованием функционально-ролевой игры) в сочетании с учетом особенностей изучения русской народной сказки в татарской школе способствует созданию у учащихся положительной мотивации, что повышает эффективность воздействия литературы.

Для того чтобы усвоение теоретических знаний не было формальным, а постижение основ литературоведческой науки не отрывалось от конкретного материала произведения, осуществлялось развитие образного мышления школьников, их письменной и устной речи, необходимо активное включение в учебный процесс письменных работ, ориентирующих школьников на практическое применение теоретических знаний и способствующих их глубокому осмыслению.

Введение в учебный процесс методической модели изучения русской народной сказки в пятом классе в контексте

«диалога культур» в школах с родным (нерусским) языком обучения Республики Татарстан позволяет учащимся глубже воспринимать произведения сказочного жанра, способствует целостному постижению литературного материала учащимися, формированию у них культуры литературных связей и ассоциаций.

Наше исследование не ставило целью полное рассмотрение всех аспектов сложной проблемы, какой является изучение русских народных сказок в школе. Мы обратились лишь к одному из вопросов данной проблемы: изучение русских народных сказок в контексте «диалога культур» в школах с родным (нерусским) языком обучения на уроках литературы в пятом классе. Но в границах, определенной нашей рабочей гипотезой, можно предположить, что методическая модель получила свое теоретическое и методическое обоснование.

Результаты исследования могут использоваться при подготовке программ и учебных хрестоматий по русской литературе для школ с родным (нерусским) языком обучения Республики Татарстан, а также методических пособий для учителей. Предлагаемая система уроков может быть использована учителями словесниками как татарской, так и русской школы. Проведенное исследование представляет собой первую попытку разработать учебную модель и на ее основе рекомендаций по изучению понятия о сказке у пятиклассников татарской школы при изучении русских народных сказок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абельюк Е.С. Миф или сказка?: Экспериментальное учебное пособие. – М.: Мирос, 1995. – 224с.
2. Агишев Х.Г. Культура русской речи учащихся – татар. – Казань.: Татарское книжное издательство, 1978. – 120 с.
3. Адоньева С.Б. Волшебная сказка в контексте традиционной фольклорной культуры. – Л.: Издательство Ленинградского гос. ун-та, 1989. – 204 с.
4. Азадовский М.К. История русской фольклористики. – М., 1958, Т. 1.
5. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Л.: Гослитиздат, 1929.
6. Аникин В.П. Русская народная сказка: Пособие для учителя. – М.: Учпедгиз, 1959. – 255 с.
7. Андрианов Г.Ф. Изучение теории литературы в дореволюционной и советской средней школе. // За творческое изучение литературы в вечерней школе. / Под редакцией Н.И. Громова. – М.: Просвещение, 1964. – С. 43 – 73.
8. Аргинская И.И., Дмитриева Н.Я., Полякова А.В., Романовская З.И. Обучаем по системе Л.В. Занкова: Книга для учителя – М.: Просвещение, 1991. – 240 с.
9. Арзамасцева Н. Метафора жизни // Детская литература. – 1991. - №9 – 10. – С. 26 – 30.
10. Аркин И.И. Уроки литературы в V – VI классах. Практическая методика. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1996. – 256 с.
11. Ан Сан Хун. Семантическая структура волшебных сказок. – СПб: Издательство Санкт – Петербургского гос. ун-та, 1999. – 261 с.
12. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. Т 2./ Предисловие и примечания В.Я. Проппа. – М.: Гослитиздат, 1957. – 510 с.
13. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. Т 1. – М., Гослитиздат, 1994. – С. 5 – 55.
14. Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избр. ст. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
15. Ахметзянов М.Г., Багаутдинова Л.С., Вербовая Н.Н. Методическое руководство к учебной хрестоматии «Русская

- литература для 5 классов нац. школ»: Пособие для учителя. – СПб. Отделение издательства «Просвещение», 2002. – 159 с.
16. Балыбердин А.Г. Формирование литературоведческих понятий в школе (IV–VII классы). – Куйбышев: б. и., 1981. – 122 с.
17. Бараг Л.Г. Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок. – М.: Издательство МГУ, 1968. – 203 с.
18. Бараг Л.Г. Сюжет о змеборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов.// Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. – М.: Просвещение, 1981. – 188 с.
19. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная лит., 1975. – 502 с.
20. Бахтина В.А. Художественная функция фантастики в русской народной сказке. – Саратов, 1973. – 178 л.
21. Беленький Г.И. Теория литературы в средней школе (VII – X классы). – М.: Просвещение, 1976. – 222 с.
22. Белинский В.Г. О народных сказках. – Полное собрание сочинений. – М.: Просвещение, 1954. – 676 с.
23. Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии.// Полное собрание сочинений. – М.: Просвещение, 1956. – 354 с.
24. Белицкая С.П., Барышникова З.В., Шапиро Д.В. Уроки внеклассного чтения в 5 классе. – Л.: Учпедгиз, 1962. – 119 с.
25. Богданова О.Ю., Леонов А.С., Чертов В.Ф. Методика преподавания литературы: Учебник для студентов педвузов./ Под редакцией О.Ю. Богдановой. – М.: Издат. центр «Академия», 1999. – 400 с.
26. Богдавленская Д.В. Пути к творчеству. – М.: Знание, 1981. – С. 41.
27. Бодрова Н.А. Уроки внеклассного чтения в IV классе. – Куйбышев: Издательство Куйбышевского гос. пед. института, 1973. – 60 с.
28. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблема формирования личности./ Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Международная пед. акад., 1995. – 212 с.
29. Болдырев Н.И. Основные вопросы содержания и методики нравственного воспитания. – М.: Советская педагогика, 1967, № 2. – 85 с.

30. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.
31. Валеева А.Х., Благово В.А. Выразительное чтение и развитие русской речи учащихся (на уроках литературы в IV – VIII классах татарской школы): Пособие для учителя. – Казань, Тат. книж. изд-во, 1985. – 95 с.
32. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. – М.: Наука, 1975. – 135 с.
33. Ведерникова Н.М. Контаминация в русских народных волшебных сказках. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 226 с.
34. Веселовский А.Н. Сравнительная мифология и ее метод./ Собрание сочинений. – М., Л.: Просвещение, 1938. – Т.16 – 503 с.
35. Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – 512 с.
36. Витковский Л.Н. Урок – праздник. Обобщающий урок по сказкам в V классе // Литература в школе. – 1994. – № 2. – С. 36 – 42.
37. Вишнякова Н.Ф. Развитие творческой активности младших школьников (на материале внеклассных музыкальных занятий в условиях школы полного дня): Автореферат канд. пед. наук. – М, 1989. – 17 с.
38. Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения./ Сост. В.С. Аранский. – М.: Педагогика, 1986. – 420 с.
39. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте(Психологический очерк): Книга для учителя. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1991. – 93 с.
40. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика Пресс, 1996. – 246 с.
41. Выготский Л.С. Психология искусства. Изд-е 5 – е. Испр. и доп. – М.: Лабиринт, 1997. – 320 с.
42. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4 т. Т 3. – СПб.: АОЗТ «Технэкс – Россия», 1993. – 318 с.
43. Вьюшкова Л.Н. Развитие чувства юмора при обучении школьников чтению.// Русский язык в школе. – 1996. - № 5, с. 21 – 28.
44. Гегель. Эстетика. Т 3. – М.: Искусство, 1971. – с. 450.

45. Гельман З.В. История науки и культуры в общеобразовательной школе.// Педагогика. – 1993. - № 5. – С. 128.
46. Герасимова Н.В. Пространственно – временные формулы русской волшебной сказки. – Л.: Дисс. канд. филол. наук, 1979. – 248 с.
47. Гирусов Э.В., Никитин Е.Д. Проблемам творчества и биосфера./ Педагогика. – 1998. - № 21, С. 30 – 31.
48. Голуб М.Л. Специфика художественного образа в фольклоре. – Киев.: Дисс. канд. филос. наук. 1991. – 148 с.
49. Голубков В.В. Методика преподавания литературы. – 7-е изд., доп. и перераб. – М.: Учпедгиз, 1962. – 495 с.
50. Голубков В.В. Формирование теоретико-литературных понятий в V – VII классах средней школы./ Литература в школе. – 1948. - № 4. – С. 28 – 40.
51. Голубков В.В. Формирование теоретико-литературных понятий в VIII – X классах средней школы.// Литература в школе. – 1948. - № 5. – С. 34 – 50.
52. Горький А.М. Собрание сочинений в 30-ти т., т. 27. – 400 с.
53. Горький А.М. Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года.// Горький М. О литературе. – М.: Советский писатель, 1953. – С. 692 – 721.
54. Горький М. О сказках.// Горький М. Собрание сочинений в 30-ти т. Т 25. Статьи, речи, приветствия. 1929 – 1931. – М.: Гослитиздат, 1953. – С. 86 – 89.
55. Гулянкova Т.И. Средства и способы контактной и дистантной связности фольклорного текста (На материале рус. нар. волш. сказки): Дисс. канд. филол. наук. – Курск, 1996. – 228 с.
56. Гура А.В, Лягушка.// Славянская мифология. – 250 с.
57. Гуржий Т.Г. Традиции волшебных сказок о сватовстве и свадебный обряд. Дисс. канд. филол. наук. – М, 1997. – 173 с.
58. Гусев В.Г. Эстетика фольклора. – М.: Наука, 1996. – 228 с.
59. Гусейнов Ш.М.-О. Фольклор как компонент общественного сознания. Дисс. канд. филос. наук. – М, 1997. – 203 с.
60. Давыдова О.А. Традиционные языковые средства русской народной волшебной сказки (определятельные сочетания, поэтические формулы), М., 1981.

61. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
62. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998. – Т 2. – 779 с.
63. Данилов М.А. Воспитание у школьников самостоятельности и творческой активности в процессе обучения.// Советская педагогика. – 1961. - № 8. – С. 32 – 42.
64. Дановский А.В. Системно – функциональное формирование теоретико – литературных понятий в средних учебных заведениях. – М.: Просвещение, 1989. – 193 с.
65. Динцесс Л.А. Древние черты в русском народном искусстве.// История культуры древней Руси. – М, Л, 1951. – Т 2. – с. 465 – 491.
66. Дружинина В.Н. Психология интеллекта.// Педагогика. – 1998. - № 2. – С. 37.
67. Дубинская М.С., Новосельская Л.С. Русская литература в IV – V классах. – Киев: Радянская школа, 1975. – С. 11 – 21.
68. Дубнова С.Ю. Когда одиночество не страшно.// Литература в школе. – 1997. – № 6. – С. 146 – 148.
69. Елеонский С.Ф. Литература и народное творчество: Пособие для учителей. – М.: Учпедгиз, 1956. – 240 с.
70. Еремина В.И. Ритуал и фольклор: Дисс. доктора филол. наук. – Л.; Наука, 1991. – 208 с.
71. Ефимова Е.С. русский устный мифологический рассказ: опыт структур. анализа. –Дисс. канд. филол. наук. – М., 1994. – 291с.
72. Загидуллина Д.Ф. Нравственно-эстетическое воспитание на уроках татарской литературы при изучении лирических произведений (в V- VIII классах). – Дис. на соиск. канд. пед. и филол. наук, - Казань, КГУ, 1993, -242 с.
73. Зайцева О.Н., Ладыгин М.Б. Литературное образование в V – VI классах: Методические рекомендации для учителей. – М.: Дрофа, 1996. – 128 с.
74. Замалетдинов Л.Ш. Татарская народная сказка и литературные сказки Г. Тукая. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. фил. Наук. Казань – 1993. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова.

75. Замалетдинов Л.Ш. Сюжеты и мотивы татарских сказок о животных./ Опыт создания систематического указателя из книги «Типология татарского фольклора»/ - Казань. – 1999. – 155 с.
76. Збарский И.С., Коровина В.Я. Русские народные сказки «Иван – крестьянский сын и Чудо – юдо», «Царевна – лягушка»// Уроки литературы в IV классе. – М.: Просвещение, 1985. – С. 19 – 28.
77. Збарский И.С., Полухина В.П. Уроки внеклассного чтения в IV классе в 1986/1987 учебном году// Литература в школе. – 1986. - № 4. – С. 45 – 54.
78. Зинкевич Т.Д., Михайлов А.М. Волшебный источник. Теория и практика сказкотерапии. – СПб: Смарт, 1996. – 148с.
79. Золотарев С.А., История литературы как наука и предмет преподавания // Изучение литературы в школе: Сборник методических статей и примерных уроков. / Под ред. А.М. Лебедева – М.: Гос. изд-во, 1923. – с. 3-94
80. Зуева Т.В. Восточнославянская волшебная сказка в аспекте исторического развития: Дисс. д-ра филол. наук. – М, 1995. – 573 с.
81. Иванова А.А. Традиционный чудесный вымысел в русских волшебных сказках. – Дисс. канд. филол. наук. – М, 1995. –573с.
82. Ильин Е.П. Психология воли, -СПб.: Питер, 2000. – С. 6.
83. Кабардов М.К., Матова М.А. Межполушарная асимметрия и вербальные и невербальные компоненты познавательных способностей // Вопросы психологии. – 1988. -№6. – с. 108-110
84. Ке Ян. Лингвистический и лингвострановедческий анализ русских народных волшебных сказок. – Дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. – Казань, 1995. – 265 с.
85. Колесникова Н.А. Сказки и дети. К проблеме формирования эстетического вкуса учащихся V-VI классов // Литература в школе. – 1996. - №2 – с. 79-83.
86. Колесов М.С. Место и роль фольклора в духовной культуре общества. – Л., 1972. – 204 с.
87. Колосов П.И. Словарная работа на уроках литературного чтения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 331 с.
88. Кольцова И.Н. Социокультурные функции сказки: Дисс. канд. культуролог. Наук: Н. Новгород, 2000. – 203 с.

89. Комлева Г.А. Пространственно – временные представления русской народной волшебной сказки в аспекте эволюции: Дис. канд. филол. наук: Петрозаводск, 1997. – 245 с.
90. Кондратьева Т.Н. Приложения к именам собственным (на материале народного творчества)// Семантика и функционирование синтаксических единиц. Казань, 1983. - С. 60 – 74.
91. Корепова Е.М. Сюжет «Царевна – лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции. Межвузов. сб., Горький, 1980. – 103 с.
92. Коротяев Б.И. Учение – процесс творческий: Книга для учителя: Из опыта работы – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Просвещение, 1989. – 159 с.
93. Косарев А.Ф. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. – М., Университетская книга, 2000. – 185 с.
94. Кравцов Н.И. Искусство психологического изображения в русском народном поэтическом творчестве// Фольклор как искусство слова. – Изд-во МГУ, 1969. – 158 с.
95. Кудрявцев В.Н. Бытовая реальность Древней Руси в художественном мире волшебной сказки: Дис. канд. филол. наук. – М., 1986. – 160 с.
96. Крук И.И. Восточнославянские сказки о животных: Образы. Композиция. – Минск, 1989. – 198 с.
97. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по специальности «Русский язык и литература». – 2-е изд. – М.: Высш. школа, 1989. – 207 с.
98. Леви-Стросс. Структура мифов//Вопросы философии: Колдун и его магия. 1970, - №7. – С. 18.
99. Леви-Стросс. Структура и форма//Сб: Семиотика. М. ,1983.- 426 с.
100. Лернер И.Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории: Пособие для учителей. - М.: Ппросвещение, 1982.- 191 с.
101. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы: - Л.: Наука, 1967.-233 с.
102. Макаренко А.С. Собр. сочинений: В 5 т. - М., 1971.-Т 4. –С. 96.

103. Макаров М.Н. Догадки об истории русских сказок//Моск. Телеграф. – 1830. Z 36, №22.
104. Мальцева К.В. Развитие устной речи учащихся национальной школы на уроках русской литературы 4-7 классов. – Л., 1975. – С.81.
105. Машарова Т.В. Педагогическая технология: личностно-ориентированное обучение: Учебное пособие. – М., Педагогика, 1999. –144 с.
106. Мелетинский В.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. –52 с.
107. Мелетинский В.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. – М., 1958. –185 с.
108. Мелетинский В.М. Поэтика мифа. – М., 1976.-204 с.
109. Мифы индейцев Южной Америки. СПб., 1994, № 22. «Жабье молоко». – С. 58.
110. Мифы и сказки Бушменов. М., 1983. № 113-130.
111. Морозова М.Н. Антропонимия русских народных сказок// Фольклор. Поэтический синтаксис. М., 1977. – С. 231 – 241.
112. Моляхо В.А. Психология творческой деятельности. – Киев: Знание, 1978. – С.7.
113. Мухина В.С. Возрастная психология. М.:Academis, 1998.. – С. 83-87;Филлипова Л.В., Лебедев Ю.А. Социальная педагогика как интегральная наука о личности. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1992. –С.86-91; Абраменкова В.В. Социальная психология детства: ребёнок среди взрослых и сверстников в онто- и социогенезе //Мир психологии. – 1996. - №3. –С. 129-156.
114. Немов Р.С. Психология: В.2 кн. – М.: Просвещение, Владос, 1994. – Кн. 2: Психология образования. – 496 с.
115. Неклюдов С.Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве//Ранние формы искусства. М., 1972. – С. 194-204.
116. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе – В сб: Содружество науки и тайны творчества. М., 1974. – С.70.
117. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. – Л; 1974. –256 с.

118. Новиков В.С. Система персонажей русской волшебной сказки//Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа. М., 1995. – 216 С.
119. Новикова Т.А. Эпос и миф. – СПб: Наука, 2001. – 194 с.
120. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М.: Белый волк: КРАФТ, ГУП,Облиздат, 1999. – 290с.
121. Никифоров А.И. Сказка, её бытование и носители//Капица О.И. Русская народная сказка. М-Л., 1930. – С.7.
122. Никифоров А.И. К вопросу о морфологическом изучении сказки. Сборник в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. – 173 с.
123. Новикова А.М. Творческий портрет сказочницы А.К. Барышниковой (Куприянихи). Публикацию подготовила Т.В. Зуева//Сказки и несказочная проза: Сб. науч. трудов. – М., 1992. – С.136-150.
124. Новалис. Фрагменты. – Литературная теория немецкого романтизма. Изд. Писателей в Ленинграде. – 1934. – С.139.
125. Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. – М., Просвещение, 1965. – 160с.
- 126.Пропп В.Я. Морфология сказки. – 2-е изд. – М., 1969.(1-е изд.: Л., 1928).
127. Пропп В.Я Исторические корни волшебной сказки. – 2-е изд. – Л., 1986. 3-е изд. – СПб., 1996. (1-е изд.: Л., 1946).
128. Пропп В.Я. Русская сказка. М., Лабиринт, 2000. -416 с..
129. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Характер лирического мышления.
130. Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских – СПб., 1857. [Уч. заг. Императорской АН. – Кн. 4, отд. 2].
131. Парыгин Б.Д. Анатомия общения. –СПб; изд. В.А. Михайлова, 1999. - С.128.
132. Психология развития личности / под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1987. – С. 101.
133. Путилов Б.Н. Методология сравнительно – исторического изучения фольклора. – Л., 1976. – С. 9; 12.
134. Пушкин А.С. Полн. собр. соч: В 10 т. – М-Л.. 1981 . – Т7. – С.79.

135. Петрушевская Л.С. Настоящие сказки. – М. : Вагриус, 1999. – 399 с.
136. Павловская М.Л. Функционирование детерминантов тексте // Функционирование грамматических категорий в тексте. – Л.: 1981, С. 57-58.
137. Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы в Москве. М.: Гос. изд-во, 1917. – 62 с.
138. Померанцева Э.В. Русская устная проза. – М.: Просвещение, 1985. – 272с.
139. Поливанов Л.И. Методическая русская хрестоматия. / Сост. Лев Поливанов, председатель 4-й Моск. Гимназии. Ч2. – М.: Университет. тип., 1875. – 622 с.
140. Померанцева Э.В. Русские сказочники. – М.: Просвещение, 1976. – 190 с.
141. Примерная программа по литературе для школ II ступени. – М.: Гос. издательство, 1921. – 29 с.
142. Программа по литературе для V-IX классов средней школы / Под ред. В.Г. Маранцмана. – СПб.: Специальная литература, 1998. -184 с.
143. Программно-методические материалы. Литература. V-IX классы / Сост. Т.Я. Калганова. – М.: Дрофа, 1998. – 256 с.
144. Программы ГУСа и общественно- политическое воспитание. Первый объединённый съезд опытно-показательных учреждений и методических бюро / под ред. В. Рудневой. – М.: Работник просвещения, 1925. – 255 с.
145. Программы общеобразовательных учреждений. Литература V-XI классы. – М.: Мнемозина, 1997. – 54 с.
146. Прокофьев Н.И. Формирование понятий по теории литературы в старших классах. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 48 с.
147. Пушкарёва М.Д., Снежневская М.А. Связь классных и внеклассных занятий по литературе в V-VI классах. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. – 152 с.
148. Разумова И.А. Повествовательный стереотип в русской волшебной сказке: - Дисс. канд. филол. наук. – Л., 1984 – 216 с.
149. Разумова И.А. Стилистическая обрядность волшебной сказки. – Петрозаводск, 1991. – 156 с.

150. Рафаева А.В. Исследование семантических структур традиционных сюжетов и мотивов: Дисс. канд. филол. наук. – М., 1998. – 159 с.
151. Развитие творческой активности школьников / Под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1991. – 160 с.
152. Русский фольклор. Том XXXI. Материалы и исследования. – СПб: Наука, 2001.–568 с.
153. Русский фольклор: Материалы и исследования, № 30 I РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкина. дом). – СПб.: Наука, 1999.-568 с.
154. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки в. А Чудинского. М.: 1864.-460 с.
155. Разумова И. А. Ведьма и женские демонические персонажи волшебной сказки // Фольклористика Карелин. Петрозаводск, 1991.-С 26.
156. Рез З.Я. Работа над художественным словом и образом и формирование теоретика – литературных понятий // Рез З.Я. Изучение лирических произведений в школе. – Л.: Просвещение, 1968,-С. 130-153.
157. Родной язык в школе: Научно – педагогический сборник. Кп.7.- М.: Работник просвещения, 1927.-160 с.
158. Роткович Я. А. Очерки по истории преподавания литературы в русской школе: Труды ин-та методов обучения АПНР РСФСР. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953.-352 с.
159. Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.В. Новикова. – М – Л.: Изд-во АН СССР, 1961, - 396 с.
160. Русское народное поэтическое творчество в начальной школе: Методические рекомендации для начальной школы. – Москва – Самара: МПГУ, - 1999.-278 с.
161. Рыбаков В. Сказочник и его сказки // Семья и школа. – 1982.- №1.- С.46-49.
162. Рыбникова М.А. Очерки по методике литературного чтения. – 4-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1985.-288 с.
163. Самойлова Е.А. Изучение в школе произведений эпических жанров русского фольклора как средство постижения национальной культуры народа. – Дисс. канд. пед. наук., М., 1996.

164. Сипинев Ю.А., Сипинева И.А. Русская культура и словесность. Кн.1: Учебно-методическое, литературоведческое и культурологическое пособие. – СПб.: Сайма – АО «Энерготех», 1994,-399 с.
165. Сказки народов мира. Собрание сочинений в 10 т. – М.: Дет. лит., 1995.
166. Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступит, статья примечания Н.В.Новикова. Петрозаводск, 1991 (далее – Ф.П. Господарев. Указ. соч.).
167. Скафтымов А.П. Преподавание литературы дореволюционной школе (40-60г.г.) // Саратовский педагогич. ун-т. Ученые записи. – Саратов, 1938 (фак-т языка и лит-ры. Труды). Вып. 3.-251 с.
168. Славянская мифология: А: Я. – М.: Эллис Лак, 1995.-416 с.
169. Слонимский А. Мастерство Пушкина, - 2-е изд., испр. – М.: Гослитиздат, 1963. – 527 с.
170. Смирнов П.П. Работа над художественным произведением. Логический и интуитивный моменты // Вестник воспитания. - 1917. - №1, - С. 140-153.
171. Снежневская М.А. Произведения устного народного творчества. // Изучение литературы в IV./ Под ред. Н.И. Кудряшова. – М.: Просвещение, 1975. – С. 105 – 134.
172. Снежевская М.А. Теория литературы в IV – VI классах средней школы. – М.: Просвещение, 1978. – 176 с.
173. Соколовы Б.и Ю. Сказки и песни Белозерского края. – М.: Учпедгиз, 1915. – С. 190.
174. Соколов Ю.М. Историография фольклористики // Соколов Ю. М. Русский фольклор. – М., 1941. – С. 34-121.
175. Соболева Н.В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. – Новосибирск, 1984.
176. Соколов Н. М. Новая хрестоматия по курсу теории литературы // Русская школа. – 1913. - №2. – С. 14 – 24
177. Соколов Н. М. Устное и письменное слово учащихся. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 119 с.
178. Соколов Н.М. Изучение литературных произведений. – М. – Л.: Гос. изд-во, 1928. – 160с.
179. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1941. –450 с.

180. Соснина Н.А. Обучение школьников способам анализа художественного произведения на уроках литературы // Урок литературы: Пособие для учителя / Сост. Т.С. Зепалова, Н.Я. Мещерякова. – М.: Просвещение, 1983. – С.41-56.
181. Срезневский И.И. Замечания об изучении русского языка и словестности в средних учебных заведениях И. Срезневского. – СПб.: Тип. Акад. Наук, 1871. –23с.
182. Стоюнин В.Я. О преподавании русской литературы// Стоюнин В.Я. Избранные педагогические сочинения. – М.: Изд-во АПН СССР, 1991. – С. 296-317
183. Стоюнин В.Я. Педагогические сочинения. 2-е изд. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1903. –527с.
184. Стоюнин В.Я. Руководство для теоретического изучения литературы по лучшим образцам русским и иностранным. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1869–192с.
185. Станиславский К.С. Работа актера над собой. Ч.2 – М. – Л.: Наука, 1948. – С.136.
186. Смирнов А.М. Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок // Изв. отд. рус. яз. и слав, т. 16. Кн 4, 1911-1912; т. 17. Кн 3. –СПб. 1912; т. 19. Кн 4. Пр. 1915
187. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Л., 1979.
188. Субботский Е.В. Ребенок открывает мир. М.: Просвещение, 1991. – 200 с.
189. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения в 3-х т. Т1, М.: Педагогика, 1979. – 175с.
190. Сухомлинский В.А. О воспитании. – М.: Политиздат, 1985. – 270 с.
191. Сухомлинский В.А. Павлышская средняя школа: Обобщение опыта учебно-воспитательной работы в сельской средней школе. – 2-е изд., М.: Просвещение, 1979. – 393с.
192. Тамарченко Н.Д., Стрельцова Л.Е. Путешествие в “чужую страну”
193. Терентьева Н.П. Внеклассная работа по литературе. 5-8 классы. Жизнь и творчество А.С. Пушкина. – М.: ВЛАДОС, 1999.- 190с.

194. Томашевский Б.В. Теория литературы (Поэтика). – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 232с.
195. Топольницкая Л.С. Работа над сказкой на внеклассных занятиях // Литература в школе. – 1986. - №4. – С. 66-67.
196. Татарское народное творчество: в 14т. Т1: Сказки о животных и волшебные сказки (Акад. наук. Татарстана; Ин-т языка, лит. и искусства им. Г. Ибрагимова. – Казань.: Раннур, 1999. – 352с.
197. Типология татарского фольклора / Акад. наук. Татарстана; Ин-т языка, лит. и искусства.- Казань: Мастер Лайн; ИЯЛИ АНТ, 1999, - 156с.
198. Тищенко Н.В. Обстоятельства времени как средство организации текста волшебной сказки // Язык жанра русского фольклора. – Петрозаводск, 1983. – С. 47
199. Толстой Н. И. Болото// Славянская мифология (Энциклопедический словарь). – С.62-63
- 200.Топорков А.Л. Мифологические теории в русской филологической науке XIX века. Дисс. д-ра философ. наук. - М.: Изд-во Индрик, 1997-455 с.
201. Тряпицына А.П. Организация учебно-познавательной творческой деятельности школьников: Учебное пособие Л.,1989.- С.37.
- 202.Тынянов Ю.Н Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977. – 575с.
203. Тысяча и одна ночь. Избранные сказки и рассказы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.-333с.
204. Тэйлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. – М., 1989.
205. Уроки внеклассного чтения: Пособие для учителя/ Сост. Я.Г. Нестурх. – М.: Просвещение, 1980. – 128 с.
206. Ушинский К.Д. Первые уроки логики // Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т 4. – М. – Л.; Изд – во АПН РСФСР, 1984. – С. 564 – 578.
207. Ушинский К.Д. Педагогическая антропология // Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т 7. – М. – Л.: Изд – во АПН РСФСР, 1948. – 410 с.
208. Ухтомский А.А. Уловить содержание и смысл бытия. Из неопубликованного // Псих. жур. – 1994. – Т 15. - № 2. – С. 139.
209. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1995. – 316 с.

210. Фильштинский И.М. Литература XIII – XVII веков // Литература Востока в средние века. – М.: Изд – во МГУ, 1970. – С. 304 – 311.
211. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – 605 с.
212. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. – М., 1980.
213. Хмарский И.Д. Анализ литературного произведения в старших классах. – Ульяновск; Изд – во УГПИ, 1974. - 159 с.
214. Харитоновна В.И. Заговорно – заклинательная поэзия восточных славян. Конспекты лекций . – Львов, 1992.
215. Цветаева М.А. Проза. – Кишинев, 1986.С.376 – 397.
216. Цивьян Т.В. Указ. соч., с.191. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) II типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа. - М., 1975.-С191 – 213.
217. Чернышева Т.А. Потребность в удивительном и природа фантастики // Вопросы литературы. – 1979. - № 5. – С. 211 – 232.
218. Чернышева Т.А. Природа фантастики. – Иркутск, 1984. – 120 с.
219. Чертов В.Ф. Русская словесность в дореволюционной школе. – М.: Изд – во МГПУ им. В.И. Ленина, 1994. – 130 с.
220. Чуковский К.И. От двух до пяти // Чуковский К.И. Сочинения в 2т. – М.: Правда, 1990. – Т 1. – С. 73 – 467.
221. Черноусова И.П. Структура и художественные функции диалога в русской волшебной сказке: Дисс. канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 206 с.
222. Чувазов И.В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России. – М.: Учпедгиз, 1955. – С. 13.
223. Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Л., 1962. – С. 9.
224. Хейзит И. Хомо – луденс. Хаарлем, 1938. – С. 10.
225. Шамаева С.В. Антология сказки. – Воронеж, 1996. – 219с.
226. Шаров А.И. Волшебники приходят к людям. – М.: Детская литература, 1974. – 304 с.
227. Шмаков С.А. Игры учащихся – феномен культуры. – М.: Новая школа, 1994. – 210 с.

228. Шукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. – М.: Педагогика, 1988.- 208с.
229. Эккардт Л. Руководство к чтению поэтических сочинений. Для мужск. и женск. учеб. заведений / Перевели и составили приложение Н. Максимов и В. Острогорский. – СПб.: Тип. М – ва путей сообщ.(А. Бенке), 1875. – 148 с.
230. Эльконин Д.Б. Психология игры. - М.: Наука,1999.- С.118.
231. Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. М.: Изд – во центр. Academia, - 1988. – 256с.
232. Юнг К. Психологические типы / Пер. с нем. – СПб., 1995. – С. 217; 273–274.230. Юнг К. Либи́до: его метаморфозы и символы / Пер. с нем. – СПб., 1994.
233. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб: МЦКК и Т «Кентавр»,1994. – 136с.
234. Ядлбой Д.М. Стиль сказки и ее устные основы. – М.: Наука,1980. – С.83.
- 235.Ядровская Е.Р. Эрнст Гофман «Щелкунчик и мышинный король». V классе // Литература в школе. – 1998. - №8. – С. 130- 137.
236. Ярмыш Ю.Ф. О жанре мечты и фантазии // Детская литература. – 1980. - №10. – С. 15 – 18.
237. A. Wesselsky. Die Schwanke und Schnurren des Pfarres Arlotto. Berlin, 1910, XXIII, S. 57.
238. W. Anderson. Ein folkstumliches Experiment. FFC, №141, 1951.
239. W. Anderson. Eine neue Arbeit zur experimentalen folkskunde.FFC, №168, 1956.
240. Wundt W. Folkerpsy chologie, II(Mythus und Religion). Abt. 1, 1903, 8.436 tt.
- 241.L. Rohrich. Указ. соч. – с.5.
242. Malatesta C.Z. The role of emotions in the development and organization of personality. – Jn.R. Thompson (Ed). Socioemotional Development. – Nebraska Symposium on Motivation. 1990. – P. S. 1 – 56.
243. Petermann U., Petermann F. Fraining mit sozial unsicheren Kindern: Einzeltraining, Kindergruppen, Elterberatung, Weinheim: Beltz, 1991; Soziale Erziehung im Kindergarten. Klett buch. Ferlag: Folk und wissen, Berlin, 1994.
244. F. Rantle. Folkssagenforschung. Breslay, 1935, S.73.

245. Fank W., Meyer H. Hermeneutik – Schlüsselbegriff der Geisteswissenschaftlichen Pädagogik //Didaktische Modelle, 1994. – S. 110.

КАМАЛОВА Лера Ахтямовна

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В
КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ШКОЛАХ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Научный редактор: профессор М.Г.Ахметзянов

Корректурa автора

Лицензия № 0209 от 06.10.97

Сдано в набор 01.11.2006. Подписано к печати 09.11.2006.

Формат 60 x 84. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 9,25. Тираж 100 экз. Заказ К-138.

Министерство образования и науки РТ

Редакционно-издательский центр «Школа».

420111, Казань, Дзержинского,3. Тел.: 292-24-76

Отпечатано на множительном участке центра.